

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
АСТРАХАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**Сатретдинова А.Х., Глухова Н.В., Космачева О.Ю.,
Матюшкова А.И., Утежанова Ж.Э.**

ПОЭТИКА МЕДИЦИНЫ

Учебное пособие по чтению и развитию речи

АСТРАХАНЬ
2013

УДК 808.2/811.161
ББК 81.2 /83.3

**Сатретдинова А.Х., Глухова Н.В., Космачева О.Ю.,
Матюшкова А.И., Утежанова Ж.Э. ПОЭТИКА
МЕДИЦИНЫ: Учебное пособие по чтению и развитию
речи. – Астрахань: Изд-во ГБОУ ВПО АГМА, 2013. –
150 с.**

Сборник текстов для чтения и развития речи «Поэтика медицины» составлен на материале русской и советской литературы. В него включены художественные тексты о врачах. Данный сборник является учебным пособием и рекомендуется прежде всего для иностранных студентов-медиков, изучающих русский язык на продвинутом этапе. Сборник представляет интерес и для носителей языка, его можно рекомендовать к использованию на занятиях по русскому языку и культуре речи в высших и средних медицинских учебных заведениях, так как он содержит обширный и редкий материал по истории медицины. Составителями максимально сохранена оригинальность авторских произведений. Пособие включает биографическую справку об авторах. Тексты снабжены лексическим, культурологическим и страноведческим комментариями, предтекстовыми и послетекстовыми заданиями.

Цель сборника – ознакомление с русской литературой, развитие навыков чтения художественных текстов, расширение и обогащение словарного запаса, совершенствование навыков устной речи и практического

владения русским языком как средством общения.

Книга рассчитана как на аудиторную работу под руководством преподавателя, так и на самостоятельное чтение.

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор кафедры литературы АГУ Завьялова Е.Е.; кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка АГУ Лаптева М.Л.

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом ГБОУ ВПО АГМА

© Сатретдинова А.Х., Глухова Н.В., Космачева О.Ю.,
Матюшкова А.И., Утежанова Ж.Э.

© ГБОУ ВПО «Астраханская государственная
медицинская академия»

СОДЕРЖАНИЕ

<u>ПРЕДИСЛОВИЕ</u>	
<u>АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ</u>	
<u>Рассказ «ХИРУРГИЯ»</u>	
<u>Отрывок из рассказа «ИОНЫЧ»</u>	
<u>Отрывок из рассказа «ПОПРЫГУНЬЯ»</u>	
<u>Отрывок из рассказа «ВРАГИ»</u>	
<u>ВИКЕНТИЙ ВИКЕНТЬЕВИЧ ВЕРЕСАЕВ</u>	
<u>«ЗАПИСКИ ВРАЧА»</u>	
<u>МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ БУЛГАКОВ</u>	
<u>Рассказ «ПОЛОТЕНЦЕ С ПЕТУХОМ»</u>	
<u>Рассказ «ВЬЮГА»</u>	
<u>Рассказ «СТАЛЬНОЕ ГОРЛО»</u>	
<u>Рассказ «ПРОПАВШИЙ ГЛАЗ»</u>	
<u>АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН</u>	
<u>Рассказ «ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР»</u>	
<u>МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗОЩЕНКО</u>	
<u>«ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ»</u>	
<u>НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ АМОСОВ</u>	
<u>Отрывок из книги «МЫСЛИ И СЕРДЦЕ»</u>	
<u>Отрывок из научно-фантастического романа</u> <u>«ЗАПИСКИ ИЗ БУДУЩЕГО»</u>	
<u>ПЕТР ЛУКИЧ ПРОСКУРИН</u>	
<u>Отрывок из рассказа «ПОД ЯРКИМИ ЗВЁЗДАМИ»</u>	
<u>ЮЛИЙ ЗУСМАНОВИЧ КРЕЛИН</u>	
<u>Рассказ «ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?..»</u>	
<u>Рассказ «РАК»</u>	
<u>Рассказ «ПЯТЬ МИНУТ»</u>	
<u>НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ДЕМИЧЕВ</u>	
<u>Из книги «РАССЕКАЯ ВРЕМЯ»</u>	
<u>Из книги «ЗА ДЫМКОЙ ВРЕМЕНИ»</u>	
<u>Из книги «ЗА ДЫМКОЙ ВРЕМЕНИ»</u>	

«ОБХОД. РАССЕЯННАЯ ГРУСТЬ».....

*Профессия врача, медицина, как и литература,
подвиг.
Она требует самоотверженности, чистоты души и
помыслов,
не всякий способен на это.
А.П. Чехов.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное издание представляет собой сборник художественных текстов, в которых представлен образ врача. Изображение медицинской профессии в русской литературе связано с представлением о русском обществе и русской культуре. История литературы хранит имена плеяды врачей, ставших известными писателями. Среди них – А.П. Чехов, В.В. Вересаев, Н.М. Амосов, М.А. Булгаков, Ю.З. Крелин и др. Каждый из них внес огромный вклад в литературу. Такие классики русской и советской литературы, как Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.И. Солженицын, А.И. Куприн и др., не будучи врачами, затрагивали в своем творчестве медицинскую тематику, касались вопроса врачебной практики. Многие художественные произведения являются важнейшими источниками по истории медицины.

При подборе художественных текстов учитывалось то, что многие их создатели писали о медицине не понаслышке, а руководствуясь личным опытом, так как профессионально занимались врачебной практикой. В этом заключается особая ценность этих произведений. На примере художественных текстов преподавателю легче продемонстрировать студентам этические затруднения, возникающие перед врачом. Вымышленные доктора становятся образцами для подражания, истории болезней

литературных персонажей студенты-медики могут обсуждать на занятиях.

В сборник вошли рассказы и фрагменты произведений А.П. Чехова, рассказы из «Записок юного врача» М.А. Булгакова и «Записок врача» В.В. Вересаева, отрывки из произведений Н.М. Амосова, Н.П. Демичева, новеллы Ю.З. Крелина и др. Составителями сборника максимально сохранена оригинальность авторских произведений. Адаптация произведена по линии сокращения текстов. Для облегчения работы некоторые тексты разделены на небольшие фрагменты с законченным смысловым содержанием. В статьях, предваряющих художественные тексты, даны основные сведения об авторах, а также характеристика их творчества в рамках поставленной проблемы. Пособие включает систему лексико-грамматических заданий, которые следует выполнять до прочтения текста и по окончании его.

Предтекстовые упражнения снимают лексические и грамматические трудности, с которыми могут встретиться студенты во время прочтения. Тексты снабжены послетекстовыми заданиями, направленными на закрепление грамматических форм, развитие речевых навыков и увеличение объема активной лексики. Структура заданий предполагает строгую последовательность выполнения речевых действий, способствующих совершенствованию языковой компетенции и формированию навыков чтения: развитие языковой догадки, прогнозирование по названию текста и ключевым словам содержания текста, извлечение главной информации, умение выразить собственное отношение к прочитанному.

Пособие предназначено прежде всего для иностранных студентов, изучающих русский язык на

продвинутом этапе. Оно может использоваться на занятиях со слушателями различных курсов русского языка. Сборник представляет интерес и для носителей языка, его можно рекомендовать к использованию на занятиях по русскому языку и культуре речи в высших и средних медицинских учебных заведениях, так как он содержит обширный и редкий материал по истории медицины.

Книга рассчитана как на аудиторную работу под руководством преподавателя, так и на самостоятельное чтение.

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

Антон Павлович Чехов (1860 – 1904 гг.) – великий русский писатель. Родился в г. Таганроге в 1860 году. После окончания гимназии в 1879 году приезжает в Москву, чтобы поступить в университет на медицинский факультет. Он исправно посещает лекции, работает в анатомичке, зубрит латынь, одним словом, делает все, чтобы стать хорошим врачом. За время учебы в

университете Чехов опубликовал более двухсот различных материалов. В июне 1884 г. диплом об окончании медицинского факультета Чехову вручил сам Склифосовский, который в то время был и деканом медицинского факультета. На лето новоиспеченный доктор выехал в г. Воскресенск, а в сентябре Совет университета утвердил его в звании уездного врача. В этот период Антон Павлович собирался защищать даже докторскую диссертацию на тему «Врачебное дело в России».

А.П. Чехов писал литератору Билибину: «Фамилию я отдал медицине, с которою не расстанусь до гробовой доски. С литературой же мне рано или поздно придется расстаться» (из книги: В.Г. Дмитриева «Скрывшие свое имя». М.: Наука, 1980). А.П. Чехов, подчеркивает большинство его биографов, не сменил одну профессию на другую. Антон Павлович до последних дней своей жизни сохранил тесную связь с врачебной профессией, однако главным делом его жизни еще во время учебы становится

литература.

В 1890 году Чехов отправляется в Сибирь, чтобы затем посетить остров Сахалин – место ссылки осужденных на каторгу. «Если я врач, то мне нужны больные и больницы, если я литератор, то мне нужно жить среди народа», – пишет Чехов. Во время холерной эпидемии Чехов работал земским врачом, обслуживал сразу 25 деревень. Открыл на свои средства в Мелихове медицинский пункт, принимая множество больных и снабжая их лекарствами. Чехов с большим уважением относился к своим коллегам, земским врачам, высоко ценя их подвижнический труд. Он открыто выступал в защиту врачей, систематически помещал в газетах небольшие заметки, в которых писал о «...благородстве, самоотверженности и великодушии медицинской молодежи, работавшей на холерной эпидемии во имя долга, а не ради славы и наград». В своем творчестве А.П. Чехов отобразил различные стороны земской медицины того времени. В его произведениях «Хирургия», «Неприятность», «Палата №6», «Попрыгунья», «Сельские эскулапы», «Врачи», «Остров Сахалин» нашлось место простым земским врачам и их пациентам.

В Чехове-враче сочеталось тонкое понимание душевного мира больного с научным осмыслением существа болезни. Его подход к больному с точки зрения его психических переживаний явился результатом изучения трудов русских ученых С.П. Боткина, Г.А. Захарьина, А.А. Остроумова, Н.И. Пирогова. В 1897 году у Чехова резко обострился туберкулезный процесс, и он вынужден был лечь в больницу, а позднее, по настоянию врачей, переехать на юг, в Ялту. В 1904 года Чехов покидает Ялту и вместе с женой едет в Баденвейлер, знаменитый курорт на юге Германии. Но здесь Чехов

только на время облегчил свои страдания. 15 июля 1904 г. Антон Павлович Чехов скончался. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Рассказ «ХИРУРГИЯ»

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Бельмо – беловатое пятно на роговой оболочке глаза, образовавшееся после ее воспаления или при повреждении глаза.

Бородавка – небольшое узелковое образование кожи (обычно в виде округлого нароста).

Благотетель – человек, оказывающий кому-л. покровительство, помощь, услугу.

Бурса – общежитие для бедных студентов в России до 1917 г. при духовных училищах и семинариях.

Восвояси – обратно (туда, откуда пришел, приехал и т.п.).

Гугнивый – говорящий, поющий в нос.

Денно и ночью – день и ночь.

Дьячок – церковнослужитель низшего разряда в православной церкви

Зёмства (зёмские учреждения) – выборные органы местного самоуправления (земские собрания, зёмские упрáвы) в Российской империи.

Земская больница – больница при земстве.

Зияющий – раскрытый, глубокий.

Зловоние – отвратительный, трудно переносимый запах.

Иерей – священник.

Клирос – место для певчих в христианском храме.

Коренастый – невысокий, широкоплечий, крепкого сложения.

Коронка – наружная часть зуба.

Косноязычие – невнятное, неправильное произношение, расстройство речи.

Литургия – главное христианское церковное богослужение (у православных – обедня, у католиков – месса).

Намедни – совсем недавно, на днях.

Невдомек – не может догадаться, сообразить.

Невежа – грубый, невоспитанный человек.

Ни синь-порох – *здесь*: совсем ничего.

Оказия – непредвиденный, редкий случай.

Очуметь – потерять соображение, одуреть.

Ошеломленный – очень удивленный, озадаченный.

Пава – *здесь*: женщина с горделивой, величавой осанкой и плавной походкой.

Помещик – землевладелец, относящийся к привилегированному сословию.

Потчевать – предлагать съесть, выпить что-нибудь.

Просфора – белый круглый хлебец, употребляемый в обрядах православного богослужения.

Прочий – другой, остальной.

Псалтырь – одна из книг Библии.

Ряса – верхняя длинная одежда с широкими рукавами.

Тракция (вытяжение) – в ортопедической медицине набор методов для длительного растяжения конечностей либо мышц.

Триковые (брюки) – трикотажные.

Чечунчовая жакетка – шелковая короткая верхняя одежда (пиджак).

Шкап – (*устар.*) шкаф.

Задание 2. Подберите и напишите антонимы к глаголам.

Сесть, раскрыть, входить, надеть, брать, хмуриться, спать, поднять.

Задание 3. Замените в предложениях выделенные слова близкими по смыслу (синонимами).

1. Сел **намедни** со старухой чай пить и – ни боже мой, ни капельки, **ни синь-порох**, хоть ложись да помирай.
2. **Косноязычен** ты, Ефим, и **гугнив** стал.
3. **Зуб**, украшенный **зияющим** дуплом.
4. **Намедни** тоже, вот как и вы, приезжает в больницу помещик Александр Иванович Египетский.
5. **Человек почище тебя**, а не хватал руками.
6. Живи вот с *такими...* **очумеешь!**

Слова для справок: говорящий в нос, недавно, с ума сойдешь, неправильное произношение, глубокий, потерять соображение, человек более известный.

Задание 4. Прочитайте предложения в прошедшем времени, заменив глаголы несовершенного вида глаголами совершенного вида.

1. Секунду дьячок ищет глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутылку с карболовым раствором, потом вынимает из красного платочка просфору и с поклоном кладет ее перед фельдшером.
2. Вонмигласов поднимает колени до локтей, шевелит пальцами, выпучивает глаза, прерывисто дышит.
3. На багровом лице его выступает пот, на глазах слезы.
4. Дьячок вскакивает и лезет пальцами в рот.
5. Во рту нащупывает он зуб на старом месте.

Задание 5. Объясните расстановку знаков препинания в данных предложениях.

1) Дьячок берет со стола свою просфору и, придерживая щеку рукой, уходит восвояси.

2) За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин.

3) На носу у Вонмигласова бородавка, похожая издали на большую муху.

4) Секунду дьячок ищет глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутылку с карболовым раствором.

5) Курятин глядит в рот и среди пожелтевших от времени и табаку зубов усматривает один зуб, украшенный зияющим дуплом.

Задание 6. Прочитайте текст и выполните послетекстовые задания.

Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин, толстый человек лет сорока, в поношенной **чечунчовой жакетке** и в истрепанных **триковых брюках**. На лице выражение чувства долга и приятности. Между указательным и средним пальцами левой руки – сигара, распространяющая **зловоние**.

В приемную входит **дьячок** Вонмигласов, высокий **коренастый** старик в коричневой **рясе** и с широким кожаным поясом. Правый глаз с **бельмом** и полузакрит, на носу **бородавка**, похожая издали на большую муху. Секунду дьячок ищет глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутылку с карболовым раствором, потом вынимает из красного платочка **просфору** и с поклоном кладет ее перед фельдшером.

– А-а-а... мое вам! – зевает фельдшер. – С чем

пожаловали?

– С воскресным днем вас, Сергей Кузьмич... К вашей милости... Истинно и правдиво в **псалтыри** сказано, извините: «Питие мое с плачем растворях». Сел **намедни** со старухой чай пить и – ни боже мой, ни капельки, **ни синь-порох**, хоть ложись да помирай... Хлебнешь чуточку – и силы моей нету! А кроме того, что в самом зубе, но и всю эту сторону... Так и ломит, так и ломит! В ухо отдаёт, извините, словно в нем гвоздик или другой какой предмет: так и стреляет, так и стреляет! Согрешихом и беззаконновахом... Студными бо окалях душу грехми и в лености житие мое иждих... За грехи, Сергей Кузьмич, за грехи! **Отец иерей** после **литургии** упрекает: «**Косноязычен** ты, Ефим, и **гугнив** стал. Поёшь, и ничего у тебя не разберешь». А какое, судите, тут пение, ежели рта раскрыть нельзя, всё распухши, извините, и ночь не спавши...

– М-да... Садитесь... Раскройте рот!

Вонмигласов садится и раскрывает рот.

Курятин хмурится, глядит в рот и среди пожелтевших от времени и табаку зубов усматривает один зуб, украшенный **зияющим** дуплом.

– Отец диакон велели водку с хреном прикладывать – не помогло. Гликерия Анисимовна, дай бог им здоровья, дали на руку ниточку носить с Афонской горы да велели теплым молоком зуб полоскать, а я, признаться, ниточку-то надел, а в отношении молока не соблюл: бога боюсь, пост...

– Предрассудок... (пауза). Вырвать его нужно, Ефим Михеич!

– Вам лучше знать, Сергей Кузьмич. На то вы и обучены, чтоб это дело понимать как оно есть, что вырвать, а что каплями или **прочим** чем... На то вы, **благодетели**, и поставлены, дай бог вам здоровья, чтоб мы за вас **денно и**

ношно, отцы родные... по гроб жизни...

– Пустяки... – скромничает фельдшер, подходя к **шкапу** и роясь в инструментах. – Хирургия – пустяки... Тут во всем привычка, твердость руки... Раз плюнуть... **Намедни** тоже, вот как и вы, приезжает в больницу **помещик** Александр Иванович Египетский... Тоже с зубом... Человек образованный, обо всем спрашивает, во всё входит, как и что. Руку пожимает, по имени и отчеству... В Петербурге семь лет жил, всех профессоров перенюхал... Долго мы с ним тут... Христом-богом молит: вырвите вы мне его, Сергей Кузьмич! Отчего же не вырвать? Вырвать можно. Только тут понимать надо, без понятия нельзя... Зубы разные бывают. Один рвешь щипцами, другой козьей ножкой, третий ключом... Кому как.

Фельдшер берет козью ножку, минуту смотрит на нее вопросительно, потом кладет и берет щипцы.

– Ну-с, раскройте рот пошире... – говорит он, подходя с щипцами к дьячку. – Сейчас мы его... тово... Раз плюнуть... Десну подрезать только... **тракцию** сделать по вертикальной оси... и всё... (подрезывает десну) и всё...

– **Благодетели** вы наши... Нам, дуракам, и **невдомек**, а вас господь просветил...

– Не рассуждайте, ежели у вас рот раскрыт...

– Этот легко рвать, а бывает так, что одни только корешки... Этот – раз плюнуть... (накладывает щипцы). Пойдите, не дергайтесь... Сидите неподвижно... В мгновение ока... (делает тракцию). Главное, чтоб поглубже взять (тянет)... чтоб **коронка** не сломалась...

– Отцы наши... Мать пресвятая... Ввв...

– Не тово... не тово... как его? Не хватайте руками! Пустите руки! (тянет). Сейчас... Вот, вот... Дело-то ведь не легкое...

– Отцы... радетели... (кричит). Ангелы! Ого-го... Да

дергай же, дергай! Чего пять лет тянешь?

– Дело-то ведь... хирургия... Сразу нельзя... Вот, вот...

Вонмигласов поднимает колени до локтей, шевелит пальцами, выпучивает глаза, прерывисто дышит... На багровом лице его выступает пот, на глазах слезы. Курятин сопит, топчется перед дьячком и тянет... Проходят мучительнейшие полминуты – и щипцы срываются с зуба. Дьячок вскакивает и лезет пальцами в рот. Во рту нащупывает он зуб на старом месте.

– Тянул! – говорит он плачущим и в то же время насмешливым голосом. – Чтоб тебя так на том свете потянуло! Благодарим покорно! Коли не умеешь рвать, так не берись! Света божьего не вижу...

– А ты зачем руками хватаешь? – сердится фельдшер. – Я тяну, а ты мне под руку толкаешь и разные глупые слова... Дура!

– Сам ты дура!

– Ты думаешь, мужик, легко зуб-то рвать? Возьмись-ка! Это не то, что на колокольню полез да в колокола отбарабанил! (дразнит). «Не умеешь, не умеешь!» Скажи, какой указчик нашелся! Ишь ты... Господину Египетскому, Александру Иванычу, рвал, да и тот ничего, никаких слов... Человек почище тебя, а не хватал руками... Садись! Садись, тебе говорю!

– Света не вижу... Дай дух перевести... Ох! (садится). Не тяни только долго, а дергай. Ты не тяни, а дергай... Сразу!

– Учи ученого! Экий, господи, народ необразованный! Живи вот с *такими*... **очумеешь!** Раскрой рот... (накладывает щипцы). Хирургия, брат, не шутка... Это не на **клиросе** читать... (делает тракцию). Не дергайся... Зуб, выходит, застарелый, глубоко корни пустил... (тянет). Не шевелись... Так... так... Не шевелись...

Ну, ну... (слышен хрустящий звук). Так и знал!

Вонмигласов сидит минуту неподвижно, словно без чувств. Он **ошеломлен**... Глаза его тупо глядят в пространство, на бледном лице пот.

– Было б мне козьей ножкой... – бормочет фельдшер.
– Этакая **оказия!**

Придя в себя, дьячок сует в рот пальцы и на месте больного зуба находит два торчащих выступа.

– Парршивый чёрт... – выговаривает он. – Насажали вас здесь, иродов, на нашу погибель!

– Поругайся мне еще тут... – бормочет фельдшер, кладя в шкаф щипцы. – **Невежа**... Мало тебя в **бурсе** березой **потчевали**... Господин Египетский, Александр Иваныч, в Петербурге лет семь жил... образованность... один костюм рублей сто стоит... да и то не ругался... А ты что за **пава** такая? Ништо тебе, не околеешь!

Дьячок берет со стола свою просфору и, придерживая щеку рукой, уходит **восвояси**...

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы:

1) С какими жалобами пришел в больницу дьячок Вонмигласов?

2) Опишите внешность фельдшера Курятина и дьячка Вонмигласова.

3) Что делал дьячок, чтобы облегчить зубную боль?

4) Как вы думаете, можно ли фельдшера Курятина назвать профессионалом своего дела? Подтвердите свой ответ примерами из текста.

5) Какие чувства испытывал дьячок во

время удаления зуба фельдшером Курятиным?

6) Как меняются отношения между дьячком и фельдшером в течение рассказа?

7) Как вы думаете, что хотел показать дьячок тем, что забрал просфору, уходя от фельдшера?

Задание 2. Раскройте значение следующих устойчивых сочетаний. Найдите в тексте ситуации, в которых они употребляются.

Потчевать березой, придти в себя, перевести дух, раз плюнуть, говорить под руку, в мгновение ока.

Задание 3. Найдите в тексте предложения с обращениями. Определите, для чего они используются.

Задание 4. Объясните, как вы понимаете фразу Вонмигласова:

«Парршивый чёрт.. Насажали вас здесь, иродов, на нашу погибель!»

Отрывок из рассказа «ИОНЫЧ»

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Бархатный – мягкий, шелковый.

Благоверная – жена, супруга.

Верста – русская единица измерения расстояния, равная 1 066,8 метрам.

Вознесение – религиозный праздник.

Губернский город – основная административно-территориальная единица в Российском государстве с начала XVIII в.

Досуг – свободное время.

Заклинаю вас – *здесь*: очень сильно прошу.

Зёмства (зёмские учреждения) – выборные органы местного самоуправления (земские собрания, зёмские упрáвы) в Российской империи.

Земский врач – врач, приглашенный земством для оказания медицинской помощи людям, проживающим в определенном уезде (районе).

Изящество – изысканная, тонкая красота.

Клен – дерево с большими резными листьями.

Консерватория – высшее музыкальное учебное заведение.

Клавиша – пластинка в музыкальных инструментах (фортепиано, органе, аккордеоне и т.п.), по которой ударяют для получения звука.

Крыльцо – пристройка при входе в дом в виде площадки с лестницей.

Кучер – слуга, работник, который правит лошадьми в экипаже.

Лампадка – светильник перед иконами у православных и католиков.

Мигрень – головная боль.

Надоедливый – привязчивый, прилипчивый.

Не имеет никакого римского права – *здесь*: не должен отделяться от общества.

Памятник – каменное, бронзовое и т.п. сооружение на могиле умершего; надгробие.

Смеркаться – темнеть.

Трогательный – способный разжалобить, растрогать.

Фортепьяно – музыкальный инструмент.

Холера – инфекционное заболевание.

Часовня – маленькое здание для молений, богослужений с иконами и, в отличие от церкви, без

алтаря.

Экзерсис – система упражнений для совершенствования техники (в танцах, музыке).

Задание 2. Образуйте от данных ниже прилагательных существительные с суффиксами -ость-, -есть-.

1) худощавый	4) торжественный
2) миловидный	5) свежий
3) молодой	6) тяжелый
	7) странный

Задание 3. Образуйте от инфинитива форму повелительного наклонения множественного числа.

Жалуйся, говори, познакомься, сходи, представь, напиши, подними, ударь, наполни, улыбайся.

Задание 4. Перепишите предложения, выбирая глагол нужного вида.

1) Пока пили чай, Екатерина Ивановна (*играть* – *поиграть*) на рояле шумно и долго.

2) Перед тем как (*говорить* – *поговорить*) с Екатериной Ивановной, Старцев сильно волновался.

3) До тех пор пока он не (*видеть* – *увидеть*) Котика, Старцев жил спокойно.

4) Перед тем как (*ехать* – *уехать*), он вспомнил все сразу.

Задание 5. Вспомните управление следующих глаголов. Образуйте словосочетания, используя слова справа.

Жаловаться | Клуб

Погулять	Мигрень
Видеть	Скука
Рассказывать	Сад
Приехать	Город
Лечиться	Гость
Облегчить	Анекдоты
Жить	Страдания

Задание 6. Прочитайте фрагмент рассказа А.П. Чехова «Ионыч» и выполните послетекстовые задания.

I

Когда в **губернском городе С.** приезжие жаловались на скуку и однообразие жизни, то местные жители, как бы оправдываясь, говорили, что, напротив, в С. очень хорошо, что в С. есть библиотека, театр, клуб, бывают балы, что, наконец, есть умные, интересные, приятные семьи, с которыми можно завести знакомства. И указывали на семью Туркиных как на самую образованную и талантливую...

И доктору Старцеву, Дмитрию Ионычу, когда он был только что назначен **земским врачом** и поселился в Дялиже, в девяти **верстах** от С., тоже говорили, что ему, как интеллигентному человеку, необходимо познакомиться с Туркиными. Как-то зимой на улице его представили Ивану Петровичу; поговорили о погоде, о театре, о **холере**, последовало приглашение. Весной, в праздник – это было **Вознесение**, – после приема больных, Старцев отправился в город, чтобы развлечься немножко и кстати купить себе кое-что... В городе он пообедал, погулял в саду, потом как-то само собой пришло ему на память приглашение Ивана Петровича, и он решил сходить к Туркиным, посмотреть,

что это за люди.

– Здравствуйте пожалуйста, – сказал Иван Петрович, встречая его на крыльце. – Очень, очень рад видеть такого приятного гостя. Пойдемте, я представлю вас своей **благочестивой**. Я говорю ему, Верочка, – продолжал он, представляя доктора жене, – я ему говорю, что он не **имеет никакого римского права** сидеть у себя в больнице, он должен отдавать свой **досуг** обществу. Не правда ли, душенька?

– Садитесь здесь, – говорила Вера Иосифовна, сажая гостя возле себя. – Вы можете ухаживать за мной. Мой муж ревнив, это Отелло, но ведь мы постараемся вести себя так, что он ничего не заметит.

– Ах ты, цыпка, баловница... – нежно пробормотал Иван Петрович и поцеловал ее в лоб. – Вы очень кстати пожаловали, – обратился он опять к гостю, – моя **благочестивая** написала большинский роман и сегодня будет читать его вслух...

Старцеву представили Екатерину Ивановну, восемнадцатилетнюю девушку, очень похожую на мать, такую же худощавую и миловидную. Выражение у нее было еще детское и талия тонкая, нежная, и девственная, уже развитая грудь, красивая, здоровая, говорила о весне, настоящей весне. С наступлением вечера мало-помалу сходились гости, и к каждому из них Иван Петрович обращал свои смеющиеся глаза и говорил:

– Здравствуйте пожалуйста.

Потом все сидели в гостиной, с очень серьезными лицами, и Вера Иосифовна читала свой роман... Вера Иосифовна читала о том,.. чего никогда не бывает в жизни, и все-таки слушать было приятно, удобно, и в голову шли всё такие хорошие, покойные мысли, – не хотелось вставать.

– Недурственно... – тихо проговорил Иван Петрович.

– А теперь ты, Котик, сыграй что-нибудь, – сказал Иван Петрович дочери.

Подняли у рояля крышку, раскрыли ноты, лежавшие уже наготове. Екатерина Ивановна села и обеими руками ударила по **клавишам**; и потом тотчас же опять ударила изо всей силы, и опять, и опять; плечи и грудь у нее содрогались, она упрямо ударяла всё по одному месту, и казалось, что она не перестанет, пока не вобьет **клавишей** внутрь рояля. Гостиная наполнилась громом; гремело всё: и пол, и потолок, и мебель... После зимы, проведенной в Дялиже, среди больных и мужиков, сидеть в гостиной, смотреть на это молодое, **изящное** и, вероятно, чистое существо и слушать эти шумные, **надоедливые**, но всё же культурные звуки, – было так приятно, так ново...

– Ну, Котик, сегодня ты играла, как никогда, – сказал Иван Петрович со слезами на глазах, когда его дочь кончила и встала. – Умри, Денис, лучше не напишешь.

Все окружили ее, поздравляли, изумлялись, уверяли, что давно уже не слыхали такой музыки, а она слушала молча, чуть улыбаясь, и на всей ее фигуре было написано торжество.

– Прекрасно!– сказал и Старцев, поддаваясь общему увлечению. – Вы где учились музыке? – спросил он у Екатерины Ивановны. – В консерватории?

– Нет, в консерваторию я еще только собираюсь, а пока училась здесь, у мадам Завловской...

А за ужином уже Иван Петрович показывал свои таланты. Он, смеясь одними только глазами, рассказывал анекдоты, острил, предлагал смешные задачи и сам же решал их и всё время говорил на своем необыкновенном языке, выработанном долгими упражнениями в остроумии и, очевидно, давно уже вошедшем у него в привычку:

большинский, недурственно, покорчило вас благодарю...

«Занятно», – подумал Старцев, выходя на улицу.

Пройдя девять верст и потом ложась спать, он не чувствовал ни малейшей усталости, а напротив, ему казалось, что он с удовольствием прошел бы еще **верст** двадцать.

«Недурственно...» – вспомнил он, засыпая, и засмеялся.

II

Старцев всё собирался к Туркиным, но в больнице было очень много работы, и он никак не мог выбрать свободного часа. Прошло больше года таким образом в трудах и одиночестве; но вот из города принесли письмо в голубом конверте...

Вера Иосифовна давно уже страдала **мигренью**, но в последнее время, когда Котик каждый день пугала, что уедет в **консерваторию**, припадки стали повторяться всё чаще. Вера Иосифовна написала ему **трогательное** письмо, в котором просила его приехать и облегчить ее страдания. Старцев приехал и после этого стал бывать у Туркиных часто, очень часто... Он в самом деле немножко помог Вере Иосифовне, и она всем гостям уже говорила, что это необыкновенный, удивительный доктор. Но ездил он к Туркиным уже не ради ее **мигрени**...

Праздничный день. Екатерина Ивановна кончила свои длинные, томительные **экзерсисы** на рояле. Старцев воспользовался минутой замешательства и сказал Екатерине Ивановне шёпотом, сильно волнуясь:

– Ради бога, умоляю вас, не мучайте меня, пойдёмте в сад!

Она пожала плечами, как бы недоумевая и не понимая, что ему нужно от нее, но встала и пошла.

Приближалась осень, и в старом саду было тихо, грустно и на аллеях лежали темные листья. Уже рано **смеркалось**.

– Я не видел вас целую неделю, – продолжал Старцев, – а если бы вы знали, какое это страдание! Сядемте. Выслушайте меня.

У обоих было любимое место в саду: скамья под старым широким кленом. И теперь сели на эту скамью.

– Что вам угодно? – спросила Екатерина Ивановна сухо, деловым тоном.

– Я не видел вас целую неделю, я не слышал вас так долго. Я страстно хочу, я жажду вашего голоса. Говорите.

Она восхищала его своею свежестью, наивным выражением глаз и щек. С ней он мог говорить о литературе, об искусстве, о чем угодно, мог жаловаться ей на жизнь, на людей, хотя во время серьезного разговора, случалось, она вдруг некстати начинала смеяться или убегала в дом. Она, как почти все сие девушки, много читала; это бесконечно нравилось Старцеву, он с волнением спрашивал у нее всякий раз, о чем она читала в последние дни, и, очарованный, слушал, когда она рассказывала.

– Куда же вы? – ужаснулся Старцев, когда она вдруг встала и пошла к дому. – Мне необходимо поговорить с вами, я должен объясниться... Побудьте со мной хоть пять минут! **Заклинаю вас!**

Она остановилась, как бы желая что-то сказать, потом неловко сунула ему в руку записку и побежала в дом, и там опять села за рояль.

«Сегодня, в одиннадцать часов вечера, – прочел Старцев, – будьте на кладбище возле **памятника Деметти**».

«Ну, уж это совсем не умно, – подумал он, придя в себя. – Причем тут кладбище? Для чего?»

Было ясно: Котик дурачилась. Кому, в самом деле, придет серьезно в голову назначать свидание ночью, далеко за городом, на кладбище, когда это легко можно устроить на улице, в городском саду? К чему поведет этот роман? Что скажут товарищи, когда узнают? Так думал Старцев, бродя в клубе около столов, а в половине одиннадцатого вдруг взял и поехал на кладбище.

У него уже была своя пара лошадей и **кучер** Пантелеймон в **бархатной** жилетке. Светила луна. Было тихо, тепло, но тепло по-осеннему. Старцев оставил лошадей на краю города, в одном из переулков, а сам пошел на кладбище пешком. «У всякого свои странности, – думал он. – Котик тоже странная и – кто знает? – быть может, она не шутит, придет», – и он отдался этой слабой, пустой надежде, и она опьянила его.

Памятник Деметти в виде **часовни**, с ангелом наверху; когда-то в С. была проездом итальянская опера, одна из певиц умерла, ее похоронили и поставили этот памятник. В городе уже никто не помнил о ней, но **лампадка** над входом отражала лунный свет и, казалось, горела.

Никого не было. Да и кто пойдет сюда в полночь? Но Старцев ждал, и, точно лунный свет подогревал в нем страсть, ждал страстно и рисовал в воображении поцелуи, объятия. И точно опустил занавес, луна ушла под облака, и вдруг всё потемнело кругом. Старцев едва нашел ворота, – уже было темно, как в осеннюю ночь, – потом часа полтора бродил, отыскивая переулок, где оставил своих лошадей.

– Я устал, едва держусь на ногах, – сказал он Пантелеймону.

И, садясь с наслаждением в коляску, он подумал:
«Ох, не надо бы полнеть!»

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы:

- 1) Как произошло первое знакомство Старцева и Екатерины Ивановны?
- 2) Какие впечатления остались у Старцева после первого знакомства с семьей Туркиных?
- 3) Почему Старцев поехал на кладбище?
- 4) Как Екатерина Ивановна относится к Старцеву?
- 5) Найдите в тексте описание внешности Екатерины Ивановны. Составьте её словесный портрет.

Задание 2. Найдите в тексте предложения, в которых говорится о чувствах главного героя рассказа.

Задание 3. Выберите правильный ответ на вопрос, почему Екатерина Ивановна назначила Старцеву свидание на кладбище около памятника Деметти?

- 1) Она знала эту певицу.
- 2) Она считала себя такой же талантливой, как и итальянская певица.
- 3) Она хотела испугать Старцева.
- 4) Екатерина Ивановна была бесстрашной девушкой.

«ИОНЫЧ»
(продолжение)

Задание 1. Прочитайте Лексический

комментарий:

Бродить – медленно ходить.

Винт – карточная игра.

Ворвань – жир морских млекопитающих и некоторых рыб.

Дьячковский сын – сын мелкого чиновника (писаря).

Земский врач – врач, приглашенный земством для оказания медицинской помощи людям, проживающим в определенном уезде (районе).

Клен – дерево с большими резными листьями.

Коляска – четырехколесный экипаж с откидным верхом.

Консилиум – совещание врачей для обсуждения состояния, уточнения диагноза и определения способов лечения больного.

Манеры – внешние формы поведения в обществе.

Мигрень – головная боль.

Наклониться – наклониться.

Остричь – острословить, остроумничать.

Приданое – имущество (деньги, вещи, недвижимость), которое получает невеста от своих родителей при выходе замуж.

Задание 2. К словам из левой колонки подберите антонимы из правой колонки.

тяжелый	талантливый
бездарный	легкомысленный
отвратительный	лёгкий
благородный	прелестный
серьёзный	низкий, подлый
старый	молодой

Задание 3. Образуйте от глаголов избаловать, любоваться, страдать, освещать, утомиться, играть страдательные или действительные причастия.

Задание 4. Найдите в предложениях временные конструкции. Скажите, что они обозначают. Определите вид глаголов.

- 1) Да, я был там и ждал вас почти до двух часов.
- 2) Дня три у него дело валялось из рук, он не ел, не спал.
- 3) Но зато в винт играл каждый вечер, часа по три, с наслаждением.
- 4) За все четыре года после отъезда Екатерины Ивановны он был у Туркиных только два раза.
- 5) Прошло четыре года.
- 6) А Котик играет на рояле каждый день, часа по четыре.

Задание 5. Образуйте наречия от данных прилагательных.

Туманный, радостный, теплый, холодный, великодушный, милосердный, отвратительный, шумный.

Задание 6. Прочитайте продолжение рассказа и выполните послетекстовые задания.

III

На другой день вечером он поехал к Туркиным делать предложение. Но это оказалось неудобным, так как Екатерину Ивановну в ее комнате причесывал парикмахер. Она собиралась в клуб на танцевальный вечер.

Пришлось опять долго сидеть в столовой и пить чай.

«А **приданого** они дадут, должно быть, немало», – думал Старцев. После бессонной ночи он находился в состоянии ошеломления, точно его опоили чем-то сладким и усыпляющим; на душе было туманно, но радостно, тепло, и в то же время в голове какой-то холодный, тяжелый кусочек рассуждал:

«Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебе? Она избалована, капризна, спит до двух часов, а ты **дьячковский сын, земский врач...**»

«Ну что ж? – думал он. – И пусть».

«К тому же, если ты женишься на ней, – продолжал кусочек, – то ее родня заставит тебя бросить **земскую службу** и жить в городе».

«Ну что ж? – думал он. – В городе, так в городе. Дадут **приданое**, заведем обстановку...»

Наконец вошла Екатерина Ивановна в бальном платье, декольте, хорошенькая, чистенькая, и Старцев залюбовался и пришел в такой восторг, что не мог выговорить ни одного слова, а только смотрел на нее и смеялся.

Она стала прощаться, и он – оставаться тут ему было уже незачем – поднялся, говоря, что ему пора домой: ждут больные.

– Делать нечего, – сказал Иван Петрович, – поезжайте, кстати же подвезете Котика в клуб.

На дворе накрапывал дождь, было очень темно, и только по хриплому кашлю Пантелеймона можно было угадать, где лошади. Подняли у **коляски** верх.

Поехали.

– А я вчера был на кладбище, – начал Старцев. – Как это невеликодушно и немилосердно с вашей стороны...

– Вы были на кладбище?

– Да, я был там и ждал вас почти до двух часов. Я

страдал...

– И страдайте, если вы не понимаете шуток.

Екатерина Ивановна, довольная, что так хитро подшутила над влюбленным и что ее так сильно любят, захохотала и вдруг вскрикнула от испуга, так как в это самое время лошади круто поворачивали в ворота клуба и **коляска накренилась**. Старцев обнял Екатерину Ивановну за талию; она, испуганная, прижалась к нему, и он не удержался и страстно поцеловал ее в губы, в подбородок и сильнее обнял.

– Довольно, – сказала она сухо.

И чрез мгновение ее уже не было в коляске, и городской около освещенного подъезда клуба кричал отвратительным голосом на Пантелеймона:

– Чего стал, ворона? Проезжай дальше!

Старцев поехал домой, но скоро вернулся. Одетый в чужой фрак и белый жесткий галстук, который как-то всё топорщился и хотел сползти с воротничка, он в полночь сидел в клубе в гостиной и говорил Екатерине Ивановне с увлечением:

– О, как мало знают те, которые никогда не любили! К чему предисловия, описания? К чему ненужное красноречие? Любовь моя безгранична... Прошу, умоляю вас, – выговорил наконец Старцев, – будьте моей женой!

– Дмитрий Ионыч, – сказала Екатерина Ивановна с очень серьезным выражением, подумав. – Дмитрий Ионыч, я очень вам благодарна за честь, я вас уважаю, но... – она встала и продолжала стоя, – но, извините, быть вашей женой я не могу. Я хочу быть артисткой, я хочу славы, успехов, свободы, а вы хотите, чтобы я продолжала жить в этом городе, продолжала эту пустую, бесполезную жизнь, которая стала для меня невыносима. Дмитрий Ионыч, вы добрый, благородный, умный человек, вы лучше всех... – у

нее слезы навернулись на глазах, – я сочувствую вам всей душой, но... но вы поймете...

И, чтобы не заплакать, она отвернулась и вышла из гостиной.

У Старцева перестало беспокойно биться сердце. Выйдя из клуба на улицу, он прежде всего сорвал с себя жесткий галстук и вздохнул всей грудью. Ему было немножко стыдно и самолюбие его было оскорблено, – он не ожидал отказа, – и не верилось, что все его мечты, томления и надежды привели его к такому глупенькому концу, точно в маленькой пьесе на любительском спектакле. Дня три у него дело валилось из рук, он не ел, не спал, но, когда до него дошел слух, что Екатерина Ивановна уехала в Москву поступать в консерваторию, он успокоился и зажил по-прежнему.

Потом, иногда вспоминая, как он **бродил** по кладбищу или как ездил по всему городу и отыскивал фрак, он лениво потягивался и говорил:

– Сколько хлопот, однако!

IV

Прошло четыре года. В городе у Старцева была уже большая практика. Каждое утро он спешно принимал больных у себя в Дялиже, потом уезжал к городским больным, уезжал уже не на паре, а на тройке с бубенчиками, и возвращался домой поздно ночью. Он пополнил, раздобыл и неохотно ходил пешком, так как страдал одышкой...

От таких развлечений, как театр и концерты, он уклонялся, но зато в **винт** играл каждый вечер, часа по три, с наслаждением. Было у него еще одно развлечение, в которое он втянулся незаметно, мало-помалу, это – по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой, и, случалось, бумажек – желтых и зеленых, от

которых пахло духами, и уксусом, и ладаном, и **ворванью**, – было понапихано во все карманы рублей на семьдесят; и когда собиралось несколько сот, он отвозил в Общество взаимного кредита и клал там на текущий счет.

За все четыре года после отъезда Екатерины Ивановны он был у Туркиных только два раза, по приглашению Веры Иосифовны, которая всё еще лечилась от **мигрени**. Каждое лето Екатерина Ивановна приезжала к родителям погостить, но он не видел ее ни разу; как-то не случалось.

Но вот прошло четыре года. В одно тихое, теплое утро в больницу принесли письмо. Вера Иосифовна писала Дмитрию Ионычу, что очень соскучилась по нем, и просила его непременно пожаловать к ней и облегчить ее страдания, и кстати же сегодня день ее рождения. Внизу была приписка: «К просьбе мамы присоединяюсь и я. К.»

Старцев подумал и вечером поехал к Туркиным.

– А, здравствуйте пожалуйста! – встретил его Иван Петрович, улыбаясь одними глазами. – Бонжурте.

Вера Иосифовна, уже сильно постаревшая, с белыми волосами, пожала Старцеву руку, манерно вздохнула и сказала:

– Вы, доктор, не хотите ухаживать за мной, никогда у нас не бываете, я уже стара для вас. Но вот приехала молодая, быть может, она будет счастливее.

А Котик? Она похудела, побледнела, стала красивее и стройнее; но уже это была Екатерина Ивановна, а не Котик; уже не было прежней свежести и выражения детской наивности. И во взгляде, и в **манерах** было что-то новое – несмелое и виноватое, точно здесь, в доме Туркиных, она уже не чувствовала себя дома.

– Сколько лет, сколько зим! – сказала она, подавая Старцеву руку, и было видно, что у нее тревожно билось

сердце; и пристально, с любопытством глядя ему в лицо, она продолжала: – Как вы пополнили! Вы загорели, возмужали, но в общем вы мало изменились.

И теперь она ему нравилась, очень нравилась, но чего-то уже не доставало в ней, или что-то было лишнее, – он и сам не мог бы сказать, что именно, но что-то уже мешало ему чувствовать, как прежде. Он вспомнил о своей любви, о мечтах и надеждах, которые волновали его четыре года назад, – и ему стало неловко.

Пили чай со сладким пирогом... Потом Екатерина Ивановна играла на рояле шумно и долго, и, когда кончила, ее долго благодарили и восхищались ею.

«А хорошо, что я на ней не женился», – подумал Старцев.

Она смотрела на него и, по-видимому, ждала, что он предложит ей пойти в сад, но он молчал.

– Давайте же поговорим, – сказала она, подходя к нему. – Как вы живете? Что у вас? Как? Я все эти дни думала о вас, – продолжала она нервно, – я хотела послать вам письмо, хотела сама поехать к вам в Дялиж, и я уже решила поехать, но потом раздумала, – бог знает, как вы теперь ко мне относитесь. Я с таким волнением ожидала вас сегодня. Ради бога, пойдёмте в сад. Они пошли в сад и сели там на скамью под старым **кленом**, как четыре года назад. Было темно.

– Как же вы поживаете? – спросила Екатерина Ивановна.

– Ничего, живем понемножку, – ответил Старцев.

И ничего не мог больше придумать. Помолчали.

– Я волнуюсь, – сказала Екатерина Ивановна и закрыла руками лицо, – но вы не обращайтесь внимания. Мне так хорошо дома, я так рада видеть всех и не могу привыкнуть. Сколько воспоминаний! Мне казалось, что мы

будем говорить с вами без умолку, до утра.

Теперь он видел близко ее лицо, блестящие глаза, и здесь, в темноте, она казалась моложе, чем в комнате, и даже как будто вернулось к ней ее прежнее детское выражение. И он вспомнил всё, что было, все малейшие подробности, как он бродил по кладбищу, как потом под утро, утомленный, возвращался к себе домой, и ему вдруг стало грустно и жаль прошлого. В душе затеплился огонек.

– А помните, как я провожал вас на вечер в клуб? – сказал он. – Тогда шел дождь, было темно...

Огонек всё разгорался в душе, и уже хотелось говорить, жаловаться на жизнь...

– Эх! – сказал он со вздохом. – Вы вот спрашиваете, как я поживаю. Как мы поживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся. Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего?

– Но у вас работа, благородная цель в жизни. Вы так любили говорить о своей больнице. Я тогда была какая-то странная, воображала себя великой пианисткой. И конечно, я вас не понимала тогда, но потом, в Москве, я часто думала о вас. Я только о вас и думала. Какое это счастье быть **земским врачом**, помогать страдальцам, служить народу. Какое счастье! – Когда я думала о вас в Москве, вы представлялись мне таким идеальным, возвышенным...

Старцев вспомнил про бумажки, которые он по вечерам вынимал из карманов с таким удовольствием, и огонек в душе погас.

Он встал, чтобы идти к дому. Она взяла его под руку.

– Вы лучший из людей, которых я знала в своей жизни, – продолжала она. – Мы будем видеться, говорить, не правда ли? Обещайте мне. Я не пианистка, на свой счет я уже не заблуждаюсь и не буду при вас ни играть, ни

говорить о музыке.

Когда вошли в дом и Старцев увидел при вечернем освещении ее лицо и грустные, благодарные, испытующие глаза, обращенные на него, то почувствовал беспокойство и подумал опять:

«А хорошо, что я тогда не женился».

Он стал прощаться.

Садясь в коляску и глядя на темный дом и сад, которые были ему так милы и дороги когда-то, он вспомнил всё сразу – и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и подумал, что если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город.

Как-то, проезжая мимо дома Туркиных, он вспомнил, что надо бы заехать хоть на минутку, но подумал и... не заехал.

И больше уж он никогда не бывал у Туркиных.

V

Прошло еще несколько лет. Старцев еще больше пополнил, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову. У него в городе громадная практика, некогда вздохнуть, и уже есть имение и два дома в городе, и он облюбовывает себе еще третий, повыгоднее.

У него много хлопот, но всё же он не бросает земского места; жадность одолела, хочется поспеть и здесь и там. В Дялиже и в городе его зовут уже просто Ионычем. – «Куда это Ионыч едет?» или: «Не пригласить ли на **консилиум** Ионыча?»

Вероятно оттого, что горло заплывло жиром, голос у него изменился, стал тонким и резким. Характер у него тоже изменился: стал тяжелым, раздражительным. Принимая больных, он обыкновенно сердится,

нетерпеливо стучит палкой о́ пол и кричит своим неприятным голосом:

– Извольте отвечать только на вопросы! Не разговаривать!

Он одинок. Живется ему скучно, ничто его не интересует.

За всё время, пока он живет в Дялиже, любовь к Котику была его единственной радостью и, вероятно, последней. И когда, случается, по соседству за каким-нибудь столом заходит речь о Туркиных, то он спрашивает:

– Это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах?

Вот и всё, что можно сказать про него.

А Туркины? Иван Петрович не постарел, нисколько не изменился и по-прежнему всё **острит** и рассказывает анекдоты; Вера Иосифовна читает гостям свои романы по-прежнему охотно, с сердечной простотой. А Котик играет на рояле каждый день, часа по четыре. Она заметно постарела, похварывает и каждую осень уезжает с матерью в Крым. Провожая их на вокзале, Иван Петрович, когда трогается поезд, утирает слезы и кричит:

– Прощайте пожалуйста!

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы:

- 1) Какие аргументы привела Екатерина Ивановна, отказавшись стать женой Старцева?
- 2) Изменился ли Старцев за то время, пока Котик была в Москве?
- 3) Расскажите, какие изменения произошли с Екатериной Ивановной?
- 4) Какие ценности стали главными в жизни

Старцева?

5) Почему рассказ называется «Ионыч»?

Задание 2. Объясните, как вы понимаете выражение: «Если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город».

Задание 3. Напишите небольшое сочинение-рассуждение на тему: «Как бы сложилась жизнь Старцева и Екатерины Ивановны, если бы они были вместе».

Отрывок из рассказа «ПОПРЫГУНЬЯ»

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Артистическая публика – люди, наделенные какими-либо способностями.

Бедуины – кочевые арабы-скотоводы.

Безумно – очень сильно.

Благоговеть – испытывать сильное уважение.

Благополучно – не вызывая тревог, волнений.

Благородный – выделяющийся особыми качествами; исключительный.

В бреду – в бессознательном состоянии.

Восторг – необычайно радостное состояние, сильный подъем радостных чувств.

Вскрытие – исследование внутренних органов умершего с целью выяснения характера болезни и установления причины смерти.

Гений – выдающиеся способности, дарование, талант в определенной сфере деятельности.

Диагностика – наука о распознавании болезней и постановке диагноза.

Диафрагма – мышечно-сухожильная перегородка, отделяющая грудную полость от брюшной.

Диссертация – научно-исследовательская работа, подготовленная для защиты и получения ученой степени.

Дифтерит – острая инфекционная болезнь.

Живопись – искусство изображать предметы и явления реального мира с помощью красок.

Искусство – творческая художественная деятельность.

Кончается – *здесь*: умирает.

Любительский – свойственный любителю, характерный для него.

Мастерская – помещение, в котором работает художник.

Мгновение – очень короткий промежуток времени; момент, миг.

Медовый месяц – месяц после свадьбы.

Милая – очень хорошая.

Могучий – обладающий большой физической силой.

Неврит – воспаление нерва.

Недоразумение – ошибочное, неполное понимание.

Недостаток – неполное количество чего-либо, отсутствие нужного количества кого-либо или чего-либо.

Обворожительный – приводящий в восхищение.

Опера – музыкально-драматическое произведение.

Оригинален – самостоятелен.

Отрицать – отвергать.

Пейзаж – картина или рисунок, изображающие природу.

Печально – грустно.

Портниха – женщина, которая шьет одежду.

Посвящать – предназначать кому-либо, чему-либо.

Превосходно – очень хорошо, отлично, прекрасно.

Приват-доцентура – работа в какой-либо научной сфере.

Прозектор – врач, ведущий патологоанатомическое вскрытие трупов.

Публика – зрители, слушатели, посетители.

Пустьяки – что-то несерьёзное.

Раб – зависимый от кого-либо человек.

Рассеянный – плохо замечающий окружающее, не умеющий сосредоточиться; невнимательный.

Рожа – инфекционное заболевание, характеризующееся острым воспалением кожи или слизистых оболочек и лимфатической сети кожи.

Самопожертвование – жертвование своими личными интересами ради других.

Сверхштатный – не состоящий в штате.

Служить – *здесь*: работать.

Талант – выдающиеся природные способности; дарование, одаренность.

Тень – неотчетливое очертание фигуры человека; силуэт.

Титулярный советник – гражданский чин IX класса.

Трупное заражение – острое отравление организма трупным ядом, развивается при разложении трупов и попадающим на поврежденную кожу, особенно у лиц, вскрывающих трупы.

Угрюмо – мрачно, нерадостно.

Удовлетворять – исполнять чьи-либо требования, желания, задачи.

Умиление – нежное, теплое чувство, вызываемое чем-либо трогательным.

Чин – степень служебного положения

государственных гражданских и военных служащих;
разряд, класс.

Задание 2. Образуйте наречия от данных прилагательных.

Благополучный, радостный, поздний, испуганный,
жалкий, угрюмый, неподвижный, неприятный.

Задание 3. Образуйте деепричастия от следующих глаголов.

Кивать, улыбаться, стоять, закрывать, отдежурить,
вспоминать

Задание 4. Прочитайте предложения, заменив выделенные словосочетания синонимичными.

- 1) Я тоже не спала ночи и сидела около отца, и вдруг, здравствуйте – мой Дымов **влюбился по самые уши.**
- 2) Молодые супруги были счастливы, **и жизнь их текла как по маслу.**
- 3) – Дымов, дай я **пожму твою честную руку!** – говорила Ольга Ивановна.
- 4) – Господи боже мой, это был бы такой ученый, **какого теперь с огнем не найдешь.**
- 5) – Добрая, чистая, любящая душа – **не человек, а стекло!**

Задание 5. Определите, в каких предложениях действия происходят одновременно, а в каких последовательно.

- 1) Когда отец заболел, то Дымов по целым дням и ночам дежурил около его постели.
- 2) Когда он сделал мне предложения, я всю ночь

проплакала и сама влюбилась.

- 3) Когда на третий день она возвращалась домой, она думала о том, что теперь нужно скрывать все от мужа.
- 4) Когда поздно вечером Ольга Николаевна вернулась домой, она услышала, что Дымов зовет ее из кабинета, не открывая двери.

Задание 6. Образуйте от глаголов совершенного вида глаголы несовершенного вида.

Поговорить, вскрыть, сказать, проплакать, обмануть, улыбнуться, услышать, приехать.

Задание 7. Прочитайте отрывок из рассказа А.П. Чехова «Попрыгунья» и выполните послетекстовые задания.

На свадьбе у Ольги Ивановны были все ее друзья и добрые знакомые.

– Посмотрите на него: не правда ли, в нем что-то есть? – говорила она своим друзьям, кивая на мужа и как бы желая объяснить, почему это она вышла за простого, очень обыкновенного и ничем не замечательного человека.

Ее муж, Осип Степаныч Дымов, был врачом и имел **чин титулярного советника**. Служил он в двух больницах: в одной **сверхштатным** ординатором, а в другой – **прозектором**. Ежедневно от девяти часов утра до полудня он принимал больных и занимался у себя в палате, а после полудня ехал на конке в другую больницу, где вскрывал умерших больных.

Вот и все. Что еще можно про него сказать?

А Ольга Ивановна и ее друзья и добрые знакомые были не совсем обыкновенные люди: артист, певец из

оперы, несколько художников, талантливый литератор. Среди этой **артистической публики** Дымов казался чужим, лишним и маленьким, хотя был высок ростом и широк в плечах.

– Нет, вы послушайте! – говорила ему Ольга Ивановна друзьям.– Как это могло вдруг случиться, что я стала его женой? Надо вам сказать, что отец служил вместе с Дымовым в одной больнице. Когда отец заболел, то Дымов по целым дням и ночам дежурил около его постели. Столько самопожертвования! Я тоже не спала ночи и сидела около отца, и вдруг, здравствуйте – мой Дымов влюбился по самые уши. Когда он сделал мне предложения, я всю ночь проплакала и сама влюбилась. И вот, как видите, стала его женой. Не правда ли, в нем есть что-то сильное, **могучее?**

***

Ольге Ивановне было двадцать два года, Дымову – тридцать один. Зажили они после свадьбы **превосходно**.

Ежедневно, вставши с постели часов в одиннадцать, Ольга Ивановна играла на рояле или, если было солнце, рисовала. Потом она ехала к своей **портнице**, потом к друзьям. И везде ее встречали приветливо и говорили, что она хорошая, **милая**, милая. Она пела, играла на рояле, рисовала красками, играла в **любительских** спектаклях, и все это не как-нибудь, а с **талантом**.

В пятом часу она обедала дома с мужем. Его доброта, здравый смысл и добродушие приводили ее в **умиление** и **восторг**.

– Ты, Дымов, умный, **благородный** человек, – говорила она,– но у тебя есть один очень важный **недостаток**. Ты совсем не интересуешься **искусством**. Ты **отрицаешь** и музыку и **живопись**.

– Я не понимаю их, – говорил он кротко. – Я всю

жизнь занимался естественными науками и медициной, и мне некогда было интересоваться искусством.

– Но ведь это ужасно, Дымов!

– Почему же? Твои знакомые не знают естественных наук и медицины, однако же ты не ставишь им этого в упрек. У каждого свое. Я не понимаю **пейзажей** и **опер**, но думаю так: если одни умные люди **посвящают** им всю свою жизнь, а другие умные люди платят за них громадные деньги, то, значит, они нужны.

– Дымов, дай я пожму твою честную руку! – говорила Ольга Ивановна.

Молодые супруги были счастливы, и жизнь их текла как по маслу. Впрочем, третья неделя их **медового месяца** была проведена не совсем счастливо, даже **печально**. Дымов заразился в больнице **рожей**, пролежал в постели шесть дней и должен был остричь догола свои красивые черные волосы. Ольга Ивановна сидела около него и горько плакала, но, когда ему стало легче, она надела на его стриженую голову беленький платок и стала писать с него **бедуина**. И обоим было весело.

Дня через три после того, как он снова стал ходить в больницы, с ним произошло новое **недоразумение**.

– Мне не везет, мама! – сказал он однажды за обедом. – Сегодня у меня было четыре **вскрытия**, и я себе сразу два пальца порезал. И только дома я это заметил.

Ольга Ивановна испугалась. Он улыбнулся и сказал, что это **пустяки** и что ему часто приходится во время **вскрытий** делать себе порезы на руках.

– Я увлекаюсь, мама, и становлюсь **рассеянным**, – оправдывался Дымов. Ольга Ивановна с тревогой ожидала **трупного заражения** и по ночам молилась богу, но все обошлось **благополучно**. И опять потекла мирная счастливая жизнь без печалей и тревог. По средам бывали

гости. Артист читал, художники рисовали, виолончелист играл, певец пел, а в половине двенадцатого открывалась дверь в столовую, и Дымов, улыбаясь, приглашал:

– Пожалуйста, господа, закусить.

Ольга Ивановна по-прежнему искала для знакомства великих людей, находила, не **удовлетворялась** и опять искала. Одним из таких «великих» был художник Рябовский.

***

В тихую лунную июльскую ночь Ольга Ивановна стояла на палубе волжского парохода, а рядом с ней стоял Рябовский и говорил, говорил...

Ольга Ивановна слушала и думала о том, что рядом с ней настоящий великий человек, **гений**. Он очень красив, **оригинален**.

– Я чувствую себя в вашей власти. Я **раб**. Зачем вы сегодня так **обворожительны**?

– Я **безумно** люблю вас... – шептал он, дыша ей на щеку. – Скажите мне одно слово, и я не буду жить, брошу искусство... – бормотал он в сильном волнении. – Любите меня, любите...

– Не говорите так, – сказала Ольга Ивановна, закрывая глаза. – Это страшно. А Дымов?

– Что Дымов? Почему Дымов? Какое мне дело до Дымова? Волга, луна, красота, моя любовь, мой восторг, а никакого нет Дымова... Ах, я ничего не знаю... Не нужно мне прошлого, мне дайте одно мгновение... один миг!

Ольга Ивановна хотела думать о муже, но все ее прошлое казалось ей маленьким, ничтожным, тусклым, ненужным и далеким-далеким...

«Для него, простого и обыкновенного человека, достаточно и того счастья, которое он уже получил, –

думала она о Дымове.

Когда на третий день она возвращалась домой, она думала о том, что теперь нужно скрывать все от мужа.

С середины зимы Дымов стал догадываться, что его обманывают. Он не мог уже смотреть жене прямо в глаза, не улыбался радостно при встрече с ней и, чтобы меньше оставаться с нею наедине, часто приводил к себе обедать своего товарища Коростелева. За обедом оба доктора говорили о том, что при высоком стоянии **диафрагмы** иногда бывают перебои сердца или что множественные **невриты** в последнее время наблюдаются очень часто, или что вчера Дымов, вскрывши труп с **диагностикой** «злокачественная анемия», нашел рак поджелудочной железы. И казалось, что оба они вели медицинский разговор только для того, чтобы дать Ольге Ивановне возможность молчать, то есть не лгать.

Ольга Николаевна часто ездила к Рябовскому в **мастерскую**, каждый день возвращалась поздно ночью, но Дымов не спал, как раньше, а сидел у себя в кабинете и работал. Ложился он часа в три, а вставал в восемь.

Однажды вечером, когда Ольга Ивановна, собираясь в театр, стояла перед зеркалом, в спальню вошел Дымов во фраке и в белом галстуке. Он кротко улыбался и, как прежде, радостно смотрел жене прямо в глаза. Лицо его сияло.

– Я сейчас **диссертацию** защищал, – сказал он, садясь и поглаживая колена.

– Защитил? – спросила Ольга Ивановна.

– Ого! – засмеялся он и вытянул шею, чтобы увидеть в зеркале лицо жены, которая продолжала стоять к нему спиной и поправлять прическу. – Ого! – повторил он. – Знаешь, очень возможно, что мне предложат **приват-доцентуру** по общей патологии. Этим пахнет.

Видно было по его блаженному, сияющему лицу, что если бы Ольга Ивановна поделила с ним его радость и торжество, то он простил бы ей все, и настоящее и будущее, и все бы забыл, но она не понимала, что значит приват-доцентура и общая патология, к тому же боялась опоздать в театр и ничего не сказала.

Он посидел две минуты, виновато улыбнулся и вышел.

***

Это был беспокойнейший день.

У Дымова сильно болела голова; он утром не пил чаю, не пошел в больницу и все время лежал у себя в кабинете на турецком диване.

Когда поздно вечером Ольга Николаевна вернулась домой, она услышала, что Дымов зовет ее из кабинета, не открывая двери.

– Что тебе?

– Мама, ты не входи ко мне, а только подойди к двери. – Вот что... Третьего дня я заразился в больнице **дифтеритом**, и теперь... мне нехорошо. Пошли поскорее за Коростелевым.

Ольга Ивановна вскрикнула испуганно:

– Осип, это не может быть!

– Пошли! Мне нехорошо... – сказал за дверью Дымов, и слышно было, как он подошел к дивану и лег. – Пошли, – глухо послышался его голос.

«Что же это такое? – подумала Ольга Ивановна, холодея от ужаса. – Ведь это опасно!»

Ей вдруг стало до боли жаль Дымова, его безграничной любви к ней, его молодой жизни и даже этой его осиротелой постели, на которой он давно уже не спал, и вспоминалась ей его обычная кроткая, покорная улыбка.

Она заплакала и написала доктору Коростелеву умоляющее письмо с просьбой приехать.

Было два часа ночи.

***

Когда в восьмом часу утра Ольга Ивановна, с тяжелой от бессонницы головой, непричесанная, некрасивая и с виноватым выражением вышла из спальни, мимо нее прошел в переднюю какой-то господин с черною бородой, по-видимому, доктор. Пахло лекарствами. Около двери в кабинет стоял доктор Коростелев.

– К нему, извините, я вас не пущу, – **угрюмо** сказал он Ольге Ивановне. – Заразиться можно. Да и не к чему вам, в сущности. Он все равно **в бреду**.

– У него настоящий **дифтерит**? – спросила шепотом Ольга Ивановна.

– Знаете, отчего он заразился? Во вторник у мальчика высасывал через трубочку дифтеритные пленки. А к чему?

– Опасно? Очень? – спросила Ольга Ивановна.

– Да, говорят, что форма тяжелая. Надо бы за доктором Шреком послать.

Приходили разные врачи дежурить около своего товарища. Часто бегали в аптеку. Коростелев, отдежурив свое время, не уходил домой, а оставался и, как **тень**, бродил по всем комнатам.

– У него дифтерит носовой полости, – сказал он вполголоса. – Уже и сердце неважно работает. В сущности, плохи дела.

– А вы пошлите за Шреком, – сказала Ольга Ивановна.

– Был уже. Он-то и заметил, что дифтерит перешел в нос. Э, да что Шрек! В сущности, ничего Шрек. **Он Шрек, я Коростелев – и больше ничего.**

Время тянулось ужасно долго. Казалось, что вся

квартира от полу до потолка занята болезнью Дымова. Всю ночь слышались звонки в дверь. Приходили доктора.

Около трех часов Ольга Ивановна спросила Коростелева.

– Ну что?

– Да что! Я пришел сказать: **кончается...**

Он всхлипнул, сел на кровать рядом с ней и вытер слезы рукавом. Она сразу не поняла, но вся похолодела и стала медленно креститься.

– Кончается... – повторил он тонким голосом и опять всхлипнул. – Умирает, потому что пожертвовал собой... Какая потеря для науки! – сказал он с горечью. – Это, если всех нас сравнить с ним, был великий, необыкновенный человек! Какие дарования! Какие надежды он подавал нам всем! – продолжал Коростелев, ломая руки. – Господи боже мой, это был бы такой ученый, какого теперь с огнем не найдешь. Оська Дымов, Оська Дымов, что ты наделал! Ай-ай, боже мой!

Коростелев в отчаянии закрыл обеими руками лицо и покачал головой.

– А какая нравственная сила! – продолжал он, все больше и больше озлобляясь на кого-то. – Добрая, чистая, любящая душа – не человек, а стекло! Служил науке и умер от науки. А работал, как вол, день и ночь, никто его не щадил, и молодой ученый, будущий профессор, должен был искать себе практику и по ночам заниматься переводами, чтобы платить вот за эти... подлые тряпки!

Коростелев с ненавистью смотрел на Ольгу Ивановну.

– И сам себя не щадил, и его не щадили. Э, да что, в сущности!

– Да, редкий человек! – сказал кто-то басом в гостиной.

Ольга Ивановна вспомнила всю свою жизнь с ним, от начала до конца, со всеми подробностями, и вдруг поняла, что это был в самом деле необыкновенный, редкий и, в сравнении с теми, кого она знала, великий человек. И, вспомнив, как к нему относились ее покойный отец и все товарищи-врачи, она поняла, что все они видели в нем будущую знаменитость.

Она с плачем бросилась в кабинет мужа. Он лежал неподвижно на турецком диване, покрытый до пояса одеялом. Лицо его страшно осунулось, похудело и имело серовато-желтый цвет, какого никогда не бывает у живых; и только по лбу, по черным бровям да по знакомой улыбке можно было узнать, что это Дымов. Ольга Ивановна быстро ощупала его грудь, лоб и руки. Грудь еще была тепла, но лоб и руки были неприятно холодны. И полуоткрытые глаза смотрели не на Ольгу Ивановну, а на одеяло.

– Дымов! – позвала она громко. – Дымов!

Она хотела объяснить ему, что то была ошибка, что не все еще потеряно, что жизнь еще может быть прекрасной и счастливой, что он редкий, необыкновенный, великий человек и что она будет всю жизнь **благоговеть** перед ним, молиться и испытывать священный страх...

– Дымов! – звала она его, трепля за плечо и не веря тому, что он уже никогда не проснется. – Дымов, Дымов же!

А в гостиной Коростелев говорил кому-то:

– Да что тут спрашивать? Надо обмыть тело, и убрать – все сделать, что нужно.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы:

- 1) Как познакомился Дымов с Ольгой Ивановной?
- 2) Как работал Дымов?
- 3) Как жила Ольга Николаевна? Чем она занималась целый день?
- 4) Как вы думаете, почему Дымов казался лишним человеком среди людей, которые окружали его жену?
- 5) О каких достоинствах и недостатках Дымова говорит Ольга Ивановна? Что вы думаете об этом?
- 6) Был ли доктор Дымов доволен своей жизнью?
- 7) Что мешало Дымову завоевать уважение, любовь жены?
- 8) Расскажите о любви Ольги Николаевны к художнику Рябовскому.
- 9) Почему Ольга Николаевна всегда искала талантливых людей, гениев и недооценивала своего мужа, не видела в нем настоящего великого человека?
- 10) Каким врачом был Дымов? Как он умер?
- 11) Что сказал о Дымове его друг Коростелев?
- 12) Когда произошло прозрение Ольги Ивановны? Почему она изменила свое мнение о муже?
- 13) Какое мнение у вас сложилось об Ольге Ивановне и Дымове?
- 14) Как вы понимаете название текста?

Задание 2. Объясните, как вы понимаете выражение: «Он Шрек, я Коростелев – и больше ничего».

Отрывок из рассказа «ВРАГИ»

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Верста – русская мера длины, равная 1,06 км.

Милостивый государь – устаревшая форма вежливого обращения.

Сюртук – устаревшая разновидность пиджака, модная в 19 веке.

Ошеломить – сильно удивить.

Крыльцо – вход в дом.

Передняя – прихожая.

Склянка – небольшой стеклянный сосуд с горлышком.

Лакей – *здесь*: человек, выполняющий чью-то волю.

Черствость – бездушие, отсутствие в человеке отзывчивости.

Кучер – человек, который управляет лошадью.

Поникнуть головой – опустить голову, расстроиться.

Тащить за шиворот – силой заставлять кого-либо что-то делать.

Исковерканный – испорченный.

Изливать душу – рассказывать о своих переживаниях.

С жиру – *здесь*: от хорошей жизни и избытка материального благополучия.

До самой могилы – до конца жизни.

Задание 2. Найдите группы однокоренных слов и определите их значение:

Стискивать, темный, шутить, бес, издевательский, пошлый, апатия, визг, стиснуть, бешенный, комок, потемки, визжать, пятиться, шутливый, попятиться, солидность, трепет, темнеть, приосаниться, негодование, издевка, негодовать, изнемогать, шутка, изнемочь, комкать,

изнеможение, пошлость, припадать, скомкать, припасть, блекнуть, припадок, роса, поблекший, блеклый, поблекнуть, умолять, умолить, умоляющий, угрюмо, угрюмый, апатичный, солидный, роскошь, шут, скомканный, беситься, издеваться, взвизгнуть, издеваться.

Задание 3. Определите значение слов по словарю:
истукан, фортель, мелодрама, встрепенуться, осанка.

Задание 4. Определите значение слов, исходя из значения их частей.

Красноречивый, равнодушный, человеколюбивый, безнадёжный, благородный, великодушный, самопожертвование, полумрак.

Задание 5. Прочитайте отрывок из рассказа А.П. Чехова «Враги» и выполните послетекстовые задания.

Кирилов, не вытирая мокрого лица и рук, обожжённых карболкой, пошёл сам отворять дверь. В передней было темно, и в человеке, который вошёл, можно было различить только средний рост, белое кашне и большое, чрезвычайно бледное лицо, такое бледное, что, казалось, от появления этого лица в передней стало светлее...

– Доктор у себя? – быстро спросил вошедший.

– Я дома, – ответил Кирилов. – Что вам угодно?

– А, это вы? Очень рад! – обрадовался вошедший и стал искать в потёмках руку доктора, нашёл её и крепко стиснул в своих руках. – Очень... Очень рад! Мы с вами – знакомы!.. Я – Абогин... Бога ради, не откажите поехать сейчас со мной... У меня опасно заболела жена... И экипаж со мной...

По голосу и движениям вошедшего заметно было, что он находился в сильно возбуждённом состоянии, он едва сдерживал свое частое дыхание и говорил быстро, дрожащим голосом. Как все испуганные и ошеломлённые люди, он говорил короткими, отрывистыми фразами и произносил много лишних, совсем не идущих к делу слов.

– Я боялся не застать вас, – продолжал он. – Пока ехал к вам, исстрадался душой... Одевайтесь и едемте, ради бога... Произошло это таким образом. Приезжает ко мне Папчинский, которого вы знаете... Поговорили мы... потом сели чай пить; вдруг жена вскрикивает, хватается за сердце и падает на спинку стула. Мы отнесли её на кровать и... я уж и нашатырным спиртом тёр ей виски, и водой брызгал... лежит, как мёртвая... Боюсь, что это аневризма...

Кирилов слушал и молчал, как будто не понимал русской речи.

– Извините, я не могу ехать... Минут пять назад у меня... умер сын...

– Неужели? – прошептал Абогин, делая шаг назад. – Боже мой, в какой недобрый час я попал! Удивительно несчастный день... удивительно! Какое совпадение... и как нарочно!

Абогин взялся за ручку двери и в раздумье поник головой. Он видимо колебался и не знал, что делать: уходить или продолжать просить доктора.

– Послушайте, – горячо сказал он, хватая Кирилова за рукав, – я отлично понимаю ваше положение! Но что же мне делать? Судите сами, к кому я поеду? Ведь, кроме вас, здесь нет другого врача. Поедемте, ради бога! Не за себя я прошу... Не я болен!

Наступило молчание. Кирилов повернулся спиной к Абогину, постоял и медленно вышел из передней в залу, в эти минуты у него не было ни намерений ни желаний, ни о

чем он не думал и, вероятно, уже не помнил, что у него в передней стоит чужой человек. Идя из зала в свой кабинет, он поднимал правую ногу выше, чем следует, искал руками опоры. По одной стене кабинета, через шкафы с книгами, тянулась широкая полоса света; вместе с тяжёлым запахом карболки и эфира этот свет шёл из слегка отворённой двери, ведущей из кабинета в спальню... Доктор опустился в кресло перед столом; минуту он сонливо глядел на свои освещённые книги, потом поднялся и пошёл в спальню.

Здесь, в спальне, царил мёртвый покой. Всё до последней мелочи красноречиво говорило о недавно пережитой буре, об утомлении. Свечка, стоявшая в тесной толпе склянок, коробок и баночек, и большая лампа ярко освещали всю комнату. На кровати у самого окна лежал мальчик с открытыми глазами и удивлённым выражением лица. Он не двигался, но открытые глаза его, казалось, с каждым мгновением всё более темнели и уходили во внутрь черепа. Положив руки на его туловище и спрятав лицо в складки постели, перед кроватью стояла на коленях мать. Подобно мальчику, она не шевелилась. Припадала она к кровати всем своим существом, с силой и жадностью, как будто боялась нарушить покойную и удобную позу, которую, наконец, нашла для своего утомлённого тела.

Доктор остановился около жены, засунул руки в карманы брюк и, склонив голову набок, устремил взгляд на сына. Лицо его выражало равнодушие, только по росинкам, блестящим на его бороде, и заметно было, что он недавно плакал.

Как когда-то, в своё время, прошла их молодость, так теперь, вместе с этим мальчиком, уходило навсегда в вечность и их право иметь детей! Доктору 44 года, он уже сед и выглядит стариком; его поплёкшей и больной жене 35

лет. Андрей был не только единственным, но и последним.

В противоположность своей жене доктор принадлежал к числу натур, которые во время душевной боли чувствуют потребность в движении. Постояв около жены минут пять, он вышел в переднюю.

Тут он опять увидел белое кашне и бледное лицо.

– Наконец-то! – вздохнул Абогин, берясь за ручку двери. – Едемте, пожалуйста! Доктор вздрогнул, поглядел на него и вспомнил...

– Послушайте, ведь я уже сказал вам, что мне нельзя ехать! – сказал он, оживляясь. – Как странно!

– Доктор, я не истукан, отлично понимаю ваше положение,.. сочувствую вам! – сказал умоляющим голосом Абогин, прикладывая к своему кашне руку. – Но ведь я не за себя прошу... Умирает моя жена! Если бы вы слышали этот крик, видели её лицо, то поняли бы мою настойчивость! Боже мой, а уж я думал, что вы пошли одеваться! Доктор, время дорого! Едемте, прошу вас!

– Ехать я не могу! – сказал с расстановкой Кирилов и шагнул в залу.

Абогин пошёл за ним и схватил его за рукав.

– У вас горе, я понимаю, но ведь приглашаю вас не зубы лечить, не в эксперты, а спасти жизнь человеческую! продолжал он умолять. Эта жизнь выше всякого личного горя! Ну, я прошу мужества, подвига! Во имя человеколюбия!

– Во имя того же человеколюбия я прошу вас не увозить меня. И как странно, ей-богу! Я едва на ногах стою, а вы человеколюбием пугаете! Никуда я сейчас не годен, не поеду ни за что, да и на кого я жену оставляю? Нет, нет...

Кирилов замахал кистями рук и попятился назад.

– И... и не просите! – продолжал он испуганно. –

Извините меня... По XIII тому законов я обязан ехать, и вы имеете право тащить меня за шиворот... Извольте, тащите, но... я не годен... Даже говорить не в состоянии... Извините...

– Напрасно, доктор, вы говорите со мной таким тоном! – сказал Абогин, опять беря доктора за рукав. – Бог с ним, с XIII томом! Насиловать вашей воли я не имею права. Хотите – поезжайте, не хотите – Бог с вами, но я не к воле вашей обращаюсь, а к чувству. Умирает молодая женщина! Сейчас, вы говорите, у вас умер сын, кому же как не вам понять мой ужас?

Голос Абогина дрожал от волнения; в этой дрожи и тоне было гораздо больше убедительности, чем в словах.

Кирилов стоял и молчал. Когда Абогин сказал ещё несколько фраз о высоком призвании врача, о самопожертвовании и прочем, доктор спросил угрюмо:

– Далеко ехать?

– Около 13–14 вёрст. У меня отличные лошади, доктор! Даю вам честное слово, что доставлю вас туда и обратно в один час! Только один час!

Последние слова подействовали на доктора сильнее, чем ссылки на человеколюбие или призвание врача. Он подумал и сказал:

– Хорошо, едемте!

Почти всю дорогу Кирилов и Абогин молчали. Только раз Абогин вздохнул и пробормотал:

– Мучительное состояние! Никогда так не любишь близких, как в то время, когда рискуешь потерять их.

И когда коляска тихо переезжала реку, Кирилов вдруг встрепенулся, точно его испугал всплеск воды, и задвигался.

– Послушайте, отпустите меня, – сказал он тоскливо. – Я к вам потом приеду. Мне бы только фельдшера к жене

послать. Ведь она одна!

Абогин промолчал.

Во всей природе чувствовалось что-то безнадежное, больное; земля апатично ожидала неизбежной зимы. Куда ни взглянешь, всюду природа представлялась тёмной, безгранично глубокой и холодной ямой, откуда не выбраться ни Кирилову, ни Абогину...

Чем ближе к цели подъезжала коляска, тем нетерпеливее становился Абогин. Он двигался, вскакивал, вглядывался через плечо кучера вперёд. А когда, наконец, коляска остановилась у крыльца, и когда он поглядел на освещённые окна второго этажа, слышно было, как дрожало его дыхание.

– Если что случится, то... я не переживу, – сказал он, входя с доктором в переднюю и в волнении потирая руки. – Но не слышно суматохи, значит, пока ещё благополучно, – прибавил он, вслушиваясь в тишину.

В передней не слышно было ни голосов, ни шагов, и весь дом казался спавшим, несмотря на яркое освещение. Теперь уж доктор и Абогин, бывшие до сего времени в потёмках, могли разглядеть друг друга.

Доктор был сутуловат, высок и лицо имел некрасивое. Что-то резкое, неласковое и суровое выражали его толстые губы, орлиный нос и вялый, равнодушный взгляд. Его голова, впалые виски, преждевременные седины на длинной, узкой бороде, сквозь которую просвечивал подбородок, бледно-серый цвет кожи и небрежные, угловатые манеры – всё это своею чёрствостью наводило на мысль о пережитой нужде, бездолье, об утомлении жизнью и людьми. Глядя на всю его сухую фигуру, не верилось, чтобы у этого человека была жена, чтобы он мог плакать о ребёнке.

Абогин же изображал из себя нечто другое. Это был

плотный, солидный блондин, с большой головой и крупными, но мягкими чертами лица, одетый изящно, по самой последней моде. В его осанке, в плотно застёгнутом сюртуке и в лице чувствовалось что-то благородное, львиное; ходил он, держа прямо голову и выпятив вперёд грудь, говорил приятным баритоном. Даже бледность и детский страх, с каким он, раздеваясь, поглядывал вверх на лестницу, не умаляли сытости, здоровья и апломба, каким дышала вся его фигура.

– Никого нет и ничего не слышно, – сказал он, идя по лестнице. – Суматохи нет. Дай-то бог!

Он провёл доктора через переднюю в большую залу, отсюда оба они прошли в маленькую, очень уютную и красивую гостиную.

– Ну, посидите тут, доктор, – сказал Абогин, – а я... сейчас. Я пойду погляжу и предупрежу.

Кирилов остался один. Роскошь гостиной, приятный полумрак и само его присутствие в чужом, незнакомом доме, по-видимому, не трогали его. Он сидел в кресле и разглядывал свои обожжённые карболкой руки.

Было тихо... Где-то далеко в соседних комнатах кто-то громко произнёс звук «а!», и опять всё стихло. Подождав минут пять, Кирилов перестал оглядывать свои руки и поднял глаза на ту дверь, за которой скрылся Абогин.

У порога этой двери стоял Абогин, но не тот, который вышел. Выражение сытости и тонкого изящества исчезло, лицо его, и руки, и поза были исковерканы отвратительным выражением не то ужаса, не то мучительной физической боли.

Абогин тяжело и широко шагнул на середину гостиной, согнулся, простонал и потряс кулаками.

– Обманула! – крикнул он, сильно напирая на слоге

«ну». – Обманула! Ушла! Заболела и услала меня за доктором для того только, чтобы бежать с этим шутом Папчинским! Боже мой! Слезы брызнули у него из глаз. На равнодушном лице доктора засветилось любопытство. Он поднялся и оглядел Абогина.

– Позвольте, где же больная? – спросил он.

– Больная! Больная! – крикнул Абогин, смеясь и плача. – Это не больная! Низость! Подлость, хуже чего не придумал бы, кажется, сам сатана! Услала затем, чтобы бежать, бежать! О боже, лучше бы она умерла! Я не вынесу! Не вынесу я!

Доктор выпрямился. Его глаза замигали, налились слезами, узкая борода задвигалась направо и налево вместе с челюстью.

– Позвольте, как же это? – спросил он. – У меня умер ребёнок, жена в тоске, одна на весь дом... Сам я едва стою на ногах, три ночи не спал... и что же? Не... не понимаю!

Абогин разжал один кулак, швырнул на пол скомканную записку и наступил на неё, как на насекомое, которое хочет раздавить.

– И я не видел... не понимал! – говорил он сквозь сжатые зубы, потрясая около своего лица одним кулаком, и с таким выражением, как будто ему наступили на мозоль. – Я не замечал, что он ездит каждый день, не заметил, что он сегодня приехал в карете! Зачем в карете? И я не видел!

– Не понимаю! – бормотал доктор. – Ведь это что же такое! Ведь это издевательство над человеческими страданиями! Это что-то невозможное... Первый раз в жизни вижу!

С удивлением человека, который только что стал понимать, что его тяжело оскорбили, доктор пожал плечами, развёл руками и, не зная, что говорить, что делать, в изнеможении опустил в кресло.

– Ну, разлюбила, полюбила другого – бог с тобой, но к чему же обман? – говорил плачущим голосом Абогин. – К чему? И за что? Что я тебе сделал? Послушайте, доктор, – горячо сказал он, подходя к Кирилову. Вы были невольным свидетелем моего несчастья, и я не стану скрывать от вас правды. Клянусь вам, что я любил эту женщину, любил жадно, как раб! За что же эта ложь?

Со слезами на глазах, дрожа всем телом, Абогин искренно изливал перед доктором свою душу. Он говорил горячо, прижимая обе руки к сердцу, разоблачал свои семейные тайны без малейшего колебания и как будто даже рад был, что, наконец, эти тайны вырвались наружу из его груди. Пока Абогин говорил, оскорблённый доктор заметно менялся. Равнодушие и удивление на его лице мало-помалу уступали место выражению горькой обиды, негодования и гнева. Черты лица его стали ещё резче, черствее и неприятнее. Когда Абогин поднёс к его глазам карточку молодой женщины с красивым, но сухим и невыразительным лицом, и спросил, можно ли, глядя на это лицо, допустить, что оно способно выражать ложь, доктор вдруг вскочил, сверкнул глазами и сказал, грубо отчеканивая каждое слово:

– Зачем вы всё это говорите мне? Не желаю я слушать! Не желаю! – крикнул он и стукнул кулаком по столу. – Не нужны мне ваши пошлые тайны, чёрт бы их взял! Не смеете вы говорить мне эти пошлости! Или вы думаете, что я недостаточно оскорблён? Что я лакей, которого до конца можно оскорблять? Да?

Абогин попятился от Кирилова и изумлённо уставился на него.

– Зачем вы меня сюда привезли? – продолжал доктор, тряся бородой. – Если вы с жиру женитесь, с жиру беситесь и разыгрываете мелодрамы, то при чём тут я? Что

у меня общего с вашими романами? Оставьте меня в покое! Не смейте глумиться над личностью! Не умеете уважать её, так хоть избавьте её от вашего внимания!

– Позвольте, что всё это значит? – спросил Абогин, краснея.

– А то значит, что низко и подло играть так людьми! Я врач, вы считаете врачей и вообще рабочих своими лакеями, и считайте, но никто не дал вам права делать из человека, который страдает, бутафорскую вещь!

– Как вы смеете говорить мне это? – спросил тихо Абогин, и его лицо опять запрыгало и на этот раз уже ясно от гнева.

– Нет, как вы, зная, что у меня горе, смели привезти меня сюда выслушивать пошлости? – крикнул доктор и опять стукнул кулаком по столу. – Кто вам дал право так издеваться над чужим горем?

– Вы с ума сошли! – крикнул Абогин. – Не великодушно! Я сам глубоко несчастлив и... и...

– Несчастлив, – презрительно ухмыльнулся доктор. – Не трогайте этого слова, оно вас не касается. Ничтожные люди!

– Милостивый государь, вы забываетесь! – взвизгнул Абогин. – За такие слова... бьют! Понимаете?

Абогин торопливо полез в боковой карман, вытащил оттуда бумажник и, достав две бумажки, швырнул их на стол.

– Вот вам за ваш визит! – сказал он, шевеля ноздрями. – Вам заплачено!

– Не смеете вы предлагать мне деньги! – крикнул доктор и смахнул со стола на пол бумажки. – За оскорбление деньгами не платят! Извольте отправить меня домой!

Абогин резко позвонил. Явился лакей.

– Пошёл, скажи, чтобы этому господину подали коляску, а для меня вели заложить карету!

В ожидании экипажей Абогин и доктор молчали. К первому уже вернулись и выражение сытости, и тонкое изящество. Он шагал по гостинной, изящно встряхивал головой и, очевидно, что-то замышлял. Гнев его ещё не остыл, но он старался показать вид, что не замечает своего врага... Доктор же стоял, держась одной рукой о край стола, и глядел на Абогина с тем глубоким презрением, с каким умеют глядеть только горе и бездолье, когда видят перед собой сытость и изящество.

Когда доктор сел в коляску и поехал, глаза его все ещё продолжали глядеть презрительно.

Всю дорогу доктор думал не о жене, не об Андрее, а об Абогине и людях, живших в доме, который он только что оставил. Осудил он и Абогина, и его жену, и Папчинского, и всех, живущих в розовом полумраке и пахнущих духами, и всю дорогу ненавидел их и презирал до боли в сердце. И в уме его сложилось крепкое убеждение об этих людях.

Пройдёт время, пройдёт и горе Кирилова, но это убеждение не пройдёт и останется в уме доктора до самой могилы.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Определите, сколько частей в рассказе, обозначьте их. Кратко расскажите, о чем говорится в каждой части.

Задание 2.

1) Найдите в рассказе слова и выражения, описывающие внешность Абогина и Кирилова.

Сравните их портреты.

2) Найдите в рассказе слова и выражения, описывающие состояние и чувства героев.

Задание 3. Ответьте на вопросы:

- 1) Что произошло в семье доктора Кирилова?
- 2) Найдите в тексте описание состояния доктора Кирилова.
- 3) Как описывает Чехов состояние героев в момент приезда Абогина к Кирилову?
- 4) Как описывает Чехов состояние жены Кирилова после смерти сына?
- 5) Почему Абогин уговаривает Кирилова немедленно ехать к нему домой?
- 6) Какой смысл вкладывали в понятие «человеколюбие» Кирилов и Абогин? Аргументируйте свой ответ.
- 7) Как вел себя Абогин после того, как узнал, что жена его обманула?
- 8) Какими словами Чехов иллюстрирует поверхностность чувств Абогина, его эгоизм?
- 9) Какова была реакция Кирилова, когда он узнал, что зря приехал к Абогину?
- 10) Согласны ли вы с мнением Кирилова о том, что богатые люди относятся к врачам без должного уважения?
- 11) Почему Чехов назвал свой рассказ «Враги»?
- 12) Какими, на ваш взгляд, личностными качествами обладал Кирилов?
- 13) Как вы думаете, почему А.П. Чехов так назвал свой рассказ.

Задание 4. Расскажите эту историю: а) от лица Кирилова; б) от лица Абогина.

Задание 5. Обсудите вопрос: «Обязан ли врач, даже в минуту глубокого личного горя, прийти на помощь больному?»»

ВИКЕНТИЙ ВИКЕНТЬЕВИЧ ВЕРЕСАЕВ

Вересаев (настоящая фамилия – **Смидович**) **Викентий Викентьевич (1867 – 1945 гг.)** родился в Туле, в семье врача. Большую роль в становлении общественного сознания и этических принципов Вересаева сыграл его отец, человек разносторонне образованный, пользовавшийся в Туле популярностью и как врач, и как общественный деятель. В гимназические годы Вересаев начал писать стихи. В 1884 г. Вересаев с серебряной медалью окончил Тульскую классическую гимназию и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, по окончании которого ему присуждена степень кандидата исторических наук. В 1888 г. Вересаев поступил на медицинский факультет Дерптского университета, считая врачебную практику лучшим средством узнать жизнь народа, а медицину – источником знаний о человеке. В 1894 г. несколько месяцев

практиковал на родине в Туле и в том же году как один из лучших выпускников университета был принят на работу в Петербургскую Боткинскую больницу.

Когда в 1904 г. началась война с Японией, Вересаев как врач запаса был призван на военную службу. Вернувшись с войны в 1906 г., описал свои впечатления в «Рассказах о войне». В 1911 г. по инициативе Вересаева было создано «Книгоиздательство писателей в Москве», которое он возглавлял до 1918 г. В 1943 г. Вересаеву была присуждена Государственная премия.

Широкую известность Вересаеву принесло произведение «Записки врача». Книга была задумана в 1892 году как «Дневник студента-медика», работал же Вересаев над ней позже – в 1895-1900 гг. «Записки» вызвали отклик среди широких кругов читателей и враждебное отношение со стороны многих врачей, так как Вересаев открыто затронул болезненные стороны медицины. Герой книги – только что начавший практику молодой врач, перед которым постоянно раскрываются противоречия общественной и частной жизни людей. По мысли писателя, судьбы медицины и науки в целом, практические ее результаты непосредственно связаны с условиями общественно-политической жизни страны. Сложные проблемы, возникавшие перед молодым врачом, автор рассматривал не с узкопрофессиональных позиций. Остро, талантливо говорил он о задачах и возможностях медицинской науки, стремился правдиво показать положение врача в обществе, его взаимоотношения с больными и здоровыми, его моральные обязательства перед ними. Книга заставляла и заставляет думать, искать ответы на поставленные в ней вопросы.

«ЗАПИСКИ ВРАЧА»

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Акцизный чиновник – чиновник, занимающийся налогами (акцизами).

Анатомический театр – помещение для учебного вскрытия трупов в медицинских учреждениях.

Богатырское здоровье – *образно*. Безупречное здоровье; здоровье, как у богатыря – самого сильного человека.

Вереница – расположение нескольких или многих одинаковых предметов в одну цепь, один за другим.

Висеть, как плети – *образно*. Висеть, как что-то мягкое и безжизненное, например, веревка или ремень.

Выдающийся – отличный, превосходный, выделяющийся среди других.

Галлюцинации – *мед.* психическое расстройство, при котором возникают видения, ложные образы и ощущения (зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные и вкусовые).

Гимназия – в России до 1917 г. и некоторых других странах: общеобразовательное среднее учебное заведение.

Градоначальник – должностное лицо в царской России, стоявшее во главе города.

Естественнонаучный – связанный с естественными науками (науками, изучающими живую природу).

Заноза – тонкий, острый, маленький кусочек дерева, вонзившийся в тело.

Занозить – случайно допустить, чтобы заноза проникла, вонзилась в какую-нибудь часть тела.

Золотые слова – *образно*. Об умных, дельных высказываниях, полезных советах.

Интеллигенция – (от лат. *Intelligens* – понимающий мыслящий, разумный) общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры.

Искалеченный – имеющий тяжёлые увечья (раны); изуродованный.

Книгоиздательство – предприятие, занимающееся изданием книг.

Конка – городская железная дорога с конной тягой, бывшая в употреблении в крупных городах до введения электрического трамвая.

Конюх – работник, ухаживающий за лошадьми.

Корыто – большой продолговатый открытый сосуд для стирки белья и других хозяйственных надобностей (делавшийся ранее из расколотого пополам бревна, позднее из железа).

Критик – литератор, занимающийся критикой, истолкованием и оценкой художественных произведений.

Литературовед – специалист в области литературы.

Мемуары – литературное произведение в форме записок о прошлых событиях, современником или участником которых был автор.

Мириады – (от греч. *myrias (myriados)* – десять тысяч) бесчисленное множество.

Му́ка – сильное физическое или нравственное страдание.

Огородник – человек, который возделывает огород, владелец огорода.

Оскалить (*прич. оскаленный*) – обнажить, показать при улыбке, усмешке (обычно о зубах).

Отвлеченный – представляемый обобщённо, отдельно от конкретных связей, содержащий общие признаки; абстрактный.

Подлинный – настоящий, истинный, являющийся оригиналом.

Практиковать – применять на деле, на практике; заниматься практической деятельностью.

Презирать до глубины души – *образно*. Очень сильно не любить, ненавидеть что-либо.

Препарировать – обработать обрабатывать животный или растительный организм с целью изготовления из него препаратов для дальнейшего исследования.

Препаровка – препарирование (от лат. *praeparo* – приготавливаю) обработка животных и растений, в том числе ископаемых, с целью изготовления препаратов для изучения этих организмов.

Прозаик – писатель автор произведений в прозе, не в стихах.

Пролежни – омертвление кожи из-за продолжительного давления на соответствующие участки тела.

Резать глаза – *образно*. Вызывать неприятные зрительные ощущения (о ярком свете, пестрой расцветке и т. п.).

Скрюченный – искривленный, изогнутый, похожий на крюк (крючок).

Трактат – (от латинского *tractatus* – рассмотрение) научное сочинение, в котором рассматривается отдельный вопрос или проблема; рассуждение на специальную тему.

Тяготить – быть неудобным, мешать; затруднять, стеснять.

Угар – состояние крайнего возбуждения и

помрачения чувств.

Усердно – с большим старанием, прилежанием, рвением; с усердием.

Царапина – ранка на теле или повреждение на предмете в виде полоски, произведенной движением чего-нибудь тонкого и острого.

Царивший – являющийся главным, важным.

Задание 2. Выпишите из Лексического комментария сложные слова (состоящие из двух и более корней).

Задание 3. Выпишите из Лексического комментария словосочетания. Проследите, в каких из них значение словосочетания (оно дано в Лексическом комментарии) не совпадает со значением слов, входящих в него. Как вы считаете, что обозначает помета «образно»?

Задание 4. Прочитайте отрывок из произведения В.В. Вересаева «Записки врача». Обратите внимание на описание душевного состояния главного героя в начале и в конце отрывка – чем оно различается?

I

Я учился в гимназии хорошо, но, как и большинство моих товарищей, науку гимназическую презирал до глубины души. Наука эта была для меня тяжелою и неприятною повинностью, которую для чего-то необходимо было отбыть, но которая сама по себе не представляла для меня решительно никакого интереса; что мне было до того, в каком веке написано «Слово Даниила Заточника», чей сын был Оттон Великий и как будет страдательный залог от «*persuadeo tibi*»? (*Уверяю тебя –*

лат.)

Развитие мое шло помимо школы, помимо школы приобретались и интересовавшие меня знания.

Все это резко изменилось, когда я поступил в университет. На первых двух курсах медицинского факультета читаются теоретические естественнонаучные предметы – химия, физика, ботаника, зоология, анатомия, физиология. Эти науки давали знание настолько для меня новое и настолько важное, что совершенно завладели мною, все вокруг меня и во мне самом, на что я раньше смотрел глазами дикаря, теперь становилось ясным и понятным, и меня удивляло, как я мог дожить до двадцати лет, ничем этим не интересуясь и ничего не зная. Каждый день, каждая лекция несли с собою новые для меня «открытия»: я был поражен, узнав, что мясо, то самое мясо, которое я ем в виде бифштекса и котлет, и есть те таинственные «мускулы», которые мне представлялись в виде каких-то клубков сероватых нитей, я раньше думал, что из желудка твердая пища идет в кишки, а жидкая – в почки, мне казалось, что грудь при дыхании расширяется оттого, что в нее какую-то непонятную силу вводится воздух, я знал о законах сохранения материи и энергии, но в душе совершенно не верил в них. Впоследствии мне пришлось убедиться, что и большинство людей имеет не менее младенческое представление обо всем, что находится перед их глазами, и это их не тяготит. Они покраснеют от стыда, если не сумеют ответить, в каком веке жил Людовик XIV, но легко сознаются в незнании того, что такое угар и отчего светится в темноте фосфор.

Что касается анатомии, то часто приходится слышать, какую тяжелою и неприятною стороною ее изучения является необходимость препарировать трупы. Действительно, некоторые из товарищей довольно долго не

могли привыкнуть к виду анатомического театра, наполненного ободранными трупами с мутными глазами, оскаленными зубами и скрюченными пальцами; одному товарищу пришлось даже перейти из-за этого на другой факультет – он стал страдать галлюцинациями, и ему казалось по ночам, что из всех углов комнаты к нему ползут окровавленные руки, ноги и головы. Но лично я привык к трупам довольно скоро и с увлечением просиживал целые часы за препаровкою, раскрывавшею передо мною все тайны человеческого тела, в течение семи-восьми месяцев я ревностно занимался анатомией, целиком отдавшись ей, – и на это время взгляд мой на человека как-то удивительно упростился. Я шел по улице, следя за идущим передо мною прохожим, и он был для меня не более как живым трупом: вот теперь у него сократился *glutaeus maximus*, теперь *quadriceps femoris*, эта выпуклость на шее обусловлена мускулом *sternocleidomastoideus*, он наклонился, чтобы поднять упавшую тросточку, это сократились *musculi recti abdominis* и потянули к тазу грудную клетку. Близкие и дорогие мне люди стали в моих глазах как-то двоиться; эта девушка, в ней столько оригинального и славного, от ее присутствия на душе становится хорошо и светло, а между тем все, составляющее ее, мне хорошо известно, и ничего в ней нет особенного: на ее мозге те же извилины, что и на сотнях виденных мною мозгов, мускулы ее так же насквозь пропитаны жиром, который делает столь неприятным препарирование женских трупов, и вообще в ней нет решительно ничего привлекательного и поэтического.

Еще более сильное впечатление, чем предлагаемые знания, произвел на меня метод, царивший в этих знаниях. Он вел вперед осторожно и неуклонно, не оставляя без тщательной проверки самой ничтожной мелочи, строго

контролируя каждый шаг опытом и наблюдением, и то, что в этом пути было пройдено, было пройдено окончательно, возможности не было, что придется воротиться назад. Метод этот так обаятельно действовал на ум потому, что являлся не в виде школьных правил отвлеченной логики, а с необходимостью вытекал из самой сути дела – каждый факт, каждое объяснение факта, как будто сами собою твердили золотые слова Бэкона *«non fingendum aut excogitandum, sed inveniendum, quid natura faciat aut ferat, – не выдумывать, не измышлять а искать, что делает и несет с собою природа»*. Можно было не знать даже о существовании логики, сама наука заставила бы усвоить свой метод успешнее, чем самый обстоятельный трактат о методах; она настолько воспитывала ум что всякое уклонение от прямого пути в ней же самой, – вроде «непрерывной зародышевой плазмы» Вейсмана или теорий зрения, – прямо резало глаза своею ненаучностью.

На втором курсе подготовительные, теоретические предметы закончились. Я сдал полуплекарский экзамен. Начались занятия в клиниках.

Здесь характер получаемых знаний резко изменился. Вместо отвлеченной науки на первый план выдвинулся живой человек; теории воспаления, микроскопические препараты опухолей и бактерий сменились подлинными язвами и ранами. Больные, искалеченные, страдающие люди бесконечно вереницею потянулись перед глазами: легких больных в клиники не принимают, – все это были страдания тяжелые, серьезные. Их обилие и разнообразие произвели на меня ошеломляющее действие, меня поразило, какая существует масса страданий, какое разнообразие самых утонченных, невероятных мук заготовила нам природа, – мук, при одном взгляде на которые на душе становилось жутко.

Вскоре после начала клинических занятий в клинику старших курсов был положен огородник, заболевший столбняком. Мы ходили смотреть его. В палате стояла тишина. Больной был мужик громадного роста, плотный и мускулистый, с загорелым лицом; весь облитый потом, с губами, перекошенными от безумной боли, он лежал на спине, ворочая глазами; при малейшем шуме, при звонке конки на улице или стуке двери внизу больной начинал медленно выгибаться: затылок его сводило назад, челюсти судорожно впивались одна в другую, так что зубы трещали, и страшная, длительная судорога спинных мышц приподнимала его тело с постели; от головы во все стороны расходилось по подушке мокрое пятно от пота. Две недели назад больной работал босиком на огороде и занозил себе большой палец ноги, эта пустячная заноза вызвала то, что я теперь видел.

Ужасно было не только то, что существуют подобные муки; еще ужаснее было то, как легко они приобретаются, как мало гарантирован от них самый здоровый человек. Две недели назад всякий бы позавидовал богатырскому здоровью этого самого огородника. Шел по двору крепкий парень-конюх, поскользнулся и ударился спиной о корыто, – и вот он уже шестой год лежит у нас в клинике, ноги его висят, как плети, больной ими не может двинуть, он мочится и ходит под себя, беспомощный, как грудной ребенок, он лежит так дни, месяцы, годы, лежит до пролежней, и нет надежды, что когда-нибудь воротится прежнее. Вот акцизный чиновник с воспалением седалищного нерва, доведенный страданиями до бешенства, кричит профессору.

– Подлецы вы все, шарлатаны! Да убейте же вы меня, ради создателя, одного только я у вас прошу!

В хороший летний вечер он посидел на росистой

траве.

Каждую минуту, на каждом шагу нас подстерегают опасности, защититься от них невозможно, потому что они слишком разнообразны, бежать некуда, потому что они везде. Само здоровье наше – это не спокойное состояние организма; при глотании, при дыхании в нас ежеминутно проникают мириады бактерий, внутри нашего тела непрерывно образуются самые сильные яды, незаметно для нас все силы нашего организма ведут отчаянную борьбу с вредными веществами и влияниями, и мы никогда не можем считать себя обеспеченными от того, что, может быть, вот в эту самую минуту сил организма не хватило, и наше дело проиграно. И тогда из небольшой царапины развивается рожа, флегмона или гнилокровие, незначительный ушиб ведет к образованию рака или саркомы, легкий бронхит от открытой форточки переходит в чахотку.

Нужны какие-то идеальные, для нашей жизни совершенно необычные условия, чтобы болезнь стала действительно «случайностью», при настоящих же условиях болеют все: бедные болеют от нужды, богатые – от довольства, работающие – от напряжения, бездельники – от праздности; неосторожные – от неосторожности, осторожные – от осторожности. Во всех людях с самых ранних лет гнездится разрушение, организм начинает разлагаться, даже не успев еще развиться. В Бостоне были исследованы зубы у четырех тысяч школьников, и оказалось, что здоровые зубы, особенно у детей старше десяти лет, составляют исключение, в Баварии среди пятисот учеников народных школ были найдены лишь трое с совершенно здоровыми зубами. Д-р Бабес вскрыл в будапештской больнице сто детских трупов, и у семидесяти четырех из них он нашел в бронхиальных

железах туберкулезные палочки; а все эти сто детей умерли от различных не туберкулезных болезней. Уже дети встают после сна с «заспанными», гноящимися глазами; уже ребенком каждый страдает хроническим насморком и не может обойтись без носового платка, – всех прямо удивила бы мысль, что здоровому человеку носовой платок совершенно не нужен. Что же касается достигших зрелости женщин, то они уже нормально, физиологически осуждены каждый месяц болеть в течение нескольких дней.

С новым и странным чувством я приглядывался к окружающим меня людям, и меня все больше поражало, как мало среди них здоровых; почти каждый чем-нибудь да был болен. Мир начинал казаться мне одною громадною, сплошною больницею. Да, это становилось все несомненнее: нормальный человек – это человек больной; здоровый представляет собою лишь счастливое уродство, резкое отклонение от нормы.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы к тесту.

- 1) Кого вы можете назвать главным героем произведения «Записки врача»?
- 2) Какие естественные науки изучал главный герой на первых двух курсах университета?
- 3) Как относился главный герой к препарированию трупов и работе в анатомическом театре?
- 4) Когда у студентов университета начинались занятия в клиниках?
- 5) Кто или что являлся объектом изучения на клинических занятиях?
- 6) С каким диагнозом попал в больницу огородник?

Что стало причиной его заболевания?

- 7) На что, по мнению студента-медика, только начавшего изучать медицину, похож весь мир? Почему?

Задание 2. Как вы понимаете фразу: «Нормальный человек – это человек больной; здоровый представляет собою лишь счастлиное уродство, резкое уклонение от нормы».

Что, по мнению автора, представляет собой здоровье человека?

Задание 3. Перескажите отрывок текста, где говорится о том, какие новые «открытия» принесли лекции в медицинском университете главному герою.

«ЗАПИСКИ ВРАЧА»

(продолжение)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Авгур – (лат. *augur*) в древнем Риме жрец, дававший предсказания по крику и полету птиц (ист.). *перен.* Человек, обращающий в тайну для других свои специальные познания, с высокомерным презрением сторонящийся непосвященных.

Амфитеатр – места для зрителей в закрытых помещениях, расположенные дугообразными незамкнутыми ярусами (в театрах, кинотеатрах, аудиториях) или вокруг круглой арены (в цирке).

Арсенал – 1. Склад оружия и военного снаряжения. 2. Предприятие, изготавливающее оружие и военное снаряжение. Здесь употреблено в переносном значении.

Балагурить – беседовать, шутить на словах; шуточно, весело разговаривать.

Безнадежный – тот, кто не имеет надежды, в данном случае – на выздоровление.

Бледнеть – 1. Становиться бледным, бледнее. 2. Терять живость, яркость цвета, казаться слабым, менее важным в сравнении с другим.

Близкие – родственники, друзья.

Властелин – тот, кто властвует над кем-либо, чем-либо; повелитель, владыка.

Воскрешать – 1. Возвращать к жизни умершего; оживлять. 2. *перен.* Восстанавливать здоровье кого-либо.

Вскидываться – 1. Подпрыгивать. 2. Быстро, резко подниматься, вздрагивать.

Голова идет кругом – *образно.* Кто-либо не знает, как поступить; кто-либо теряет способность ясно соображать.

Грех – 1. У верующих нарушение религиозно нравственных предписаний. 2. *перен.* Предосудительный поступок, преступление.

Гуттаперчевый – *здесь:* сделанный из материала, похожего по свойствам на резину.

Дифференциальный – (от лат. *differre* – различать) различный, неодинаковый; способствующий различию кого-либо, чего-либо.

Изнанка – 1. Обратная, внутренняя или нижняя, нелицевая сторона. 2. Скрытая, отрицательная сторона чего-либо.

Калейдоскоп – (от греч. *kalos* – красивый, *eidos* – вид и *skopeo* – смотрю) трубка с зеркальными пластинками и

осколками разноцветного стекла, в которой можно наблюдать быстро сменяющиеся симметричные цветовые узоры. Изобретен английским физиком Д. Брюстером в 1817, впоследствии стал детской игрушкой. В переносном значении – быстрая смена лиц, событий.

Колоссальный – 1. Выдающийся по величине, размеру, количеству; огромный. 2. Особо выдающийся по силе, значению и т.п.; чрезвычайный.

Консистенция – степень плотности, твёрдости, крепости вещества.

Констатировать – делать ясным, очевидным; подтверждать, удостоверить.

Мефистофель – дьявол, образ злого духа в фольклоре и художественном творчестве народов Европы; литературный персонаж немецкой народной книги «Повесть о докторе Фаусте».

Механически – без участия сознания; машинально, автоматически.

Мольеровское – имеющее отношение к произведениям Ж.-Б. Мольера, автора французских комедий.

Не в состоянии – о неспособности совершить, сделать что-либо из-за отсутствия физических или умственных сил и возможностей.

Немощный – слабый, больной, беспомощный.

Ни больше, ни меньше – 1. Ровно столько, сколько названо, указано. 2. Как раз так, именно так (действовать, поступать).

Нутро – внутренние органы человека или животного; внутренности (обычно о животине).

Оператор – *здесь*: хирург, проводящий операцию.

Оперированный – тот, кому сделали операцию.

Отпускать шуточку – шутить, смеяться, острить.

Парадный – *здесь*: сделанный специально для парада, т. е. торжественный, праздничный.

Перспективы – благоприятные условия, обстоятельства в будущем; виды на будущее.

Повиноваться – слушаться кого-либо, беспрекословно подчиняться кому-либо.

Подводный камень – *образно*. О непредвиденной, скрытой опасности, трудности.

Поранение – процесс, в результате которого образуется рана.

Пораненный – то же самое, что и раненый.

Предполагаемый – существующий в предположении, то, что можно предполагать.

Промех – 1. Выстрел, удар мимо цели, непопадание в цель. 2. *перен.* Оплошность, упущение (в действиях, поступках). 3. Погрешность, ошибка (в исполнении, работе).

Профан – человек, совершенно несведущий в чем-нибудь.

Ранка – маленькая рана.

Распознавание – 1. процесс действия по глаг. *распознавать*. 2. Узнать по каким-либо признакам, определить.

Ребяческий – 1. Детский, свойственный ребёнку. 2. Не такой, который должен быть у взрослого человека, несерьёзный.

Секционный стол – стол для выполнения вскрытия трупа патологоанатомом.

Синюшный – *о цвете кожи*: сине-фиолетовый (в результате расстройства кровообращения).

Систематически – 1. Следуя определенной системе, образуя определенную систему. 2. *перен.* Постоянно повторяясь.

Скептически – преисполнившись скептицизма, скепсиса критического, недоверчивого отношения к чему-либо, сомнения в правильности, истинности, возможности чего-либо.

Сконфуженно – испытывая конфуз, смущение; смущенно.

Совокупный – объединенный, совместный, общий.

Спорынья – паразитные черные зерна, рожки на завязи ржи, придающие муке ядовитые свойства, употребляемые в медицине против кровотечений.

Сращенный – соединенный с чем-либо.

Ставить в тупик – приводить кого-либо в крайне затруднительное положение, в состояние растерянности, замешательства.

Ставить вверх дном – *образно*. 1. Коренным образом, полностью изменять что-либо, делать совершенно не так, как было прежде. 2. Приводить в состояние полного беспорядка, хаоса что-либо.

Стоицизм – (греч. *stoikizo* – принадлежать к секте стоиков). Философия Зенона, получившая название от портика (*stoa* – портик), на котором собирались его ученики; отличалась особенно строгостью нравов, придерживаясь правила: живи по закону разума, всегда согласного с самим собою. Отсюда вообще – строгий образ мыслей, непоколебимость и твердость в несчастиях.

Убедиться – поверить во что-либо, получив подтверждения, доказательства; приобрести уверенность в чём-либо.

Утрачивать – перестать обладать чем-либо, потерять.

Хмуриться – становиться сердитым, угрюмым, наморщив лоб, сдвинув брови (о человеке).

Шарлатан – невежда, обманщик, плут, выдающий

себя за знатока, специалиста в какой-либо области.

Задание 2. Выпишите глаголы из Лексического комментария и образуйте от них деепричастия. Определите вид деепричастий.

Задание 3. Выпишите причастия из Лексического комментария и укажите, от каких глаголов они образованы. Определите залог и время причастий.

Задание 4. Прочитайте продолжение произведения В.В. Вересаева «Записки врача». Обратите внимание на то, какое впечатление произвело на главного героя первое увиденное им вскрытие. Найдите рассуждения автора в тексте.

Ш

На третьем курсе, недели через две после начала занятий, я в первый раз был на вскрытии. На мраморном столе лежал худой, как скелет, труп женщины лет за сорок. Профессор патологической анатомии, в кожаном фартуке, надевал, **балагурия**, **гуттаперчевые** перчатки, рядом с ним в белом халате стоял профессор-хирург, в клинике которого умерла женщина. На скамьях, окружавших **амфитеатром секционный стол**, теснились студенты.

Хирург заметно волновался: он нервно крутил усы. Притворно скучающим взглядом блуждал по рядам студентов; когда профессор-патолог **отпускал** какую-нибудь **шуточку**, он спешил предупредительно улыбнуться; вообще в его отношении к патологу было что-то заискивающее, как у школьника перед экзаменатором. Я смотрел на него, и мне странно было подумать, – неужели это тот самый грозный NN., который таким

величественным олимпийцем глядит в своей клинике?

– От перитонита умерла? – коротко спросил патолог.

– Да.

– Оперирована?

– Оперирована.

– Угу! – промычал патолог, чуть дрогнув бровью, и приступил к вскрытию.

Ассистент-прозектор сделал на трупе длинный кожный разрез от подбородка до лонного сращения. Патолог осторожно вскрыл брюшную полость и стал осматривать воспаленную брюшину и склеившиеся кишечные петли... Хирург уж накануне высказал нам в клинике **предполагаемую** им причину смерти больной – опухоль, которую он хотел вырезать, оказалась сильно **сращенною** с внутренностями; вероятно, при удалении этих сращений был незаметно поранен кишечник, и это повело к гнилостному воспалению брюшины. Вскрытие подтвердило его предположение. Патолог отыскал **пораненное** место и, вырезав кусок кишки с **ранкою**, послал его на тарелке студентам. Студенты с любопытством рассматривали маленькую зловещую ранку, окруженную гнойным налетом; хирург хмурился и крутил усы. Я с пристальным, злорадным вниманием следил за ним: вот он суд, где беспощадно раскрываются и казнятся все их **грехи** и ошибки! Эта женщина пришла к нему за помощью и именно благодаря его помощи лежала теперь перед нами; интересно, знают ли это **близкие** умершей, объяснил ли им **оператор** причину ее смерти?

Вскрытие кончилось. В своем эпикризе патолог заявил, что перитонит был, несомненно, вызван **поранением** кишечника, но что при той массе сращений и перемычек, которыми изобиловала опухоль, заметить такое поранение было очень нелегко, и в столь тяжелых

операциях ни один самый лучший хирург не может быть гарантирован от несчастных случайностей.

Профессора любезно пожали друг другу руки и ушли. Студенты повалили к выходу.

Странное и тяжелое впечатление произвело на меня это первое виденное мною вскрытие. «Перитонит был вызван поранением кишечника; такое поранение трудно заметить; несчастные случайности бывают у лучших хирургов...». Как все это просто! Как будто речь идет о неудавшемся химическом опыте, где вся суть только в самой неудаче! Причины этой неудачи **констатируются** вполне спокойно; виновник ее, если и волнуется, то волнуется лишь вследствие самолюбия... А между тем дело идет **ни больше, ни меньше** как о погубленной человеческой жизни, о чем-то безмерно страшном, где неизбежно должен стать вопрос: смеет ли подобный оператор продолжать заниматься медициной? Врач-целитель, убивающий больного! Ведь это такое вопиющее противоречие, которое допустить прямо немыслимо. А между тем никто этого противоречия как будто и не замечал.

Я испытывал такое ощущение, как будто попал в школу к **авгурам**. Мы – те же будущие авгуры, нас стесняться нечего, и вот нас посвящали в **изнанку** дела; **профаны** могут возмущаться существованием этой изнанки и ее резким отличием от лицевой стороны, мы же должны приучаться смотреть на дело «шире»...

Чем дальше шло теперь мое знакомство с медициной, тем все больше усиливалось у меня то впечатление, которое я вынес из первого вскрытия. В клиниках, на теоретических лекциях, на вскрытиях, в учебниках – везде было то же самое. Рядом с тою **парадной** медициною, которая лечит и **воскрешает** и для которой я сюда

поступил, передо мною все шире раздвигалась другая медицина – **немошная**, бессильная, ошибающаяся и лживая, берущаяся лечить болезни, которых не может определить, старательно определяющая болезни, которых заведомо не может вылечить. В **руководствах** я встречал описание болезней, которые оканчивались замечанием: «Диагноз этой болезни возможен лишь на секционном столе», как будто такой своевременный диагноз кому-нибудь нужен! Перед нами выводили ребенка с туберкулезным *puo-pneumothorax*-ом; худой и иссохший, с торчащими костями и **синюшным** лицом, он сидел, быстро и часто дыша; когда его клали на спину, он начинал кашлять так, что, казалось, сейчас вывернутся все его внутренности. Профессор с серьезным видом, как будто совершал что-то очень важное, определял у него границы тупости, степень смещения средостения и т.п. Я следил за профессором, затаивая усмешку: сколько трудов кладет он на исследование, и все это лишь для того, чтобы в конце концов сказать нам, что больной **безнадежен** и что вылечить его мы не в состоянии! Какой в таком случае смысл в самом диагнозе? Как этот диагноз ни будь тонок, все-таки по существу дела он сводится лишь к **мольтеровскому**: «Они вам скажут по-латыни, что ваша дочь больна». Все это было жалко и смешно. Мне вспоминалось определение сути медицины, данное **Мефистофелем**: «Der Geist der Medizin ist leicht zu fassen: Ihr durchstudiert die gross und kleine Welt, Um es am Ende gehn zu lassen, Wie's Gott gefällt» («Дух медицины понять нетрудно: вы тщательно изучаете и большой, и малый мир, чтобы в конце концов предоставить всему идти, как угодно богу»).

<...>

Один случай произвел во мне полный переворот. В

нашу хирургическую клинику поступила женщина лет под пятьдесят с большой **опухолью** в левой стороне живота. Куратором к этой больной был назначен я. На обязанности студента-куратора лежит исследовать данного ему больного, определить его болезнь и следить за ее течением; когда больного демонстрируют студентам, куратор излагает перед аудиторией историю его болезни, сообщает, что он нашел у него при исследовании, и высказывает свой диагноз, после этого профессор указывает куратору на его **промахи** и недосмотры, подробно исследует больного и ставит свое **распознавание**. Опухоль у моей больной занимала всю левую половину живота, от подреберья до подвздошной кости. Что это была за опухоль, из какого органа она исходила? Ни расспрос больной, ни исследование ее не давали на это никаких хоть скольконибудь ясных указаний, с совершенно одинаковой вероятностью можно было предположить кистому яичника, саркому забрюшинных желез, эхинококк селезенки, гидронефроз, рак поджелудочной железы. Я рылся во всевозможных руководствах, и вот что находил в них.

С гидронефрозом очень легко смешать эхинококк почки: мы много раз видели также мягкие саркоматозные опухоли почек, относительно которых мы были уверены, что имели дело с гидронефрозом («Частная хирургия» Тильманса).

Рак почки нередко принимался за брюшинные опухоли желез, опухоли яичника, селезенки, большие подпоясничные нарывы и т.п. (Штрюмпель).

При кистах яичника встречаются очень неприятные диагностические ошибки... **Дифференциальное** распознавание кисты яичника от гидронефроза оказывается наиболее опасным **подводным камнем**, так

как гидронефроз, если он велик, представляет при наружном исследовании совершенно такую же картину; поэтому подобного рода диагностические ошибки очень не редки («Гинекология» Шредера).

Клинические симптомы рака поджелудочной железы почти никогда не бывают настолько ясны, чтоб можно было поставить диагноз (Штрюмпель).

Скептически и враждебно настроенный к медицине, я с презрительной улыбкой перечитывал эти признания в ее бессилии и неумелости. Я как будто даже был доволен тем, что не могу ориентироваться в моем случае, моя ли вина, что наша, с позволения сказать, «наука» не дает мне для этого никакой надежной руководящей нити? У моей больной опухоль живота – вот все, что я могу сказать, если хочу отнестись к делу сколько-нибудь добросовестно; выработать же из себя **шарлатана** я не имею никакого желанья и не стану «уверенно» объявлять, что имею дело с гидронефрозом, зная, что это легко может оказаться и саркомой, и эхинококком, и чем угодно.

Пришло время продемонстрировать мою больную. Ее внесли на носилках в аудиторию. Меня вызвали к ней. Я прочел анамнез больной и изложил, что нашел у ней при исследовании.

– Какой же ваш диагноз? – спросил профессор.

– Не знаю, – ответил я, насупившись.

– Ну, приблизительно?

Я молча пожал плечами.

– Случай, положим действительно, не из легких, – сказал профессор и приступил сам к расспросу больной.

Сначала он предоставил самой больной рассказать об ее болезни. Для меня ее рассказ послужил основой всему моему исследованию; профессор же придал этому рассказу очень мало значения. Выслушав больную, он стал

тщательно и подробно расспрашивать ее о состоянии ее здоровья до настоящей болезни, о начале заболевания, о всех отправлениях больной в течение болезни; и уж от одного этого умелого расспроса картина получилась совершенно другая, чем у меня – перед нами развернулся не ряд бессвязных симптомов, а **совокупная** жизнь больного организма во всех его отличиях от здорового. После этого профессор перешел к исследованию больной он обратил наше внимание на **консистенцию** опухоли, на то, смещается ли она при дыхании больной, находится ли в связи с маткою, какое положение она занимает относительно нисходящей толстой кишки и т.д., и т.д. Наконец профессор приступил к выводам. Он шел к ним медленно и осторожно, как слепой, идущий по обрывистой горной тропинке, ни одного самого мелкого признака он не оставил без строгого и внимательно обсуждения; чтоб объяснить какой-нибудь ничтожный симптом, на который я и внимания-то не обратил, он **ставил вверх дном** весь огромный **арсенал** анатомии, физиологии и патологии; он сам шел навстречу всем противоречиям и неясностям и отходил от них, лишь добившись полного их объяснения. И, в конце концов, когда, сопоставив добытые данные, профессор пришел к диагнозу, «рак-мозговик левой почки», – то это само собою вытекло из всего предыдущего.

Я слушал, пораженный и восхищенный; такими жалкими и **ребяческими** казались мне теперь и мое исследование, и весь мой скептицизм!.. Спутанная и неясная картина, в которой, по-моему, было невозможно разобраться, стала совершенно ясной и понятной. И это было достигнуто на основании таких ничтожных данных, что смешно было подумать.

Через неделю больная умерла. Опять, как тогда, на

секционном столе лежал труп, опять вокруг двух профессоров теснились студенты, с напряженным вниманием следя за вскрытием. Профессор патолог извлек из живота умершей опухоль величиною с человеческую голову, тщательно исследовал ее и объявил, что перед нами – рак-мозговик левой почки... Мне трудно передать то чувство восторженной гордости за науку, которое овладело мною, когда я услышал это. Я рассматривал лежащую на деревянном блюде мягкую, окровавленную опухоль, и вдруг мне припомнился наш деревенский староста Влас, ярый ненавистник медицины и врачей. «Как доктора могут знать, что у меня в **нутре** делается? Нешто они могут видеть насквозь?» – спрашивал он с презрительной усмешкой. Да, тут видели именно насквозь.

Отношение мое к медицине резко изменилось. Приступая к ее изучению, я ждал от нее всего; увидев, что всего медицина делать не может, я заключил, что она не может делать ничего; теперь я видел, как много все-таки может она, и это «многое» преисполняло меня доверием и уважением к науке, которую я так еще недавно презирал до глубины души.

Вот передо мною больной, он лихорадит и жалуется на боли в боку; я выстукиваю бок: притупление звука показывает, что в этом месте грудной клетки легочный воздух заменен болезненным выделением; но где именно находится это выделение, – в легком или в полости плевры? Я прикладываю руку к боку больного и заставляю его громко произнести: «раз, два, три!» Голосовая вибрация грудной клетки на больной стороне оказывается ослабленною; это обстоятельство с такою же верностью, как если бы я видел все собственными глазами, говорит мне, что выпот находится не в легких, а в полости плевры. – У больного парализована левая нога: я ударяю ему

молоточком по коленному сухожилию, – нога высоко **вскидывается**; это указывает на то, что поражение лежит не в периферических нервах, а где-нибудь выше их выхода из спинного мозга, но где именно? Я тщательно исследую, сохранила ли кожа свою чувствительность, поражены ли другие конечности, правильно ли функционируют головные нервы и пр., – и могу, наконец, с полной уверенностью сказать: поражение, вызвавшее в данном случае паралич левой ноги, находится в коре центральной извилины правого мозгового полушария, недалеко от темени...

Какая громадная, многовековая подготовительная работа была нужна для того, чтобы выработать такие на вид простые приемы исследования, сколько для этого требовалось наблюдательности, гения, труда и знания! И какие большие области уже завоеваны наукою! Выслушивая сердце, можно с точностью определить, какой именно из его четырех клапанов действует неправильно и в чем заключается причина этой неправильности – в сращении клапана или его недостаточности; соответственными зеркалами мы в состоянии осмотреть внутренность глаза, носоглоточное пространство, гортань, влагалище, даже мочевого пузыря и желудок; невидимая, загадочная и непонятная «зараза» разгадана; мы можем теперь готовить ее в чистом виде в пробирке и рассматривать под микроскопом. При акушерстве с почти математической точностью изучен весь сложный механизм родов, определены все факторы, обуславливающие тот или иной поворот младенца, и искусственные приемы помощи строго согласуются с этим сложным естественным движением. Ребенку выжигают раскаленным железом носовые раковины, предварительно смазав их кокаином: живое тело шипит, кругом пахнет горелым мясом, а

ребенок сидит, улыбаясь и спокойно выдыхая из ноздрей дым...

Но всего не перечислить. Конечно, многое, еще очень многое не достигнуто, но все это лишь вопрос времени, и нам трудно себе даже представить, как далеко пойдет наука. Ведь еще несколько лет назад показалась бы нелепостью сама мысль о том, что человеческое тело возможно в буквальном смысле видеть насквозь; теперь же, благодаря Рентгену, эта нелепость стала действительностью. Сорок лет назад у хирургов три четверти **оперированных** умирало от гнойного заражения; гнойное заражение было проклятием хирургии, о которое разбивалось все искусство оператора. «Я ничего положительно не знаю сказать об этой страшной казни хирургической практики, – с отчаянием писал Пирогов в 1854 году. – В ней все загадочно: и происхождение, и образ развития. До сих пор она в такой же степени неизлечима, как рак». «Если я оглянусь на кладбища, – пишет он в другом месте, – где схоронены зараженные в госпиталях, то не знаю, чему более удивляться: **стоицизму** ли хирургов, занимающихся еще изобретением новых операций, или доверию, которым продолжают еще пользоваться госпитали у общества»... Явился Листер, ввел антисептику, она сменилась еще более совершенной асептикой, и хирурги из бессильных рабов гнойного заражения стали его господами; в настоящее время, если оперированный умирает от гнойного заражения, то в большинстве случаев виновата в этом уж не наука, а оператор.

Если уж в настоящее время сделано так много, то что же даст наука в будущем! Передо мною раскрывались такие светлые **перспективы**, что становилось весело за жизнь и за человека. Истинная дорога найдена, и свернуть

с нее уж невозможно. *Natura parendo vincitur* – природу побеждает тот, кто ей **повинуется**; будут поняты все ее законы, и человек станет над ней неограниченным **властелином**. Тогда исчезнет и теперешнее одностороннее лечение и искусственное предупреждение болезней: человек научится развивать и делать непобедимыми целебные силы своего собственного организма, ему не будут страшны ни зараза, ни простуда, не будут нужны ни очки, ни пломбировка зубов, не будут известны ни мигрени, ни неврастении. Будут сильные, счастливые и здоровые люди, и они будут рождаться от сильных и здоровых женщин, которые не будут знать ни акушерских щипцов, ни хлороформа, ни **спорыньи**.

Чем дальше шло теперь мое знакомство с медициной, тем больше она привлекала меня к себе. Но вместе с тем меня все больше поражало, какой **колоссальный** круг наук включает в себя ее изучение; это обстоятельство сильно смущало меня. Каждый день приносил с собой такую массу новых, совершенно разнородных, но одинаково необходимых знаний, что **голова шла кругом**; заняты мы были с утра до вечера, не было времени читать не только что-либо постороннее, но даже по той же медицине. Это была какая-то горячка, какое-то лихорадочное метание из клиники в клинику, с лекции на лекцию, с курса на курс; как в быстро поворачиваемом **калейдоскопе**, перед нами сменялись самые разнообразные вещи: резекция колена, лекция о свойствах наперстянки, безумные речи паралитика, наложение акушерских щипцов, значение Сиденгама в медицине, зондирование слезных каналов, способы окрашивания леффлеровых бацилл, местонахождение подключичной артерии, массаж, признаки смерти от задушения, стригущий лишай, системы вентиляции, теории бледной немочи, законы о

домах терпимости и т.д., и т.д. Все это приходилось воспринимать совершенно **механически**: желание продумать воспринятое, остановиться на том или другом падало под напором сыпавшихся все новых и новых знаний; и эти новые знания приходилось складывать в себе так же механически и утешаться мыслью: «Потом, когда у меня будет больше времени, я все это обдумаю и приведу в порядок». А между тем полученные впечатления постепенно **бледнели**, поднявшиеся вопросы забывались и **утрачивали** интерес, усвоение становилось поверхностным и ученическим.

Думать и действовать самостоятельно нам в течение всего нашего курса почти не приходилось. Профессора на наших глазах искусно справлялись с самыми трудными операциями, **систематически** решали сложные загадки, именуемые больными людьми, а мы, мы слушали и смотрели; все казалось простым, стройным и очевидным. Но если мне случайно попадался больной на стороне, то каждый раз оказывалось что-нибудь, что **ставило** меня в совершенный **тупик**. Вначале меня это не огорчало: ведь я еще студент, многого еще не знаю, – узнаю я это впереди. Но время шло, знания мои приумножались; был окончен пятый курс, уж начались выпускные экзамены, а я чувствовал себя по-прежнему беспомощным и неумелым, неспособным ни на какой сколько-нибудь самостоятельный шаг. Между тем я видел, что стою ничуть не ниже моих товарищей; напротив, я стоял выше большинства. Что же выйдет из нас?

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы к тесту.

- 1) С чего начались занятия на третьем курсе

- университета?
- 2) От чего умерла больная, на вскрытии которой присутствовали студенты?
  - 3) Как объяснил свою ошибку хирург?
  - 4) Кто такие авгуры и почему автор сравнивает с ними врачей?
  - 5) Почему писатель называет медицину «немогущей, бессильной, ошибающейся и лживой»? Вы согласны с его позицией?
  - 6) Какие перспективы развития медицины в далеком будущем видит автор?
  - 7) Встречаются ли в тексте рассказа описания процесса учебы в университете, похожие на ваше обучение в академии?

Задание 2. Выскажите свое мнение, прочитав суждение автора: «А между тем дело идет ни больше, ни меньше как о погубленной человеческой жизни, о чем-то безмерно страшном, где неизбежно должен стать вопрос: смеет ли подобный оператор продолжать заниматься медициной?».

Как вы считаете, имеет ли врач право на ошибку?

Задание 3. Продолжите диалоги

1) разговор хирурга и патолога, начатый автором в тексте:

«— От перитонита умерла? — коротко спросил патолог.

— Да.

— Оперирована?

— Оперирована.

— Угу! — промычал патолог, чуть дрогнув бровью, и приступил к вскрытию».

Опирайтесь на содержание следующего за

диалогом абзаца текста. Что бы могли сказать хирург, патолог и главный герой?

2) разговор, начатый в тексте студентом и профессором:

«– Какой же ваш диагноз? – спросил профессор.

– Не знаю, – ответил я, насупившись.

– Ну, приблизительно?»

Расскажите то, что не смог ответить студент: поставьте диагноз больной, учитывая указанные симптомы. Опирайтесь на последующие абзацы текста.

Задание 4. Выпишите из текста имена и фамилии выдающихся ученых, медиков. Подготовьте небольшие доклады о каждом из ученых, расскажите об их вкладе в медицинскую науку.

«ЗАПИСКИ ВРАЧА»

(продолжение)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий.

Апатичный – склонный к апатии; равнодушный, вялый.

Барич – избалованный, изнеженный человек, белоручка; сын барина – дворянина, помещика, представителя привилегированных слоев общества.

Бессмыслица – 1. Несвязный набор слов, лишенная смысла речь. 2. Лишенный разумности поступок, суждение.

Вдова – женщина, у которой умер супруг.

Висеть на волоске – *образно*. Быть в крайне опасном положении, без какой-либо гарантии на благополучный исход дела.

Вопиющий – вызывающий недоумение, негодование, недопустимый, возмутительный.

Воротиться – 1. Вернуться обратно; возвратиться. 2. Появиться вновь.

Восковой – *здесь*: цветом напоминающий воск; бледно-жёлтый (*обычно о цвете лица, рук*).

Втирание – 1. процесс действия по глаг. *втирать*. 2. Результат такого действия. 3. *разг.* Вещество (лекарственная мазь, жидкость), втираемое в кожу.

Гноекровие – *устар.* Общая гнойная инфекция организма, характеризующаяся образованием многочисленных очагов гнойного воспаления в различных органах, как одна из форм сепсиса; пиемия.

Груда – большое количество каких-либо предметов, сложенных, нагромождённых в беспорядке один на другой; куча.

(Жить) на покое – жить, находясь на пенсии по старости.

Лихорадка – 1. Болезненное состояние, сопровождающееся жаром и ознобом. 2. *Разг.* Малярия.

Лупившийся – о коже человека, шелушащейся от солнца, ветра, жара и т.п.

Мелочный лавочник – продавец, хозяин небольшого частного магазина, где продаются мелкие хозяйственные принадлежности.

Нагноение – 1. процесс действия по глаг. *нагноиться*. 2. Воспаление, сопровождающееся образованием и выделением гноя.

Нагота – 1. Вид, состояние обнажённого тела. 2.

перен. Отсутствие покрова у чего либо; обнажённость.

Невежество – отсутствие знаний; необразованность.

Недоумение – состояние, вызванное непониманием, неясностью чего-либо.

Ныть – 1. Издавать тягучие жалобные звуки. 2. *перен.* Надоедливо жаловаться на что либо; плакаться. *П разг.* Давать о себе знать ощущением тупой, тягучей боли.

Опухоль – болезненное вздутие, припухлость каких-либо органов тела или нарост, новообразование в тканях организма.

Осунувшийся – сильно похудевший из-за болезни, старости.

Оцепенение – 1. Процесс действия по глаг. *оцепенеть*. 2. *Биол.* Состояние резкого понижения жизнедеятельности, наступающее у ряда холоднокровных животных зимой при понижении температуры или летом при недостатке влаги.

Перемена – 1. Процесс действия по глаг. *переменить*. 2. Изменение, поворот к чему-либо новому.

Прачка – работница, занимающаяся ручной стиркой белья.

Прорезать – 1. Сделать, образовать чем-либо режущим отверстие, углубление в чём-либо. 2. Прорвать, нарушить целостность чего-либо чем-либо острым.

Проспринцевать – промыть, оросить водой или лекарственным раствором какую-либо полость, рану и т.п. в гигиенических, профилактических или лечебных целях.

Руки опускаются – *образно.* У кого-либо нет сил, желания делать что-либо из-за бесполезности усилий, неверия в успех дела.

Руководство – 1. Процесс действия по гл. *руководить*. 2. То, чем руководствуются или чем следует руководствоваться в какой-либо деятельности. 3. Пособие

для изучения чего-либо или для обучения чему-либо.

Рыдание – 1. Процесс действия по гл. *рыдать* (громко, судорожно плакать). 2. Звуки, возникающие в процессе громкого плача.

С грехом пополам – *образно*. 1. *устар.* Нечестно, обманным путём, неблагоприятным способом. 2. *разг. ирон.* С большим трудом, кое-как.

Сиделка – лицо младшего медицинского персонала, ухаживающее за больными.

Сопряженный – неразрывно связанный с чем-либо, такой, которому непременно сопутствует что-либо другое.

Трехрублевка – денежная купюра достоинством в 3 рубля.

Убогая лачуга – бедная хижина, небольшой и плохой дом.

Хаотический – беспорядочный, лишённый последовательности, стройности.

Худо – то же, что и плохо, неприятно; зло, беда.

Задание 2. Выпишите из Лексического комментария существительные, образованные от глаголов. Расскажите, что общего и в чем различие глаголов и отглагольных существительных.

Задание 3. Выпишите из Лексического комментария словосочетания с пометкой «образно». Подумайте, можно ли заменить словосочетание (исходя из его значения) одним словом, синонимичным ему?

Задание 4. Прочитайте продолжение произведения В.В. Вересаева «Записки врача». Обратите внимание на то, какое впечатление произвело на главного героя первое увиденное им вскрытие. Найдите в тексте

рассуждения автора.

IV

Выпускные экзамены кончились. Нас пригласили в актовую залу, мы подписали врачебную клятву и получили дипломы. В дипломах этих, украшенных государственным гербом и большой университетской печатью, удостоверялось, что мы с успехом сдали все испытания как теоретические, так и практические и что медицинский факультет признал нас достойными степени лекаря «со всеми правами и преимуществами, **сопряженными** по закону с этим званием».

С тяжелым и нерадостным чувством покидал я нашу alma mater. То, что в течение последнего курса я начинал сознавать все яснее, теперь встало предо мною во всей своей **наготе**: я, обладающий какими-то отрывочными, совершенно неусвоенными и неперевавленными знаниями, привыкший только смотреть и слушать, а отнюдь не действовать, не знающий, как подступиться к больному, я – врач, к которому больные станут обращаться за помощью! Да что буду я в состоянии дать им? Все мои товарищи испытывали то же самое, что я. Мы с горькой завистью смотрели на тех счастливых, которые были оставлены ординаторами при клиниках: они могли продолжать учиться, им предстояло работать не на свой страх, а под руководством опытных и умелых профессоров. Мы же, все остальные, – мы должны были идти в жизнь самостоятельными врачами не только с «правами и преимуществами», но и с обязанностями, «сопряженными по закону с этим званием»...

<...>

Впрочем, мало радостей давала мне и вообще моя практика. Я теперь постоянно находился в страшном

нервном состоянии. Как ни низко ценил я свои врачебные знания, но когда дошло до дела, мне пришлось **убедиться**, что я оценивал их все-таки слишком высоко. Почти каждый случай с такою наглядностью раскрывал передо мною все с новых и новых сторон всю глубину моего **невежества** и неподготовленности, что у меня **опускались руки**. Полученные мною в университете знания представляли собою **хаотическую грудю**, в которой я не мог ориентироваться и перед которою стоял в полнейшей беспомощности. Моя книжная, отвлеченная наука, не проверенная мною в жизни, постоянно обманывала меня, в ее твердые и неподвижные формы никак не могла уложиться живая жизнь, а сделать эти формы эластичными и подвижными я не умел. В своих диагнозах и предсказаниях насчет дальнейшего течения болезни я то и дело ошибался так, что боялся показаться пациентам на глаза. Когда меня спрашивали, какого вкуса будет прописываемое мною лекарство, я не знал что ответить, потому что сам не только никогда не пробовал его, но даже не видал. Я приходил в ужас при одной мысли, – что если меня позовут на роды? За время моего пребывания в университете я видел всего лишь пятеро родов, и единственное, что я в акушерстве знал твердо, – это то, с какими опасностями сопряжено ведение родов неопытною рукою... Жизнь больного человека, его душа были мне совершенно неизвестны, мы **баричами** посещали клиники, проводя у постели больного по десяти – пятнадцати минут; мы **с грехом пополам** изучали болезни, но о больном человеке не имели даже самого отдаленного представления.

Но что уж говорить о таких тонкостях, как психология больного человека. Мне то и дело приходилось **становиться в тупик** перед самыми простыми вещами, я

не знал и не умел делать того, что знает любая больничная **сиделка**. Я говорил окружавшим: «Поставьте больному клизму, положите припарку» и боялся, чтоб меня не вздумали спросить: «А как это нужно сделать?». Таких «мелочей» нам не показывали – ведь это дело фельдшеров, сиделок, а врач должен только отдать соответствующее приказание. Но в моем распоряжении не было ни фельдшеров, ни сиделок, а окружавшие обращались за указаниями ко мне... Пришлось отложить в сторону большие, «серьезные» **руководства** и взяться за книги вроде «Ухода за больными» Бильрота – учебника, предназначенного для сестер милосердия. И я, на выпускном экзамене артистически сделавший на трупе ампутацию колена по Сабанееву, – я теперь старательно изучал, как нужно поднять слабого больного и как поставить мушку.

Недалеко от меня **жил на покое** отказавшийся от практики старик-доктор Иван Семенович Н. Если до него случайно дойдут эти строки, то пусть он лишний раз примет от меня горячую благодарность за участие, которое он проявлял ко мне в то тяжелое для меня время. Я откровенно рассказывал ему о своих **недоумениях** и ошибках, советовался обо всем, чего не понимал, даже таскал его к своим пациентам; с чисто отеческою отзывчивостью. Иван Семенович всегда был готов прийти ко мне на помощь и своими знаниями, и опытом, и всем, чем мог. И каждый раз, когда мы с ним стояли у постели больного, он – спокойный, находчивый и уверенный в себе, и я – беспомощный и робкий, мне казалось **вопиющей бессмыслицей**, что оба мы с ним – равноправные товарищи, имеющие одинаковые дипломы.

Я лечил одного **мелочного лавочника**. У него был очень тяжелый сыпной тиф, осложнившийся

правосторонним паротитом (воспалением околоушной железы). Однажды, рано утром, жена лавочника прислала ко мне мальчика с просьбой прийти немедленно; мужу ее за ночь стало очень **худо**, и он задыхается. Я пришел. Больной был в полубессознательном состоянии, он дышал тяжело и хрипло, как будто ему что-то сдавило горло: при каждом вдохе подреберья втягивались глубоко внутрь, засохшая слюнь коричневою пленкою покрывала его зубы и края губ; пульс был очень слаб. Опухоль железы мешала больному раскрыть как следует рот, и мне не удалось осмотреть полости рта и зева. Я поспешил домой якобы за шприцем, чтобы впрыснуть больному камфару, и стал просматривать в учебнике главу о тифе. Что может при тифе вызвать затрудненное дыхание? Единственно, на что указывал учебник, был отек гортани вследствие воспаления черпаловидных хрящей. В этом случае моя записная книжка указывала следующее лечение: «энергические слабительные, плотать кусочки льда; если ничего не помогает, немедленно трахеотомия». Я **воротился** к больному, впрыснул ему под кожу камфару, назначил лед и одно из самых энергических слабительных – колоквинту.

Через несколько часов я пришел снова. Колоквинта подействовала, но дыхание больного стало еще более затрудненным. Оставался один исход трахеотомия. Я отправился к Ивану Семеновичу. Он внимательно выслушал меня, покачал головою и поехал со мною.

Осмотрев больного, Иван Семенович заставил его сесть, набрал в гуттаперчевый баллон теплой воды и, введя наконечник между зубами больного, **проспринцевал** ему рот: вышла масса вязкой, тягучей слизи. Больной сидел, кашляя и перхая, а Иван Семенович продолжал энергично спринцевать как он не боялся, что больной захлебнется? С

каждым новым спринцеванием слезь выделялась снова и снова, я был поражен, что такое невероятное количество слези могло уместиться во рту человека.

– Ну-ну, откашляйтесь, плюньте! – громко и властно повторял Иван Семенович. И больной пришел в себя и плевал.

Дыхание его стало совершенно свободным.

– А я ему колоквинту назначил, – **сконфуженно** произнес я, когда мы вышли от больного.

– Ай-ай-ай! – сказал Иван Семенович, покачивая головою. – Такому слабому! Этак недолго и убить человека!.. Да и какое могло быть к ней показание? Просто человек без сознания глотает плохо, – понятно, во рту разная дрянь и накопилась.

В книгах не было указания на возможность подобного «осложнения» при тифе; но разве книги могут предвидеть все мелочи? Я был в отчаянии: я так глуп и несообразителен, что не гожусь во врачи; я только способен действовать по-фельдшерски, по готовому шаблону. Теперь мне смешно вспомнить об этом отчаянии. Студентам очень много твердят о необходимости индивидуализировать каждый случай, но умение индивидуализировать достигается только опытом.

С каждым днем моей практики передо мною все настойчивее вставал вопрос: по какому-то невероятному недоразумению я стал обладателем врачебного диплома, – имею ли я на этом основании право считать себя врачом? И жизнь с каждым разом все убедительнее отвечала мне – нет, не имею!

Наконец произошел один случай. И теперь еще, когда я вспоминаю о нем, мною овладевают тоска и ужас. Но рассказывать, так уже все рассказывать.

На самом краю города, в **убогой лачуге**, жила **вдова-**

прачка с тремя детьми. Двое из них умерли от скарлатины в больнице, вскоре после их смерти заболел и последний – худой, некрасивый мальчик лет восьми. Мать ни за что не хотела отвезти его также в больницу и решила лечить дома. Она обратилась ко мне. У мальчика была скарлатина в очень тяжелой форме; он бредил и метался, температура была 41°, пульс почти не прощупывался. Осмотрев больного, я сказал матери, что навряд ли и он выживет. Прачка упала передо мною на колени.

– Батюшка, спасите его!.. Последний он у меня остался. Растила его, кормильца на старость... Сколько могу, заплачу вам, век на вас даром стирать буду!

Жизнь мальчика около недели **висела на волоске**. Наконец температура понемногу опустилась, сыпь побледнела, больной начал приходить в себя. Явилась надежда на благоприятный исход. Мне дорог стал этот чахлый, некрасивый мальчик с **лупившейся** на лице кожей и **апатичным** взглядом. Счастливая мать восторженно благодарила меня.

Спустя несколько дней у больного снова появилась **лихорадка**, а правые подчелюстные железы опухли и стали болезненны. Опухоль с каждым днем увеличивалась. Само по себе это не представляло большой опасности в худшем случае железы нагноились бы и образовался бы нарыв. Но для меня такое осложнение было крайне неприятно. Если образуется нарыв, то его нужно будет **прорезать**; разрез придется делать на шее, в которой находится такая масса артерий и вен. Что, если я порежу какой-нибудь крупный сосуд, – сумею ли я справиться с кровотечением? Я до сих пор еще ни разу не касался ножом живого тела, видеть – я видел все самые сложные и трудные операции, но теперь, предоставленный самому себе, боялся прорезать простой нарыв.

В начальной стадии воспаления желез очень хорошо действуют **втирания** серой ртутной мази, примененные вовремя, эти втирания нередко обрывают воспаление, не доводя его до **нагноения**. Я решил втереть моему больному серую мазь. Опухоль была очень болезненна, и поэтому на первый раз я втер мазь не сильно. На следующий день мальчик глядел бодрее, перестал **ныть**, температура понизилась; он улыбался и просил есть. Железы были значительно менее болезненны. Я вторично втер в опухоль мазь, на этот раз сильнее. Мать почти молилась на меня и горько жалела, что не позвала меня к двум умершим детям: тогда бы и те остались живы.

Когда я назавтра пришел к больному, я нашел в его состоянии резкую **перемену**. Мальчик лежал на спине, поворотив голову набок, и непрерывно стонал: в правой надключичной ямке, ниже первоначальной опухоли, краснела большая новая опухоль. Я **побледнел** и с бьющимся сердцем стал исследовать больного. Температура была 39,5; правый локтевой сустав распух и был так болезнен, что до руки нельзя было дотронуться. Мать, хотя сильно обеспокоенная, с доверием и надеждою следила за мною. Я вышел как убитый; дело было ясно: своими втираниями я разогнал из железы гной по всему телу, и у мальчика начиналось общее **гноекровие**, от которого спасения нет.

Весь день я в тупом **оцепенении** пробродил по улицам; я ни о чем не думал и только весь был охвачен ужасом и отчаянием. Иногда в сознании вдруг ярко вставала мысль: «Да ведь я убил человека!». И тут нельзя было ничем обмануть себя; дело не было бы яснее, если бы я прямо перерезал мальчику горло.

Больной прожил еще полторы недели; каждый день у него появлялись все новые и новые нарывы – в суставах, в

печени, в почках... Мучился он безмерно, и единственное, что оставалось делать, это впрыскивать ему морфий. Я посещал больного по нескольку раз в день. При входе меня встречали страдальческие глаза ребенка на его **осунувшемся**, потемневшем лице; стиснув зубы, он все время слабо и протяжно стонал. Мать уже знала, что надежды нет.

Наконец однажды, – это было под вечер, – войдя в лачугу прачки, я увидел своего пациента на столе. Все кончилось... С острым и мучительным любопытством я подошел к трупу. Заходящее солнце освещало **восковое** исхудалое лицо мальчика; он лежал, наморщив брови, как будто скорбно думая о чем-то, а я, его убийца, смотрел на него. Осиротевшая мать рыдала в углу. По голым стенам лачуги висела пыльная паутина, от грязного земляного пола несло сыростью, было холодно-холодно и пусто. **Рыдания** сдавили мне горло. Я подошел к матери и стал ее утешать.

Через полчаса я собрался уходить. Прачка вдруг засуежилась, торопливо полезла в сундук и протянула мне засаленную **трехрублевку**.

– Примите, батюшка... за труды... – сказала она. – Уж как вы старались, спаси вас царица небесная!

Я отказался. Мы стояли с нею в полутемных сенцах.

– Не судил, видно, бог! – проговорил я, стараясь не смотреть в глаза прачки.

– Его святая воля... Он лучше знает, – ответила прачка, и губы ее снова запрыгали от рыданий. – Батюшка мой, спасибо тебе, что жалел мальчика!..

И она, плача, упала передо мною на колени и старалась поцеловать мне руку, благодаря меня за мою ласковость и доброту...

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы.

- 1) Какую степень получали студенты по окончании обучения в медицинском университете?
- 2) С какими чувствами покидал главный герой учебное заведение? Почему?
- 3) Чего больше всего боялся главный герой, работая врачом в сельской больнице.
- 4) Чем болел мальчик, сын прачки? Мог ли он выздороветь?
- 5) За что благодарила врача мать умершего мальчика?

Задание 2. Выпишите из текста слова, являющиеся названиями заболеваний. Дайте им определение, расскажите об основных симптомах указанных заболеваний. Назовите основные признаки научного стиля речи.

Задание 3. Прокомментируйте цитату из текста: «Весь день я в тупом оцепенении пробродил по улицам; я ни о чем не думал и только весь был охвачен ужасом и отчаянием. Иногда в сознании вдруг ярко вставала мысль: «Да ведь я убил человека!». И тут нельзя было ничем обмануть себя; дело не было бы яснее, если бы я прямо перерезал мальчику горло».

Как вы думаете, почему главный герой считает себя убийцей? Какое, на ваш взгляд, он должен понести наказание?

МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ БУЛГАКОВ

Михаил Афанасьевич Булгаков (1891 – 1940 гг.) – известный русский писатель, драматург, врач по специальности. Родился в Киеве. Окончив медицинский факультет Киевского университета, в 1916 – 1917 гг. работал врачом Никольской земской больницы Сычевского уезда Смоленской губернии. В 1917 г. Булгакова перевели в Вяземскую городскую земскую больницу заведующим инфекционным и венерическим отделением. Затем он вернулся в Киев и занимался там частной практикой. В 1919 году закончил свою врачебную деятельность и обратился к литературе. В первой половине 1920-х гг. Михаил Булгаков создал цикл рассказов «Записки юного врача» («Полотенце с петухом», «Крещение поворотом», «Стальное горло», «Вьюга», «Тьма египетская», «Пропавший глаз», «Звездная сыпь»), которые объединяет «медицинская» тема. В основу этих рассказов легли реальные жизненные обстоятельства службы Булгакова в качестве земского врача в Смоленской губернии.

Это яркие зарисовки из медицинской практики писателя, проведенной им в Никольской больнице

Сычевского уезда Смоленской губернии сразу после окончания университета. Они стали своеобразной «пробой пера» талантливого врача, посвятившего свою дальнейшую жизнь литературному творчеству. Смысл «Записок» не только в борьбе за человеческую жизнь, но и в борьбе с дикостью и невежеством, с которыми пришлось столкнуться недавнему студенту в уездной глуши, с «тьмой египетской», царившей в сознании крестьян. Булгаков мастерски передает обстановку повседневной жизни земской больницы, повествует о душевных тревогах молодого врача, привыкшего к жизни в огромном городе и оказавшегося вне цивилизации, столкнувшегося один на один с такими сложнейшими случаями и трагическими ситуациями в своей медицинской практике, справиться с которыми было бы нелегко даже опытному врачу.

То, что сам Булгаков был действительно хорошим врачом, подтверждает и первая жена писателя Т.Н. Лаппа, бывшая рядом с ним и в Никольском, и в Вязьме: «Диагнозы он замечательно ставил. Прекрасно ориентировался». Так что здесь никакой идеализации действительности нет, притом, что суровая деревенская реальность дана без всяких прикрас.

Рассказ «ПОЛОТЕНЦЕ С ПЕТУХОМ»

(из цикла рассказов «Записки юного врача»)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Бездорожье – плохая дорога.

Вдовец – мужчина, у которого умерла жена.

Возница – человек, который управляет лошадейю.

Глушь – далекое место (глухая деревня).

Картуз – вид шапки.

Кухарка – служанка, которая работает на кухне.

Мялка – специальное устройство, в котором мнут лен.

Мять лен – делать мягким жёсткие стебли (волокна), из которого изготавливают ткань.

Обветшать – стать старым (о вещи).

По прошествии многих лет – когда прошло много лет.

Полушубок – короткое пальто из меха.

Пушай – *разг.* пусть.

Слыхал – *разг.* слышал.

Странствовать – путешествовать.

Эскулап – врач.

Задание 2. Найдите группы однокоренных слов и определите их значение.

Содрогнуться, говорить, свой, почесть, снисходительность, молодой, подражать, ничтожество, бревно, шелест, содрогнуться, скрип, снисходить, удаление, молодость, сдержать, умоляющий, почетать, сдерживать, умолять; дрожать, держать, удалять, выдерживать, удалить, шелестеть; дрожь, сговариваться, шелестящий, сговориться; осваиваться, подражание, освоиться; проскрипеть, бревенчатый, почтительный; ничтожный, снисходительный, молодежавый.

Задание 3. Объясните значение следующих глаголов, исходя из значений приставок.

Притащить, разместить, насчитать, домучить, перелистать, напевать, изорвать, переломать, впрыскивать, приподнять, срезать, отбросить, обшить, вышить,

продырявиться, укоротить.

Задание 4. Прочитайте рассказ М.А. Булгакова и выполните послетекстовые задания. Подумайте, должен ли был молодой неопытный врач делать сложную операцию?

Если человек не ездил на лошадях по глухим деревенским дорогам, то рассказывать мне ему об этом нечего: все равно он не поймет. А тому, кто ездил, и напоминать не хочу.

Скажу коротко: сорок верст, отделяющих город Грачевку от Муравьевской больницы, ехали мы ровно сутки.

– П... по вашим дорогам, – заговорил я деревянными, синенькими губами, – нужно п... привыкнуть ездить.

– Эх... товарищ доктор, – сказали мне, – пятнадцать годов ездим, а все привыкнуть не можем.

Я содрогнулся, оглянулся тоскливо на белый старый двухэтажный корпус, на небеленые бревенчатые стены фельдшерского домика, на свою будущую резиденцию – двухэтажный, очень чистенький дом.

– Эй, кто тут? Эй! – закричал **возница** и захлопал руками, как петух крыльями. – Эй, доктора привез!

Тут в темных стеклах фельдшерского домика показались лица, хлопнула дверь, и вот я увидел, как заковылял по траве ко мне человек в рваненьком пальтишке и сапожишках. Он почтительно и торопливо снял **картуз**, подбежав на два шага ко мне, почему-то улыбнулся стыдливо и хриплым голосом приветствовал меня:

– Здравствуйте, товарищ доктор.

– Кто вы такой? – спросил я.

– Егорыч я. – отрекомендовался человек, – сторож здешний. Уж мы вас ждем, ждем...

Направляясь в мурьевскую **глушь**, я, помнится, еще в Москве давал себе слово держать себя солидно. Мой юный вид отравлял мне существование на первых шагах. Каждому приходилось представляться:

– Доктор такой-то.

И каждый обязательно поднимал брови и спрашивал:

– Неужели? А я-то думал, что вы еще студент.

– Нет, я кончил, – хмуро отвечал я и думал: «Очки мне нужно завести, вот что». Но очки было заводить не к чему, глаза у меня были здоровые. Не имея возможности защищаться от всегдашних снисходительных и ласковых улыбок при помощи очков, я старался выработать особую, внушающую уважение, повадку. Говорить пытался размеренно и веско, порывистые движения по возможности сдерживать, не бегать, как бегают люди в двадцать три года, окончившие университет, а ходить. Выходило это, как теперь, **по прошествии многих лет**, понимаю, очень плохо.

Еще в состоянии окоченения я успел произвести целый ряд действий, которых потребовала сама жизнь. Востроносая Аксинья, жена Егорыча, была утверждена мною в должности моей **кухарки**. Вследствие этого и погиб под ее руками петух. Его я должен был съесть. Я со всеми перезнакомился. Фельдшера звали Демьян Лукич, акушерок – Пелагея Ивановна и Анна Николаевна. Я успел обойти больницу и с совершеннейшей ясностью убедился в том, что инструментарий в ней богатейший, что очень многих блестящих девственно инструментов, назначение которых мне вовсе не известно. Я их не только не держал в руках, но даже, откровенно признаюсь, и не видал.

– Гм, – очень многозначительно промычал я, – однако

у вас инструментарий прелестный. Гм...

– Как же-с, – сладко заметил Демьян Лукич, – это все стараниями вашего предшественника Леопольда Леопольдовича. Он ведь с утра до вечера оперировал.

Тут я облился прохладным потом и тоскливо поглядел на зеркальные сияющие шкафики.

Потом мы обошли пустые палаты, и я убедился, что в них свободно можно разместить сорок человек.

– У Леопольда Леопольдовича иногда и пятьдесят лежало, – утешил меня Демьян Лукич, а Анна Николаевна, женщина в короне поседевших волос, к чему-то сказала:

– Вы, доктор, так моложавы, так моложавы... Прямо удивительно. Вы на студента похожи.

«Фу-ты, черт, – подумал я, – как сговорились, честное слово!»

И проворчал сквозь зубы, сухо:

– Гм... нет, я... то есть я... да, моложав...

Затем мы спустились в аптеку, и сразу я увидел, что в ней чего только не было. В темноватых двух комнатах крепко пахло травами, и на полках стояло все что угодно. Были даже патентованные заграничные средства, и нужно ли добавлять, что я никогда не слышал о них ничего.

– Леопольд Леопольдович выписал, – с гордостью доложила Пелагея Ивановна.

«Прямо гениальный человек был этот Леопольд», – подумал я и проникся уважением к таинственному, покинувшему тихое Мурье Леопольду.

Человеку нужно еще освоиться. Я сидел и, как зачарованный, глядел на третье достижение легендарного Леопольда: шкаф был битком набит книгами. Одних руководств по хирургии на русском и немецком языках я насчитал около тридцати томов. А терапия!

Надвигался вечер, и я осваивался.

«Я ни в чем не виноват, – думал я упорно и мучительно, – у меня есть диплом, я имею пятнадцать пятачков. Я же предупреждал еще в том большом городе, что хочу идти вторым врачом. Нет. Они улыбались и говорили: «Освойтесь». Вот тебе и освоитесь. А если грыжу привезут? Объясните, как я с нею освоюсь. И в особенности каково будет себя чувствовать больной с грыжей у меня под руками? Освоится на том свете (тут у меня холод по позвоночнику)...

А гнойный аппендицит? Га! А дифтерийный круп у деревенских ребят? Когда трахеотомия показана? Да и без трахеотомии будет мне не очень хорошо... А... а роды! Роды-то забыл! Неправильные положения. Что ж я буду делать? А? Какой я легкомысленный человек! Нужно было отказаться от этого участка. Нужно было. Достали бы себе какого-нибудь Леопольда».

В тоске и сумерках я прошелся по кабинету. Когда поравнялся с лампой, увидел, как в безграничной тьме полей мелькнул мой бледный лик рядом с огоньками лампы в окне.

Часа два в одиночестве я мучил себя и домучил до тех пор, что уж больше мои нервы не выдерживали созданных мною страхов. Тут я начал успокаиваться и даже создавать некоторые планы.

Так-с... Прием, они говорят, сейчас ничтожный. В деревнях **мнут лен, бездорожье...** «Тут-то тебе грыжу и привезут, – проворчал суровый голос в мозгу, – потому что по бездорожью человек с насморком (нетрудная болезнь) не поедет, а грыжу притащат, будь покоен, дорогой коллега доктор».

Голос был неглуп, не правда ли? Я вздрогнул.

«Молчи, – сказал я голосу, – не обязательно грыжа. Что за неврастения?»

Так-с... со справочником я расставаться не буду... Если что выписать, можно, пока руки моешь, обдумать. Справочник будет раскрытым лежать прямо на книге для записи больных. Буду выписывать полезные, но нетрудные рецепты. Ну, например, натри салицилицы 0,5 по одному порошку три раза в день...

«Соду можно выписать!» – явно издеваясь, отозвался мой внутренний собеседник.

И тут же я малодушно перелистал рецептурный справочник.

«А как же все-таки с грыжей будет?» – упорно приставал страх в виде голоса.

«В ванну посажу, – остервенело защищался я, – в ванну. И попробую вправить».

«Ущемленная, мой ангел! Какие тут, к черту, ванны! Ущемленная, – демонским голосом пел страх. – Резать надо...»

Тут я сдался и чуть не заплакал. Все, что угодно, только не ущемленную грыжу.

А усталость напевала:

«Ложись ты спать, злосчастный **эскулап**. Выспишься, а утром будет видно. Успокойся. Юный неврастеник. Гляди – тьма за окнами, спят стынущие поля, нет никакой грыжи. А утром будет видно. Освоишься... Спи... Брось атлас... Все равно ни пса сейчас не разберешь. Грыжевое кольцо...»

Как он влетел, я даже не сообразил. Помнится, болт на двери загремел. Аксинья что-то пискнула. Да еще за окнами проскрипела телега.

Он без шапки, в расстегнутом **полушубке**, с безумными глазами.

Он перекрестился, и повалился на колени, и бухнул лбом в пол. Это мне.

«Я пропал», – тоскливо подумал я.

– Что вы, что вы, что вы! – забормотал я и потянул за серый рукав.

Лицо его перекошило, и он, захлебываясь, стал бормотать в ответ прыгающие слова:

– Господин доктор... господин... единственная, единственная... единственная! – выкрикнул он вдруг по-юношески звонко, – Ах ты, господи... Ах... – Он в тоске заломил руки и опять забухал лбом, как будто хотел разбить его. – За что? За что наказанье?.. Чем прогневали?

– Что? Что случилось?! – выкрикнул я, чувствуя, что у меня холодеет лицо.

Он вскочил на ноги, метнулся и прошептал так:

– Господин доктор... что хотите... денег дам... Деньги берите, какие хотите. Какие хотите. Продукты будем доставлять... Только чтоб не померла. Только чтоб не померла. Калекой останется – **пущай. Пущай!** – кричал он в потолок. – Хватит прокормить, хватит.

– Что?.. Что? Говорите! – выкрикнул я болезненно.

Он стих и шепотом, как будто по секрету, сказал мне, и глаза его стали бездонны:

– В **мялку** попала...

– В мялку... в мялку?.. – переспросил я. – Что это такое?

– Лен, лен мяли ... господин доктор... – шепотом пояснила Аксинья, – мялка-то... **лен мнут**...

«Вот начало. Вот. О, зачем я приехал!» – в ужасе подумал я.

– Кто?

– Дочка моя, – ответил он шепотом, а потом крикнул: – Помогите! – И вновь повалился, и стриженные волосы метнулись на его глаза.

На операционном столе, на белой, свежеспянувшей

клеенке я ее увидел, и грыжа померкла у меня в памяти.

Коса у девушки была гигантская, и конец ее касался пола.

Юбка была изорвана, и кровь на ней разного цвета – пятно бурое, жирное, алое.

На белом лице у нее, как гипсовая, неподвижная, потухала действительно редкостная красота. Не всегда, не часто встретишь такое лицо.

В операционной секунд десять было полное молчание, но за закрытыми дверями слышно было, как глухо выкрикивал кто-то.

«Обезумел, – думал я, – а сиделки, значит, его отпаивают... Почему такая красавица? Хотя у него правильные черты лица... Видно, мать была красивая... Он **вдовец...**»

– Он вдовец? – машинально шепнул я.

– Вдовец, – тихо ответила Пелагея Ивановна.

Тут Демьян Лукич резким, как бы злобным движением от края до верху разорвал юбку. Я глянул, и то, что увидел, превысило мои ожидания.левой ноги собственно не было. Начиная от раздробленного колена, лежала кровавая рвань, красные мятые мышцы и остро во все стороны торчали белые раздавленные кости. Первая была переломлена в голени так, что обе кости концами выскочили наружу, пробив кожу. От этого ступня ее безжизненно, как бы отдельно, лежала, повернувшись набок.

– Да, – тихо молвил фельдшер и ничего больше не прибавил.

Тут я вышел из оцепенения и взялся за ее пульс. В холодной руке его не было. Лишь после нескольких секунд нашел я чуть заметную редкую волну. Она прошла... потом была пауза, во время которой я успел глянуть на синеющие

крылья носа и белые губы... Хотел уже сказать: конец... по счастью, удержался... Опять прошла ниточкой волна.

«Вот как потухает изорванный человек, – подумал я, – тут уж ничего не сделаешь...»

Но вдруг сурово сказал, не узнавая своего голоса:

– Камфары.

Тут Анна Николаевна склонилась к моему уху и шепнула:

– Зачем, доктор? Не мучайте. Зачем еще колоть? Сейчас отойдет... Не спасете.

Я злобно и мрачно оглянулся на нее и сказал:

– Попрошу камфары...

Так, что Анна Николаевна с вспыхнувшим обиженным лицом сейчас же бросилась к столику и сломала ампулу.

Фельдшер тоже, видимо, не одобрял камфары. Тем не менее он ловко и быстро взялся за шприц и желтое масло ушло под кожу плеча.

«Умирай. Умирай скорее, – подумал я, – умирай. А то что же я буду делать с тобой?»

– Сейчас помрет, – как бы угадав мою мысль, шепнул фельдшер. Он покосился на простыню, но, видимо, раздумал: жаль было кровавить простыню. Однако через несколько секунд ее пришлось прикрыть. Она лежала, как труп, но она не умерла. В голове моей вдруг стало светло, как под стеклянным потолком нашего далекого анатомического театра.

– Камфары еще, – хрипло сказал я.

И опять покорно фельдшер впрыснул масло.

«Неужели же не умрет?.. – отчаянно подумал я. – Неужели придется...»

Все светлело в мозгу, и вдруг без всяких учебников, без советов, без помощи я сообразил – уверенность, что

сообразил, была железной, – что сейчас придется в первой раз в жизни на угасающем человеке делать ампутацию. И человек этот умрет под ножом. Ах, под ножом умрет. Ведь у нее же нет крови! За десять верст вытекло все через раздробленные ноги, и неизвестно даже, чувствует ли она что-нибудь сейчас, слышит ли. Она молчит. Ах, почему она умирает? Что скажет мне безумный отец?

– Готовьте ампутацию, – сказал я фельдшеру чужим голосом.

Акушерка посмотрела на меня дико, но у фельдшера мелькнула искра сочувствия в глазах, и он заметался у инструментов.

Прошло четверть часа. С суевренным ужасом я вглядывался в угасший глаз, приподымая холодное веко. Ничего не постигаю... Как может жить полутруп? Капли пота неудержимо бежали у меня по лбу из-под белого колпака, и марлей Пелагея Ивановна вытирала соленый пот. В остатках крови в жилах у девушки теперь плавал и кофеин. Нужно было его впрыскивать или нет? На бедрах Анна Николаевна, чуть-чуть касаясь, гладила бугры, набухшие от физиологического раствора. А девушка жила.

Я взял нож, стараясь подражать (раз в жизни в университете я видел ампутацию) кому-то... Я умолял теперь судьбу, чтобы уж в ближайшие полчаса она не померла... «Пусть умрет в палате, когда я окончу операцию...»

За меня работал только мой здравый смысл. Я кругообразно и ловко, как опытный мясник, острейшим ножом разрезал бедро, и кожа разошлась, не дав ни одной росинки крови. «Сосуды начнут кровить, что я буду делать?» – думал я и, как волк, косился на груды торзионных пинцетов. Я срезал громадный кусок женского мяса и один из сосудов – он был в виде беловатой

трубочки, – но ни капли крови не выступило из него. Я зажал его торзионным пинцетом и двинулся дальше. Я натыкал эти торзионные пинцеты всюду, где предполагал сосуды... «Arteria... àrteria...?..» В операционной стало похоже на клинику.

«Почему не умирает?.. Это удивительно... ох, как живуч человек!»

И кость отпала. В руках у Демьяна Лукича осталось то, что было девичьей ногой. Лохмы мяса, кости! Все это отбросили в сторону, и на столе оказалась девушка, как будто укороченная на треть, с оттянутой в сторону культей. «Еще, еще немножко... Не умирай, – вдохновенно думал я, – потерпи до палаты, дай мне выскочить благополучно из этого ужасного случая моей жизни».

Потом вязали лигатурами, потом я стал редкими швами зашивать кожу... но остановился, сообразил... оставил сток... вложил марлевый тампон... Пот застилал мне глаза, и мне казалось, будто я в бане...

Тяжело посмотрел на культю, на лицо. Спросил:

– Жива?

– Жива...– как беззвучное эхо, отозвались сразу и фельдшер и Анна Николаевна.

Еще минуточку проживет, – одними губами, без звука в ухо сказал мне фельдшер. Потом запнулся и деликатно посоветовал: – Вторую ногу, может, и не трогать, доктор. Марлей, знаете ли, замотаем... а то не дотянет до палаты... А? Все лучше, если не в операционной скончается.

– Гипс давайте, – сипло отозвался я, толкаемый неизвестной силой.

Весь пол был заляпан белыми пятнами, все мы были в поту. Полутруп лежал неподвижно. Правая нога была забинтована гипсом, и зияло на голени вдохновенно оставленное мною окно на месте перелома.

– Живет...– удивленно хрипнул фельдшер.

Затем ее стали поднимать, и под простыней был виден гигантский провал – треть ее тела мы оставили в операционной.

Затем колыхались тени в коридоре, бегали сиделки, и я видел, как по стене прокралась растрепанная мужская фигура и издала сухой вопль. Но его удалили. И стихло.

В операционной я мыл окровавленные по локоть руки.

– Вы, доктор, вероятно, много делали ампутаций? – вдруг спросила Анна Николаевна. – Очень, очень хорошо... Не хуже Леопольда...

В ее устах слово «Леопольд» неизменно звучало, как «Дуайен».

Я исподлобья взглянул на лица. И у всех – и у Демьяна Лукича и у Пелагеи Ивановны – заметил в глазах уважение и удивление.

– Кхм... я... Я только два раза делал, видите ли...

Зачем я солгал? Теперь мне это непонятно.

В больнице стихло. Совсем.

– Когда умрет, обязательно пришлите за мной, – вполголоса приказал я фельдшеру, и он почему-то вместо «хорошо» ответил почтительно:

– Слушаю-с...

Через несколько минут я был у зеленой лампы в кабинете докторской квартиры. Дом молчал.

Бледное лицо отражалось в чернейшем стекле.

Я, видите ли, постарел как-то... Складка над переносицей... Сейчас постучат... Скажут: «Умерла...»

«Да, пойду и погляжу в последний раз... сейчас раздастся стук...»

В дверь постучали. Это было через два с половиной месяца. В окне сиял один из первых зимних дней.

Вошел он; я его разглядел только тогда. Да, действительно черты лица правильные. Лет сорока пяти. Глаза искрятся.

Затем шелест... На двух костылях впрыгнула очаровательной красоты одноногая девушка в широкой юбке, обшитой по подолу красной каймой.

Она поглядела на меня, и щеки ее замело розовой краской.

– В Москве... в Москве... – И я стал писать адрес. – Там устроят протез, искусственную ногу.

– Руку поцелуй, – вдруг неожиданно сказал отец.

Я до того растерялся, что вместо губ поцеловал ее в нос.

Тогда она, обвисая на костылях, развернула сверток, и выпало длинное снежно-белое полотенце с безыскусственным красным вышитым петухом. Так вот что она прятала под подушкой на осмотрах. То-то, я помню, нитки лежали на столике.

– Не возьму, – сурово сказал я и даже головой замотал. Но у нее стало такое лицо, такие глаза, что я взял...

И много лет висело оно у меня в спальне в Мурье, потом **странствовало** со мной. Наконец **обветшало**, стерлось, продырявилось и исчезло, как стираются и исчезают воспоминания.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы:

- 1) Кто главный герой рассказа?
- 2) Куда он приехал работать врачом?
- 3) Какие чувства он испытывал, когда впервые приехал в больницу?

- 4) Что случилось в первую ночь после его приезда?
- 5) Что произошло с девушкой?
- 6) Какие чувства испытал молодой врач, когда увидел пострадавшую?
- 7) Что он чувствовал и думал во время операции?
- 8) Удалось ли ему спасти девушку?
- 9) Что произошло через два месяца после операции?

Задание 2. Прокомментируйте мысли главного героя:

«Умирай. Умирай скорее, – подумал я, – умирай. А то что же я буду делать с тобой?» «Неужели не умрет? – отчаянно думал я. – Неужели придется...».

Задание 3. Скажите, почему М.А. Булгаков назвал свой рассказ «Полотенце с петухом»?

Задание 4. Существует ли в вашей стране проблема обеспечения сельской местности медицинским персоналом, медицинским оборудованием и медикаментами? Едут ли молодые врачи работать в деревни?

Рассказ «ВЬЮГА»

(из цикла рассказов «Записки юного врача»)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Агроном – специалист в области земледелия и

сельского хозяйства.

Апартаменты – большая квартира.

Арифметика – учение о числах, выражаемых цифрами, и действиях над ними.

Бедняга – тот, кто вызывает сострадание, сочувствие у окружающих; несчастный (о человеке или животном).

Браунинг – от англ. *Browning* (automatic pistol) – пистолет.

Во что бы то ни стало – обязательно, непременно.

Губерния – род области или большого округа России, разделенного на уезды, под управлением губернатора. В просторечии губерния также губернский город, главный город в губернии.

Зыбкий – непрочный, неустойчивый, ненадежный.

Каска – защитный головной убор в виде шлема.

Кладовка – помещение для хранения съестных припасов и др. предметов домашнего обихода. || Комната для хранения товаров, ценностей и другого имущества.

Конторщик – 1. Младший служащий в конторе или другом учреждении по письменной части. 2. Заведующий мелкой конторой (*устар.*).

Копшиться – *здесь*: искать.

Корыто – большая продолговатая посуда для стирки белья и других хозяйственных надобностей, делавшаяся ранее из расколотого пополам и выдолбленного бревна, позднее – также из оцинкованного железа.

Манишка – нагрудник, преимущественно из белой ткани, пришитый или пристегиваемый к мужской сорочке (рубашке).

Облучок – передок повозки, где сидит возница, кучер.

Под тяжестью своей славы – *здесь*: стал очень

популярен и в связи с этим количество пациентов увеличилось.

Полтора́ста – 150 (сто пятьдесят).

Помолвка – 1. Объявление кого-либо женихом и невестой. 2. Обряд, которым сопровождается такое объявление.

Рысак – породистая рысистая лошадь.

Скулить – 1. Жалобно повизгивать, выть (о собаке). Скулит голодный пес. 2. *перен.* Плакаться, ныть, докучать жалобами (*разг. фам.*).

Тварь – I. Любое живое существо. II. 1. *разг.-сниж.* Подлый, мерзкий, отвратительный, презираемый человек. 2. Употребляется как порицающее или бранное слово.

Уезд – совокупность населенных пунктов (городов, поселков, сёл), тяготевших к более крупному городу, считавшемуся центром той или иной местности.

Уездный город – город, входящий в состав уезда (провинциальный город).

Факел – (нем. *Fackel* < лат. *facula* горящая лучина) 1. Палка с намотанной на конце просмоленной паклей, которую поджигают (обычно для освещения чего-нибудь.)

Задание 2. Подберите синонимы к следующим словам и выражениям.

Любовь пылающая, всезнающая Аксинья, отнять ногу, вскрывать чудовищных размеров гнойники, что-то творилось, невероятный размер, коллега, помолвка, свежезаутюженная складка.

Задание 3. Перепишите данные слова. Определите лексическую тему, которая их объединяет.

Вьюга, засуха, ураган, уровень, океан, воздух, выбросы, население, топливо, глобальный, снег, ветер.

Задание 4. Подберите к существительным однокоренные глаголы.

Потепление, похолодание, распространение, повышение, вымирание, содержание, наблюдение, заявление, сомнение, сжигание, таяние, влияние, рост, связь, гибель, оценка, угроза.

Задание 5. Прочитайте рассказ «Вьюга» и подумайте, в чём смысл названия и эпиграфа?

*То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя.*

Вся эта история началась с того, что, по словам всезнающей Аксины, **конторщик** Пальчиков, проживающий в Шалометьево, влюбился в дочь **агронома**. Любовь была пламенная, иссушающая беднягино сердце. Он съездил в **уездный** город Грачевку и заказал себе костюм. Вышел этот костюм ослепительным, и очень возможно, что серые полосы на конторских штанах решили судьбу несчастного человека. Дочка агронома согласилась стать его женой.

Я же – врач Н-ской больницы, участка, такой-то губернии, после того как отнял ногу у девушки, попавшей в мялку для льна, прославился настолько, что **под тяжестью своей славы** чуть не погиб. Ко мне на прием по накатанному санному пути стали ездить сто человек крестьян в день. Я перестал обедать. **Арифметика** – жестокая наука. Предположим, что на каждого из ста моих пациентов я тратил только по пять минут... пять! Пятьсот минут – восемь часов двадцать минут. Подряд, заметьте. И, кроме того, у меня было стационарное отделение на тридцать человек. И, кроме того, я ведь делал операции.

<...>

Во вторник приехало не сто, а сто одиннадцать человек. Прием я кончил в девять часов вечера. Заснул я, стараясь угадать, сколько будет завтра – в среду? Мне приснилось, что приехало девятьсот человек.

Утро заглянуло в окошко спальни как-то особенно бело. Я открыл глаза, не понимая, что меня разбудило. Потом сообразил – стук.

– Доктор, – узнал голос акушерки Пелагеи Ивановны, – вы проснулись?

– Угу, – ответил я диким голосом спросонья.

– Я пришла вам сказать, чтоб вы не спешили в больницу. Два человека всего приехали.

– Вы – что. Шутите?

– Честное слово. Вьюга, доктор, вьюга, – повторила она радостно в замочную скважину. – А у этих зубы кариозные. Демьян Лукич вырвет.

– Да ну... – я даже с постели соскочил неизвестно почему.

Замечательный выдался денек. Побывав на обходе, я целый день ходил по своим апартаментам (квартира врачу была отведена в шесть комнат, и почему-то двухэтажная – три комнаты вверху, а кухня и три комнаты внизу), свистел из опер, курил, барабанил в окна... А за окнами творилось что-то, мною еще никогда не виданное. Неба не было, земли тоже. Вертело и крутило белым и косо и криво, вдоль и поперек, словно черт зубным порошком баловался.

В полдень отдан был мною Аксинье – исполняющей обязанности кухарки и уборщицы при докторской квартире приказ: в трех ведрах и в котле вскипятить воды. Я месяц не мылся.

Мною с Аксиньей было из кладовки извлечено невероятных размеров **корыто**. Его установили на полу в

кухне (о ванне, конечно, и разговора в Н-ске быть не могло. Были ванны только в самой больнице – и те испорченные).

Около двух часов дня вертящаяся сетка за окном значительно поредела, а я сидел в корыте голый и с намыленной головой.

– Эт-то я понимаю... – сладостно бормотал я, выплескивая себе на спину жгучую воду, – эт-то я понимаю. А потом мы, знаете ли, пообедаем, а потом заснем. А если я выплуюсь, то пусть завтра хоть **полтора**ста человек приезжает. Какие новости, Аксинья?

Аксинья сидела за дверью в ожидании, пока кончится банная операция.

– Конторщик в Шалометьевом имении женится, – отвечала Аксинья.

– Да ну! Согласилась?

– Ей-богу! Влюбле-ен... – пела Аксинья, погромыхивая посудой.

– Невеста-то красивая?

– Первая красавица! Блондинка, тоненькая...

– Скажи пожалуйста!..

И в это время грохнуло в дверь. Я хмуро облил себя водой и стал прислушиваться.

– Доктор-то купается... – выпевала Аксинья.

– Бур... бур, – бурчал бас.

– Записка вам, доктор, – пискнула Аксинья, – протяни в дверь.

Я вылез из корыта, пожимаясь и негодуя на судьбу, и взял из рук Аксиньи сыроватый конвертик.

– Ну, дудки. Я не поеду из корыта. Я ведь тоже человек, – не очень уверенно сказал я себе и в корыте распечатал записку.

«Уважаемый коллега (большой восклицательный знак). Умол (зачеркнуто) прошу убедительно приехать

срочно. У женщины после удара головой кровотечение из полост (зачеркнуто) из носа и рта. Без сознания. Справиться не могу. Убедительно прошу. Лошади отличные. Пульс плох. Камфара есть. Доктор (подпись неразборчива)».

«Мне в жизни не везет», – тоскливо подумал я, глядя на жаркие дрова в печке.

– Мужчина записку привез?

– Мужчина.

– Сюда пусть войдет.

Он вошел и показался мне древним римлянином вследствие блистательной каски, надетой поверх ушастой шапочки. Волчья шуба облекала его, и струйка холода ударила в меня.

– Почему вы в каске? – спросил я, прикрывая свое недомытое тело простыней.

– Пожарный я из Шалометьева. Там у нас пожарная команда... – ответил римлянин.

– Это какой доктор пишет?

– В гости к нашему агроному приехал. Молодой врач. Несчастье у нас, вот уж несчастье...

– Какая женщина?

– Невеста конторщикова.

Аксинья за дверью охнула.

– Что случилось? (Слышно было, как тело Аксиньи прилипло к двери.)

– Вчера **помолвка** была, а после помолвки-то конторщик покатать ее захотел в саночках. Рысачка запряг, усадил ее, да в ворота. А рысачок-то с места как взял, невесту-то мотнуло да лбом об косяк. Так она и вылетела. Такое несчастье, что выразить невозможно... За конторщиком ходят, чтоб не удавился. Обезумел.

– Купаюсь я, – жалобно сказал я, – ее сюда-то чего

же не привезли? – И при этом я облил водой голову, и мыло ушло в корыто.

– Немыслимо, уважаемый гражданин доктор, – прочувственно сказал пожарный и руки молитвенно сложил, – никакой возможности. Помрет девушка.

– Как же мы поедем-то? Вьюга!

– Утихло. Что вы-с. Совершенно утихло. Лошади резвые, гуськом. В час долетим...

Я кротко простонал и вылез из корыта. Два ведра вылил на себя с остервенением. Потом, сидя на корточках перед пастью печки, голову засовывал в нее, чтобы хоть немного просушить.

«Воспаление легких у меня, конечно, получится. Крупозное, после такой поездки. И, главное, что я с нею буду делать? Этот врач, уже по записке видно, еще менее, чем я, опытен. Я ничего не знаю, только практически за полгода нахватался, а он и того менее. Видно, только что из университета. А меня принимает за опытного».

Размышляя таким образом, я и не заметил, как оделся. Одевание было непростое: брюки и блуза, валенки, сверх блузы кожаная куртка, потом пальто, а сверху баранья шуба, шапка, сумка, в ней кофеин, камфара, морфий, адреналин, торзионные пинцеты, стерильный материал, шприц, зонд, **браунинг**, папиросы, спички, часы, стетоскоп. <...>

Полусонный и мокрый, как в компрессе, под кожаной курткой, я вошел в сени. Сбоку ударил свет лампы, полоса легла на крашенный пол. И тут выбежал светловолосый юный человек с затравленными глазами и в брюках со свежезаутюженной складкой. Белый галстук с черными горошинами сбился у него на сторону, **манишка** выскочила горбом, но пиджак был с иголки, новый, как бы с металлическими складками.

Человек взмахнул руками, вцепился в мою шубу, потряс меня, прильнул и стал тихонько выкрикивать:

– Голубчик мой... доктор... скорее... умирает она. Я убийца. – Он глянул куда-то вбок, сурово и черно раскрыл глаза, кому-то сказал: – Убийца я, вот что.

Потом зарыдал, ухватился за жиденькие волосы, рванул, и я увидел, что он по-настоящему рвет пряди, наматывая на пальцы.

– Перестаньте, – сказал я ему и стиснул руку.

Кто-то повлек его. Выбежали какие-то женщины.

Шубу кто-то с меня снял, повели по праздничным половичкам и привели к белой кровати. Навстречу мне поднялся со стула молоденький врач. Глаза его были замучены и растеряны. На миг в них мелькнуло удивление, что я так же молод, как и он сам. Вообще мы были похожи на два портрета одного и того же лица, да и одного года. Но потом он обрадовался мне до того, что даже захлебнулся.

– Как я рад... коллега... вот... видите ли, пульс падает. Я, собственно, венеролог. Страшно рад, что вы приехали...

На клоке марли на столе лежал шприц и несколько ампул с желтым маслом. Плач конторщика донесся из-за двери, дверь прикрыли, фигура женщины в белом выросла у меня за плечами. В спальне был полумрак, лампу сбоку занавесили зеленым клоком. В зеленоватой тени лежало на подушке лицо бумажного цвета. Светлые волосы прядями обвисли и разметались. Нос заострился, и ноздри были забиты розовой от крови ватой.

– Пульс... – шепнул мне врач.

Я взял безжизненную руку, привычным уже жестом положил пальцы и вздрогнул. Под пальцами задрожало мелко, часто, потом стало срываться, тянуться в нитку. У меня похолодело привычно под ложечкой, как всегда, когда я в упор видел смерть. Я ее ненавижу. Я успел обломать

конец ампулы и насосать в свой шприц жирное масло. Но вколол его уже машинально, протолкнул под кожу девичьей руки напрасно.

Нижняя челюсть девушки задергалась, она словно давилась, потом обвисла, тело напряглось под одеялом, как бы замерло, потом ослабело. И последняя нитка пропала у меня под пальцами.

– Умерла, – сказал я на ухо врачу.

Белая фигура с седыми волосами повалилась на ровное одеяло, припала и затряслась.

– Тише, тише, – сказал я на ухо этой женщине в белом, а врач страдальчески покосился на дверь.

– Он меня замучил, – очень тихо сказал врач.

Мы с ним сделали так: плачущую мать оставили в спальне, никому ничего не сказали, увели конторщика в дальнюю комнату.

Там я ему сказал:

– Если вы не дадите себе впрыснуть лекарство, мы ничего не можем делать. Вы нас мучаете, работать мешаете!

Тогда он согласился; тихо плача, снял пиджак, мы откатали рукав его праздничной жениховской сорочки и впрыснули ему морфий. Врач ушел к умершей, якобы ей помогать, а я задержался возле конторщика. Морфий помог быстрее, чем я ожидал. Конторщик через четверть часа, все тише и бессвязнее жалуясь и плача, стал дремать, потом заплаканное лицо уложил на руки и заснул. Возни, плача, шуршания и заглушенных воплей он не слышал.

– Послушайте, коллега, ехать опасно. Вы можете заблудиться, – говорил мне врач шепотом в передней. – Оставайтесь, переночуйте...

– Нет, не могу. **Во что бы то ни стало** уеду. Мне обещали, что меня сейчас же обратно доставят.

– Да они-то доставят, только смотрите...

– У меня трое тифозных таких, что бросить нельзя. Я их ночью должен видеть.

– Ну, смотрите...

Он разбавил спирт водой, дал мне выпить, и я тут же в передней схел

кусок ветчины. В животе потеплело, и тоска на сердце немного съезжилась. Я в последний раз пришел в спальню, поглядел на мертвую, зашел к конторщику, оставил ампулу морфия врачу и, закутанный, ушел на крыльцо.

Там свистело, лошади понурились, их секло снегом.

Факел метался.

– Дорогу-то вы знаете? – спросил я, кутая рот.

– Дорогу-то знаем, – очень печально ответил **возница** (шлема на нем уже не было), – а остаться бы вам переночевать...

Даже по ушам его шапки было видно, что он до смерти не хочет ехать.

– Надо остаться, – прибавил и второй, держащий разъяренный факел, – в поле нехорошо-с.

– Двенадцать верст... – угрюмо забурчал я, – доедем. У меня тяжело больные – и полез в санки.

Каюсь, я не добавил, что одна мысль остаться во флигеле, где беда, где я бессилен и бесполезен, казалась мне невыносимой.

Возница безнадежно плюхнулся на **облучок**, выровнялся, качнулся, и мы проскочили в ворота. Факел исчез, как провалился, или же потух. Однако через минуту меня заинтересовало другое. С трудом обернувшись, я увидел, что не только факела нет, но Шалометьево пропало со всеми строениями, как во сне. Меня это неприятно кольнуло.

– Однако это здорово... – не то подумал, не то забормотал я. Нос на минуту высунул и опять спрятал, до того нехорошо было. Весь мир свился в клубок, и его трепало во все стороны.

Проскочила мысль – а не вернуться ли? Но я ее отогнал, завалился поглубже в сено на дно саней, как в лодку, съежился, глаза закрыл. Тотчас выплыл зеленый лоскут на лампе и белое лицо. Голову вдруг осветило: «Это перелом оснований черепа... да, да, да... Ага-га... именно так!» – загорелась уверенность, что это правильный диагноз. Осенило. Ну, а к чему? Теперь не к чему, да и раньше не к чему было. Что с ним сделаешь! Как ужасная судьба! Как нелепо и страшно жить на свете! Что теперь будет в доме агронома? Даже подумать тошно и тоскливо! Потом себя стало жаль: жизнь моя какая трудная. Люди сейчас спят, печки натопили, а я опять и вымыться не мог. Несет меня вьюга, как листок. Ну вот, я домой приеду, а меня, чего доброго, опять повезут куда-нибудь. Вот воспаление легких схвачу и сам помру здесь... Так, разжалобив самого себя, я и провалился в тьму, но сколько времени в ней пробыл, не знаю. Ни в какие бани я не попал, а стало мне холодно. И все холоднее и холоднее.

Когда я открыл глаза, увидел черную спину, а потом уже сообразил, что мы не едем, а стоим.

– Приехали? – спросил я, мутно тараща глаза.

Черный возница тоскливо шевельнулся, вдруг слез, мне показалось, что его вертит во все стороны... и заговорил без всякой почтительности:

– Приехали... Людей-то нужно было послушать... Ведь что же это такое! И себя погубим и лошадей...

– Неужели дорогу потеряли? – У меня похолодела спина.

– Какая тут дорога, – отозвался возница

расстроенным голосом, – нам теперь весь белый свет дорога. Пропали ни за грош... Четыре часа едем, а куда... Ведь это что делается...

Четыре часа. Я стал **копошиться**, нащупал часы, вынул спички. Зачем? Это было ни к чему, ни одна спичка не дала вспышки. Чиркнешь, сверкнет, – и мгновенно огонь слизнет.

– Говорю, часа четыре, – похоронно молвил возница, – что теперь делать?

– Где же мы теперь?

Вопрос был настолько глуп, что возница не считал нужным на него отвечать. Он поворачивался в разные стороны, но мне временами казалось, что он стоит неподвижно, а меня в санях вертит. Я выкарабкался и сразу узнал, что снегу мне до колена у полоза. Задняя лошадь завязла по брюхо в сугробе.

Грива ее свисала, как у простоволосой женщины.

– Сами стали?

– Сами. Замучились животные...

Я вдруг вспомнил кое-какие рассказы и почему-то почувствовал злобу на Льва Толстого.

«Ему хорошо было в Ясной Поляне, – думал я, – его небось не возили к умирающим...»

Пожарного и меня стало жаль. Потом я опять пережил вспышку дикого страха. Но задавил его в груди.

– Это – малодушие... – пробормотал я сквозь зубы.

И бурная энергия возникла во мне.

– Вот что, дядя, – заговорил я, чувствуя, что у меня стынют зубы, – унынию тут предаваться нельзя, а то мы действительно пропадем к чертям. Они немножко постояли, отдохнули, надо дальше двигаться. Вы идите, берите переднюю лошадь под уздцы, а я буду править. Надо вылезать, а то нас заметет.

Уши шапки выглядели отчаянно, но все же возница полез вперед. Ковыляя и проваливаясь, он добрался до первой лошади. Наш выезд показался мне бесконечно длинным. Фигуру возницы размыло в глазах, в глаза мне мело сухим вьюжным снегом.

– Но-о, – застонал возница.

– Но! Но! – закричал я, захлопал вожжами.

Лошади тронулись помаленьку, пошли месить. Сани качало, как на волне. Возница то вырастал, то уменьшался, выбирался вперед.

Четверть часа приблизительно мы двигались так, пока наконец я не почувствовал, что сани заскрипели как будто ровней. Радость хлынула в меня, когда я увидел, как замелькали задние копыта лошади.

– Мелко, дорога! – закричал я.

– Го... го... – отозвался возница. Он приковывал ко мне и сразу вырос.

– Кажись, дорога, – радостно, даже с трелью в голосе отозвался пожарный. – Лишь бы опять не сбиться... Авось...

Мы поменялись местами. Лошади пошли бодрее. Вьюга точно сжималась, стала ослабевать, как мне показалось. Но вверху и по сторонам ничего не было, кроме мути. Я уж не надеялся приехать именно в больницу. Мне хотелось приехать куда-нибудь. Ведь ведет же дорога к жилью. <...>

***

Пожарный стоял посредине лестницы, ведущей из нижнего отдела замечательной врачебной квартиры, я – наверху этой лестницы, Аксинья в тулупе – внизу.

– Озолотите меня, – заговорил возница, – чтоб я в другой раз... – Он не договорил, залпом выпил разведенный спирт и крикнул страшно, обернулся к

Аксинье и прибавил, растопырив руки, сколько позволяло его устройство.

– Померла? Не отстояли? – спросила Аксинья у меня.

– Померла, – ответил я равнодушно.

Через четверть часа стихло. Внизу потух свет. Я остался наверху один.

Почему-то судорожно усмехнулся, расстегнул пуговицы на блузе, потом их застегнул, пошел к книжной полке, вынул том хирургии, хотел посмотреть что-то о переломах основания черепа, бросил книгу.

Когда разделся и влез под одеяло, дрожь поколотила меня с полминуты, затем отпустила, и тепло пошло по всему телу.

– Озолотите меня, – задремывая, пробурчал я, – но больше я не по...

– Поедешь... ан, поедешь... – насмешливо засвистала выюга.

Она с громом проехала по крыше. Потом пропела в трубе, вылетела из нее, прошуршала за окном, пропала.

– Поедете... по-е-де-те... – стучали часы, но глуше, глуше.

И ничего. Тишина. Сон.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы по содержанию текста:

- 1) Какова была врачебная практика главного героя?
- 2) Как он проводил своё свободное время?
- 3) Куда отправился главный герой?
- 4) Что там произошло?

- 5) Смог ли врач помочь умирающей девушке? Почему?
- 6) Испытывал ли какие-либо чувства молодой доктор после смерти девушки?
- 7) Почему он решил ехать обратно к себе в больницу?
- 8) Как проходил путь героя во время вьюги?
- 9) Что произошло в дороге?
- 10) Какие эмоции возникли у героя после случившегося?

Задание 2. Объясните смысл высказывания главного героя:

«Каюсь, я не добавил, что одна мысль остаться во флигеле, где беда, где я бессилен и бесполезен, казалась мне невыносимой».

Задание 3. Соответствует ли название рассказа основному содержанию? Аргументируйте свой ответ. Какое название вы могли бы предложить?

Задание 4. Сложнее ли задачи, которые решают современные врачи, по сравнению с задачами, которые решал главный герой?

Задание 5. Как бы вы поступили на месте главного героя: остались бы в доме, где ваши медицинские знания бессильны, или же уехали, подвергая свою жизнь опасности? Напишите эссе.

Рассказ «СТАЛЬНОЕ ГОРЛО»
(из цикла рассказов «Записки юного врача»)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Абажур – (фр. *abat-jour* < *battre* сбивать вниз + *jour* дневной свет) колпак из металла, стекла, пластмассы, бумаги или ткани, надеваемый на лампу для отражения света и для защиты глаз от прямого света.

Амфитеатр – предназначенное для публичных зрелищ сооружение с ареной, вокруг которой возвышающимися уступами располагались места для зрителей.

Батюшка – ласково-фамильярное обращение к собеседнику.

Верста – русская мера длины, употреблявшаяся до введения метрических мер, равная 500 саж (сажень – 2,134 м).

Вить – издавать вой, протяжный крик некоторых животных.

Вьюга – снежная буря.

Гнездиться – располагаться, находиться.

Горло забито пленками – горло заполнено, закрыто пленками.

Грыжа – опухоль от прорвавшейся и выдавшейся под кожей внутренней части тела; кила.

Делать что-либо наобум – делать что-либо не думая, не подготовившись.

Дифтерийный круп – дифтерийное воспаление слизистой оболочки гортани (иногда и дыхательного горла и далее), преимущественно у детей, препятствующее дыханию и могущее привести к удушью.

Дрянные (сгустки) – плохие.

Заведовать – управлять, распоряжаться.

Зонд – медицинский инструмент в виде стержня, трубки или желоба, вводимый в трубчатые и полые органы, свищи и пр. для исследования, расширения, извлечения содержимого, введения лекарств и других жидкостей.

Исподлобья – из-под насупленных бровей, недоверчиво, недружелюбно (о взгляде).

Камфара – прозрачное с сильным специфическим запахом вещество, добываемое из японского лавра и применяемое в медицине и технике.

Косяк – брус дверной или оконной рамы.

Кровь хлынула – кровь начала литься сильно, потоком.

Лампа – «молния» – прибор для освещения, в которых при обыкновенных температурах сгорают жидкие вещества: деревянное, сурепное и минеральные масла.

Малодушие – слабость воли, отсутствие стойкости, твёрдости духа.

Морить – губить, лишать жизни.

На меня свалилось трудное дело – неожиданно пришлось выполнять трудное дело.

Отливать – иметь какой-нибудь отлив, оттенок цвета.

Пелена – *перен.* Что-нибудь плотно заволакивающее, закрывающее со всех сторон (книжн.).

Подол – нижний край, пола платья.

Пожалуйте – вежливая форма приглашения.

Полозья – одна из двух нижних частей саней в виде загнутых спереди и скользящих по снегу полос, на которых закреплены сани.

Помирает – умирает.

Реветь – громко плакать.

Сиять глазами – глаза блестят от счастья, радости.

Скрип – резкий звук, возникающий при трении друг

о друга предметов или их частей.

Трахеотомия – хирургическая операция при закупорке верхних дыхательных путей, состоящая в разрезе трахеи, в которую затем вводят особого рода трубку, чтобы дать больному возможность дышать.

Устыдиться – почувствовать стыд за свое поведение, поступок.

Фонарь – осветительный прибор в виде стеклянного шара, коробки, трубки, в которых помещается источник света.

Ярость – сильный гнев, бешенство.

Задание 2. Определите значение однокоренных слов. Поставьте к ним вопросы и перепишите. Проанализируйте состав слов, укажите суффиксы прилагательных. Составьте с прилагательными словосочетания.

Ноябрь – ноябрьский, война – военный, стекло – стеклянный, этаж – многоэтажный, человек – человеческий, дело – деловой, улица – уличный, гранит – гранитный, люди – людный, уезд – уездный, возможность – возможный, позвоночник – позвоночный, горло – горловой, способ – способный.

Задание 3. Определите значение глаголов. Скажите, есть ли среди них глаголы, которые без частицы -ся не употребляются. Составьте и запишите предложения с данными глаголами.

Вспоминаться (*кому?*), вернуться (*куда?*), почувствовать (*кому?*), останавливаться (*где?*), казаться (*кем? каким?*), возвышаться (*где?*), вглядываться (*во что?*), удивляться (*чему?*), касаться (*чего?*), начинаться (*когда?*).

Задание 4. Прочитайте рассказ. Как бы вы поступили на месте главного героя?

Итак, я остался один. Вокруг меня – ноябрьская тьма с вертящимся снегом, дом завалило, в трубах завывало. Все двадцать четыре года моей жизни я прожил в громадном городе и думал, что вьюга воет только в романах. Оказалось: она воет на самом деле. Вечера здесь необыкновенно длинные, лампа под синим **абажуром** отражалась в черном окне, и я мечтал, глядя на пятно, светящееся на левой руке от меня.

Мечтал об уездном городе – он находился в сорока **верстах** от меня. Мне очень хотелось убежать с моего пункта туда.

Там было электричество, четыре врача, с ними можно было посоветоваться, во всяком случае не так страшно. Но убежать не было никакой возможности, да временами я и сам понимал, что это **малодушие**. Ведь именно для этого я учился на медицинском факультете...

«...Ну, а если привезут женщину и у нее неправильные роды? или, предположим, больного, а у него ущемленная **грыжа**? Что я буду делать? Посоветуйте, будьте добры. Сорок восемь дней тому назад я кончил факультет с отличием, но отличие само по себе, а грыжа сама по себе. Один раз я видел, как профессор делал операцию ущемленной грыжи. Он делал, а я сидел в **амфитреатре**. И только». Холодный пот неоднократно стекал у меня вдоль позвоночного столба при мысли о грыже. Каждый вечер я сидел в одной и той же позе, напившись чаю: под левой рукой у меня лежали все руководства по оперативному акушерству, сверху маленький Додерляйн. А справа десять различных томов по оперативной хирургии, с рисунками. Я кряхтел, курил,

пил черный холодный чай...

И вот я заснул: отлично помню эту ночь – 29 ноября, я проснулся от грохота в двери. Минут пять спустя, я, надевая брюки, не сводил молящих глаз с божественных книг оперативной хирургии. Я слышал **скрип полозьев** во дворе: уши мои стали необычайно чуткими. Вышло, пожалуй, еще страшнее, чем грыжа, чем поперечное положение младенца: привезли ко мне в Никольский пункт-больницу в одиннадцать часов ночи девочку. Сиделка глухо сказала:

– Слабая девочка, умирает... Пожалуйте, доктор, в больницу.

Помню, я пересек двор, шел на керосиновый **фонарь** у подъезда больницы, как зачарованный смотрел, как он мигает. Приемная уже была освещена, и весь состав моих помощников ждал меня уже одетый и в халатах. Это были: фельдшер Демьян Лукич, молодой еще, но очень способный человек, и две опытных акушерки – Анна Николаевна и Пелагея Ивановна. Я же был всего лишь двадцатичетырехлетним врачом, два месяца назад выпущенным и назначенным **заведовать** Никольской больницей.

Фельдшер распахнул торжественно дверь, и появилась мать. Она как бы влетела, скользя в валенках, и снег еще не стаял у нее на платке. В руках у нее был сверток, и он мерно шипел, свистел. Лицо у матери было искажено, она беззвучно плакала. Когда она сбросила свой тулуп и платок и распутала сверток, я увидел девочку лет трех. Я посмотрел на нее и забыл на время оперативную хирургию, одиночество, мой негодный университетский груз, забыл все решительно из-за красоты девочки. С чем бы ее сравнить? Только на конфетных коробках рисуют таких детей – волосы сами от природы вьются в крупные

кольца почти спелой ржи. Глаза синие, громаднейшие, щеки кукольные. Ангелов так рисовали. Но только странная муть гнездилась на дне ее глаз, и я понял, что это страх, – ей нечем было дышать. «Она умрет через час», – подумал я совершенно уверенно, и сердце мое болезненно жалось...

Ямки втягивались в горле у девочки при каждом дыхании, жилы надувались, а лицо отливало из розоватого в легонький лиловый цвет. Эту расцветку я сразу понял и оценил. Я тут же сообразил, в чем дело, и первый раз диагноз поставил совершенно правильно, и главное, одновременно с акушерками – они-то были опытные: «У девочки **дифтерийный круп**, горло уже забито пленками и скоро закроется наглухо...»

– Сколько дней девочка больна? – спросил я среди насторожившегося молчания моего персонала.

– Пятый день, пятый, – сказала мать и сухими глазами глубоко посмотрела на меня.

– Дифтерийный круп, – сквозь зубы сказал я фельдшеру, а матери сказал:

– Ты о чем же думала? О чем думала?

И в это время раздался сзади меня плаксивый голос:

– Пятый, батюшка, пятый!

Я обернулся и увидел бесшумную, круглолицую бабку в платке. «Хорошо было бы, если б бабок этих вообще на свете не было», – подумал я в тоскливом предчувствии опасности и сказал:

– Ты, бабка, замолчи, мешаешь, – Матери же повторил: – О чем ты думала?

Пять дней? А?

Мать вдруг автоматическим движением передала девочку бабке и стала передо мной на колени.

– Дай ей капель, – сказала она и стукнулась лбом в

пол, – удавлюсь я, если она помрет.

– Встань сию же минуточку, – ответил я, – а то я с тобой и разговаривать не стану.

Мать быстро встала, прошелестев широкой юбкой, приняла девчонку у бабки и стала качать. Бабка начала молиться на **косяк**, а девочка все дышала со змеиным свистом. Фельдшер сказал:

– Так они все делают. Народ, – усы у него при этом скривились набок.

– Что ж, значит, помрет она? – глядя на меня, как мне показалось, с черной **яростью**, спросила мать.

– Помрет, – негромко и твердо сказал я.

Бабка тотчас завернула **подол** и стала им вытирать глаза. Мать же крикнула мне нехорошим голосом:

– Дай ей, помоги! Капель дай!

Я ясно видел, что меня ждет, и был тверд.

– Каких же я ей капель дам? Посоветуй. Девочка задыхается, горло ей уже забило. Ты пять дней **морила** девчонку в пятнадцати верстах от меня. А теперь что прикажешь делать?

– Тебе лучше знать, батюшка, – заняла у меня на левом плече бабка искусственным голосом, и я ее сразу возненавидел.

– Замолчи! – сказал ей. И, обратившись к фельдшеру, приказал взять девочку. Мать подала акушерке девочку, которая стала биться и хотела, видимо, кричать, но у нее не выход уже голос. Мать хотела ее защитить, но мы ее отстранили, и мне удалось заглянуть при свете **лампы** – «**молнии**» девочке в горло. Я никогда до тех пор не видел дифтерита, кроме легких и быстро забывшихся случаев. В горле было что-то клокочущее, белое, рваное. Девочка вдруг выдохнула и плюнула мне в лицо, но я почему-то не испугался за глаза, занятый своей мыслью.

– Вот что, – сказал я, удивляясь собственному спокойствию, – дело такое. Поздно. Девочка умирает. И ничто ей не поможет, кроме одного – операции. И сам ужаснулся, зачем сказал, но не сказать не мог. «А если они согласятся?» – мелькнула у меня мысль.

– Как это? – спросила мать.

– Нужно будет горло разрезать пониже и серебряную трубку вставить, дать девочке возможность дышать, тогда, может быть, спасем ее, – объяснил я.

Мать посмотрела на меня, как на безумного, и девочку от меня заслонила руками, а бабка снова забубнила:

– Что ты! Не давай резать! Что ты? Горло-то?!

– Уйди, бабка! – с ненавистью сказал я ей. –

Камфару впрысните, – сказал я фельдшеру.

Мать не давала девочку, когда увидела шприц, но мы ей объяснили, что это не страшно.

– Может, это ей поможет? – спросила мать.

– Нисколько не поможет.

Тогда мать зарыдала.

– Перестань, – промолвил я. Вынул часы и добавил: – Пять минут даю думать. Если не согласитесь, после пяти минут сам уже не возьмусь делать.

– Не согласна! – резко сказала мать.

– Нет нашего согласия! – добавила бабка.

– Ну, как хотите, – глухо добавил я и подумал: «Ну, вот и все! Мне легче. Я сказал, предложил, вон у акушерок изумленные глаза. Они отказались, и я спасен». И только что подумал, как другой кто-то за меня чужим голосом вымолвил:

– Что вы, с ума сошли? Как это так не согласны? Губите девочку. Соглашайтесь. Как вам не жаль?

– Нет! – снова крикнула мать.

Внутри себя я думал так: «Что я делаю? Ведь я же зарежу девочку». А говорил иное:

– Ну, скорей, скорей соглашайтесь! Соглашайтесь! Ведь у нее уже ногти синеют.

– Нет! Нет!

– Ну, что же, уведите их в палату, пусть там сидят.

Их увели через полутемный коридор. Я слышал плач женщин и свист девочки. Фельдшер тотчас же вернулся и сказал:

– Соглашаются!

Внутри у меня все окаменело, но выговорил я ясно: – Стерилизуйте немедленно нож, ножницы, крючки, **зонд!**

Через минуту я перебежал двор, где, как бес, летала и шаркала метель, прибежал к себе и, считал минуты, ухватился за книгу, перелистал ее, нашел рисунок, изображающий **трахеотомию**. На нем все было ясно и просто: горло раскрыто, нож вонзен в дыхательное горло. Я стал читать текст, но ничего не понимал, слова как-то прыгали в глазах. Я никогда не видел, как делают трахеотомию. «Э, теперь уж поздно», – подумал я, взглянул с тоской на синий цвет, на яркий рисунок, почувствовал, что свалилось на меня трудное, страшное дело, и вернулся, не заметив вьюги, в больницу.

В приемной тень с круглыми юбками прилипла ко мне, и голос занял:

– Батюшка, как же так, горло девчонке резать? Да разве же это мыслимо? Она, глупая баба, согласилась. А моего согласия нету, нету. Каплями согласна лечить, а горло резать не дам.

– Бабку эту вон! – закричал я и в запальчивости добавил: – Ты сама глупая баба! Сама! А та именно умная! И вообще никто тебя не спрашивает! Вон ее!

Акушерка цепко обняла бабку и вытолкнула ее из

палаты.

– Готово! – вдруг сказал фельдшер.

Мы вошли в малую операционную, и я, как сквозь завесу, увидел блестящие инструменты, ослепительную лампу, клеенку... В последний раз я вышел к матери, из рук которой девочку еле вырвали. Я услышал лишь хриплый голос, который говорил: «Мужа нет. Он в городе. Приедет, узнает, что я наделала, – убьет меня!»

– Убьет, – повторила бабка, глядя на меня в ужасе.

– В операционную их не пускать! – приказал я.

Мы остались одни в операционной. Персонал, я и Лидка – девочка. Она, голенькая, сидела на столе и беззвучно плакала. Ее повалили на стол, прижали, горло ее вымыли, смазали йодом, и я взял нож, при этом подумал: «Что я делаю?» Было очень тихо в операционной. Я взял нож и провел вертикальную черту по пухлому белому горлу. Не выступило ни одной капли крови. Я второй раз провел ножом по белой полоске, которая выступила меж раздавленной кожей. Опять ни кровинки. Медленно, стараясь вспомнить какие-то рисунки в атласах, я стал при помощи тупого зонда разделять тоненькие ткани. И тогда внизу раны откуда-то хлынула темная кровь и мгновенно залила всю рану и потекла по шее. Фельдшер тампонами стал вытирать ее, но она не унималась. Вспоминая все, что я видел в университете, я пинцетами стал зажимать края раны, но ничего не выходило. Мне стало холодно, и лоб мой намок. Я остро пожалел, зачем пошел на медицинский факультет, зачем попал в эту глушь. В злобном отчаянии я сунул пинцет наобум, куда-то близ раны, защелкнул его, и кровь тотчас же перестала течь. Рану мы отсосали комками марли, она предстала передо мной чистой и абсолютно непонятной. Никакого дыхательного горла нигде не было. Ни на какой рисунок не походила моя рана. Еще прошло

минуты две-три, во время которых я совершенно механически и бестолково ковырял в ране то ножом, то зондом, ища дыхательное горло. И к концу второй минуты я отчаялся его найти. «Конец, – подумал я, – зачем я это сделал? Ведь мог же я не предлагать операцию, и Лидка спокойно умерла бы у меня в палате, а теперь умрет с разорванным горлом, и никогда, ничем я не докажу, что она все равно умерла бы, что я не мог повредить ей...» Акушерка молча вытерла мой лоб. «Положить нож, сказать: не знаю, что дальше делать», – так подумал я, и мне представились глаза матери. Я снова поднял нож и бессмысленно, глубоко и резко полоснул Лидку. Ткани разъехались, и неожиданно передо мной оказалось дыхательное горло.

– Крючки! – сипло бросил я.

Фельдшер подал их. Я вонзил один крючок с одной стороны, другой – с другой, и один из них передал фельдшеру. Теперь я видел только одно: сероватые колечки горла. Острый нож я вколол в горло – и обмер. Горло поднялось из раны, фельдшер, как мелькнуло у меня в голове, сошел с ума: он стал вдруг выдирать его вон. Ахнули за спиной у меня обе акушерки. Я поднял глаза и понял, в чем дело: фельдшер, оказывается, стал падать в обморок от духоты и, не выпуская крючка, рвал дыхательное горло. «Все против меня, судьба, – подумал я, – теперь уж, несомненно, зарезали мы девочку, – и мысленно строго добавил: – Только дойду домой – и застрелюсь...» Тут старшая акушерка, видимо, очень опытная, как-то хищно рванулась к фельдшеру и перехватила у него крючок, причем сказала, стиснув зубы:

– Продолжайте, доктор...

Фельдшер со стуком упал, ударился, но мы не глядели на него. Я вколол нож в горло, затем серебряную

трубку вложил в него. Она ловко вскользнула, но Лидка осталась недвижимой. Воздух не вошел к ней в горло, как это нужно было. Я глубоко вздохнул и остановился: больше делать мне было нечего. Мне хотелось у кого-то попросить прощения, покаяться в своем легкомыслии, в том, что я поступил на медицинский факультет. Стояло молчание. Я видел, как Лидка синела. Я хотел уже все бросить и заплакать, как вдруг Лидка дико содрогнулась, фонтаном выкинула **дрянные сгустки** сквозь трубку, и воздух со свистом вошел к ней в горло, потом девочка задышала и стала реветь. Фельдшер в это мгновение привстал, бледный и потный, тупо и в ужасе поглядел на горло и стал помогать мне его зашивать.

Сквозь сон и **пелену** пота, застилавшую мне глаза, я видел счастливые лица акушерок, и одна из них мне сказала:

– Ну и блестяще же вы сделали, доктор, операцию.

Я подумал, что она смеется надо мной, и мрачно, **исподлобья** глянул на нее. Потом распахнулись двери, повеяло свежестью. Лидку вынесли в простыне, и сразу же в дверях показалась мать. Глаза у нее были как у дикого зверя. Она когда я услышал звук ее голоса, пот потек у меня по спине, я только тогда сообразил, что было бы, если бы Лидка умерла на столе. Но голосом очень спокойным я ей ответил:

– Будь поспокойнее. Жива. Будет, надеюсь, жива. Только, пока трубку не вынем, ни слова не будет говорить, так не бойтесь.

И тут бабка выросла из-под земли и перекрестилась на дверную ручку, на меня, на потолок. Но я уж не рассердился на нее. Повернулся, приказал Лидке впрыснуть камфару и по очереди дежурить возле нее. Затем ушел к себе через двор. Помню, синий свет горел у

меня в кабинете, лежал Додерляйн, валялись книги. Я подошел к дивану одетый, лег на него и сейчас же перестал видеть что бы то ни было; заснул и даже снов не видел.

Прошел месяц, другой. Много я уже перевидал, и было уже кое-что страшнее Лидкиного горла. Я про него и забыл. Кругом был снег, прием увеличивался с каждым днем. И как-то, в новом уже году, вошла ко мне в приемную женщина и ввела за ручку закутанную, как тумбочка, девчонку. Женщина сияла глазами. Я всмотрелся – узнал.

– А, Лидка! Ну, что?

– Да хорошо все.

Лидке распугали горло. Она дичилась и боялась, но все же мне удалось поднять подбородок и заглянуть. На розовой шее был вертикальный коричневый шрам и два тоненьких поперечных от швов.

– Все в порядке, – сказал я, – можете больше не приезжать.

– Благодарю вас, доктор, спасибо, – сказала мать, а Лидке велела: – Скажи дяденьке спасибо!

Но Лидка не желала мне ничего говорить. Больше я никогда в жизни ее не видел. Я стал забывать ее. А прием мой все возрастал. Вот настал день, когда я принял сто десять человек. Мы начали в девять часов утра и кончили в восемь часов вечера. Я, пошатываясь, снимал халат. Старшая акушерка-фельдшерица сказала мне:

– За такой прием благодарите трахеотомию. Вы знаете, что в деревнях говорят? Будто вы больной Лидке вместо ее горла вставили стальное и зашили. Специально ездят в эту деревню глядеть на нее. Вот вам и слава, доктор, поздравляю.

– Так и живет со стальным? – осведомился я.

– Так и живет. Ну, а вы, доктор, молодец. И

хладнокровно как делаете, прелесть!

– М-да... Я, знаете ли, никогда не волнуюсь, – сказал я неизвестно зачем, но почувствовал, что от усталости даже **устыдиться** не могу, только глаза отвел в сторону. Попрошался и ушел к себе. Крупный снег шел, все застилало. Фонарь горел, и дом мой был одинок, спокоен и важен. И я, когда шел, хотел одного – спать.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы по содержанию текста.

- 1) Как вы думаете, почему мать просила для ребенка капель?
- 2) Был ли спокоен врач, когда разговаривал с матерью девочки, осматривал больную и оперировал ее? Аргументируйте свой ответ.
- 3) Какие мысли приходили на ум врачу во время операции? Как вы думаете, почему?
- 4) Как вы можете охарактеризовать поведение врача во время операции?
- 5) Какие признаки болезни девочки описаны в рассказе?
- 6) Сравните ход операции, описанной в рассказе, с трахеотомией, представленной в учебнике по хирургии?
- 7) Как вы относитесь к герою рассказа. Оправдываете ли вы его действия? Дайте характеристику молодого врача.

Задание 2. Выполните задания по трансформации текста.

- 1) В каждой смысловой части определите слова и

словосочетания-информаторы и напишите их начальную форму.

- 2) Составьте предложения с данными словами и словосочетаниями без опоры на текст и запишите их.
- 3) Поставьте вопросы к каждой смысловой части и озаглавьте её.
- 4) По вопросам и названиям частей составьте вопросный, назывной и тезисный планы.
- 5) Передайте содержание текста, опираясь на составленные планы, от лица фельдшера, упавшего в обморок во время операции.

Задание 3. Прокомментируйте диалог главного героя со старшей акушеркой-фельдшерницей.

«... – За такой прием благодарите трахеотомию. Вы знаете, что в деревнях говорят? Будто вы больной Лидке вместо ее горла вставили стальное и зашили. Специально ездят в эту деревню глядеть на нее. Вот вам и слава, доктор, поздравляю.

– Так и живет со стальным? – осведомился я.

– Так и живет. Ну, а вы, доктор, молодец. И хладнокровно как делаете, прелесть!

– М-да... Я, знаете ли, никогда не волнуюсь...»

Задание 4. Расскажите, что нужно, чтобы:

- 1) Стать хорошим специалистом?
- 2) Приносить пользу своей стране?
- 3) Спасти людей от смерти?
- 4) Иметь друзей?
- 5) Сохранить любовь?
- 6) Научиться свободно вести дискуссию?
- 7) Сделать удачную карьеру?

- 8) Добиться больших успехов в науке или творчестве?
- 9) Быть хорошим собеседником?
- 10) Хорошо знать свою специальность?
- 11) Иметь высокий уровень культуры?
- 12) Глубоко понимать современные социальные проблемы?
- 13) Активно участвовать в научных исследованиях?
- 14) Уметь применять свои знания на практике?
- 15) Постоянно совершенствовать свои профессиональные качества?

Задание 5. Сгруппируйте вопросы из предыдущего задания, которые относятся к одной теме, и напишите на эту тему сочинение-рассуждение.

Рассказ «ПРОПАВШИЙ ГЛАЗ» (из цикла рассказов «Записки юного врача»)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Батюшка – ласково – фамильярное обращение к собеседнику.

Видать виды – многое испытать в жизни.

Выметнуться – подняться, выброститься кверху.

Глянец – блеск начищенной или отполированной поверхности.

Говорить обиняками – говорить намеками, иносказательно.

Делать наобум (что-либо) – делать что-либо не думая, не подготовившись.

Каверзный – чреватый осложнениями, трудно разрешимый, запутанный.

Каверзный случай – сложный, запутанный случай.

Крыльцо – вход в дом в виде наружной пристройки с площадкой под навесом, со ступеньками.

Лихая работа – трудная работа.

Лозняк – мелкий ивовый кустарник (обычно растущий по берегам рек).

Ломать голову (над чем-либо) – усиленно думать, стараясь понять что-либо.

Люлька – детская колыбель; в деревнях люльки, подвешивались к потолку на веревках, и их можно было раскачивать.

Морфий – наркотическое и болеутоляющее вещество, добываемое из млечного сока мака.

Неврастения – (нем. *Neurasthenie* < греч. *neuron*

жила, нерв + *astheneia* слабость) расстройство нервной системы, выражающееся в повышенной утомляемости, раздражительности, головных болях и т. п.

Ноги подкосились – ноги ослабли от усталости или страха.

Предвкушать (что-либо) – заранее испытывать удовольствие, представляя себе то, что должно произойти.

Сахалин – остров на Востоке России между Охотским и Японскими морями, до революции Сахалин был местом ссылки, за годы Советской власти на Сахалине развита добыча полезных ископаемых, построены предприятия по переработке рыбы, леса; развито сельское хозяйство, звероводство.

Сердце екнуло – сердце сжалось, замерло от испуга, от волнения.

Сойти с рук – безнаказанное действие, поступок.

Стать лицом (к чему-либо) – реально оценивать трудность, сложность ситуации.

Щуриться – *о глазах*: прикрываться при сжимании век.

Задание 2. Назовите видовую пару (глагол несовершенного вида) к глаголам совершенного вида.

Вылечить, вместить, выдержать, обеспечить, перенести, подвергнуть, пропустить, расстроить, участиться, ухудшить, удалиться, усвоить.

Задание 3. Перечислите функциональные обязанности представителей медицинских профессий.

Врач, акушерка, фельдшер, медсестра, санитар (-ка).

Задание 4. Составьте 5-6 предложений, употребив переходные глаголы со значением физического

состояния заболевшего человека и существительные в винительном падеже.

Слова для справок: знобит, ломит, тошнит, болит, рвет, лихорадит, температурит.

Задание 5. Определите значение данных прилагательных, разберите их по составу и подберите антонимы, где это возможно.

Легкомысленный, седоволосый, заграничный, двухэтажный, редкий, мокрый, старый, легкий, внутренний, далекий, темный, аккумуляторный.

Задание 6. Прочитайте текст рассказа. Как вы оцениваете эмоциональное состояние молодого врача? Что в нем осталось прежним, а что изменилось (по сравнению с предыдущими рассказами из сборника)?

Прошел год. Ровно год, как я подъехал к этому самому дому.

По скрипящему полу я прошел в свою спальню и поглядел в зеркало. Да, разница велика. Год назад в зеркале, вынутом из чемодана, отразилось бритое лицо. Косой пробор украшал тогда двадцатитрехлетнюю голову. Ныне пробор исчез. Волосы были закинута назад без особых претензий. Пробором никого не прельстишь в тридцати верстах от железнодорожного пути.

Вот однажды, это было в апреле, я только что выбрил до глянца правую щеку, как ворвался, топоча, как лошадь, Егорыч и доложил, что роды происходят в кустах у Заповедника над речушкой. Помнится, я полотенцем вытер левую щеку и **выметнулся** вместе с Егорычем. И бежали мы втроем к речке, мутной и вздувшейся среди оголенных куп **лозняка**, – акушерка с торзионным пинцетом и

свертком марли и банкой с йодом, а сзади – Егорыч.

У гнилого мостика послышался жалобный легкий крик, он пролетел над стремительным половодьем и угас. Мы подбежали и увидели растрепанную корчившуюся женщину. Платок с неё свалился, и волосы прилипли к потному лбу. Она в мучении заводила глаза и ногтями рвала на себе тулуп.

– Не дошла, не дошла, не дошла, – торопливо говорила Пелагея Ивановна и разматывала сверток.

И вот тут, слушая весёлый рёв воды, рвущейся через потемневшие бревенчатые устои моста, мы с Пелагеей Ивановной приняли младенца мужского пола. Живого приняли и мать спасли. Потом две сиделки и Егорыч перенесли родильницу в больницу на носилках.

Когда она, уже утихшая и бледная, лежала, укрытая простынями, когда младенец поместился в люльке рядом и всё пришло в порядок, я спросил у неё:

– Ты что же это, мать, лучшего места не нашла рожать, как на мосту? Почему же на лошади не приехала?

Она ответила:

– Свекор лошади не дал. Пять верст, говорит, всего, дойдёшь. Баба ты здоровая. Нечего лошадь зря гонять...

– Ах, до чего тёмный народ, – жалостливо сказала Пелагея Ивановна, а потом чего-то хихикнула.

Я поймал её взгляд, он упирался в мою левую щеку.

Я вышел и в родильной комнате заглянул в зеркало. На правой щеке можно было плясать, как на паркете, а на левой тянулась густая рыжеватая поросьль. Разделом служил подбородок.

«Нужно идти добриться...», – подумал я.

Я, вдыхая апрельский воздух, приносимый с чёрных полей, **щурился** от первого солнца, шёл через двор добриваться. Это было около трёх часов дня. А добрился я

в девять вечера. Никогда, сколько я заметил, такие неожиданности в Мурьеве, вроде родов в кустах, не приходят в одиночку. Лишь только я взялся за дверь на своём крыльце, как лошадиная морда показалась в воротах, телегу, облепленную грязью, сильно тряхнуло.

И с крыльца я услышал, как в ворохе тряпья хныкал мальчишка.

Конечно, у него оказалась переломленная нога, и вот два часа мы с фельдшером возились, накладывая гипсовую повязку на мальчишку, который был подряд два часа. Потом обедать нужно было, потом лень было бриться, хотелось что-нибудь почитать, а там приползли сумерки, затянуло дали, и я, скорбно морщась, добрился. Но так как зубчатый «Жилет» пролежал позабытым в мыльной воде – на нём навеки осталась ржавенькая полосочка, как память о весенних родах у моста.

Да... бриться два раза в неделю было ни к чему. Порою нас заносило вовсе снегом, выла несусветная метель, мы по два дня сидели в Мурьевской больнице, не посылали даже в Вознесенск за девять верст за газетами, и долгими вечерами я мерил и мерил свой кабинет и жадно хотел газет.

Позвольте... да... ведь был и ещё случай, когда, помнится, только вынул бритву, как в дверь грозно застучали и вызвали меня. И мы с Пелагеей Ивановной уехали в страшную даль сквозь взбесившийся белый океан. Вьюга свистела как ведьма, выла, плевалась, хохотала, всё исчезло, и я испытывал знакомое похолодание где-то в области солнечного сплетения при мысли, что собьёмся с пути в этой вертящейся мгле и пропадём за ночь все: и Пелагея Ивановна, и кучер, и лошади, и я. Ещё, помню, возникла у меня дурацкая мысль о том, что когда мы будем замерзать и вот нас наполовину занесёт снегом, я и

акушерке, и себе, и кучеру впрысну **морфий**... Зачем?... А так, чтобы не мучиться... «Замерзнешь ты, лекарь, и без морфия превосходнейшим образом», – помнится, отвечал мне сухой и здоровый голос.

Мы не погибли, не заблудились, а приехали в село Грищево, где я стал производить второй поворот на ножку в моей жизни. Родильница была жена деревенского учителя, и пока мы при свете лампы бились с Пелагеей Ивановной над поворотом, слышно было, как за дощатой дверью стонал и мотался по другой половине избы муж. Под стоны родильницы и под его неумолчные всхлипывания я ручку младенцу, по секрету скажу, сломал. Младенчика получили мы мёртвого. Ах, как у меня тёк пот по спине! Мгновенно мне пришло в голову, что явится кто-то грозный и огромный, ворвется в избу, скажет каменным голосом: «Ага. Взять у него диплом!»

Я чувствовал себя побеждённым, разбитым, задавленным жестокой судьбой. Она меня бросила в эту глушь и заставила бороться одного, без всякой поддержки и указаний. Какие невероятные трудности мне приходится переживать. Ко мне могут привезти какой угодно **каверзный** или сложный случай, чаще всего хирургический, и я должен стать к нему лицом, своим небритым лицом, и победить его. А если не победишь, вот и мучайся, как сейчас. Завтра, лишь утихнет метель, Пелагея Ивановна привезёт бедную мать ко мне в больницу, и очень большой вопрос – удастся ли мне отстоять её? Да и как мне отстоять её? Как понимать это величественное слово? В сущности, действую я наобум, ничего не знаю. Ну, до сих пор везло, сходили с рук благополучно изумительные вещи, а сегодня не повезло. Ах, в сердце щемит от одиночества, от холода, оттого, что никого нет кругом. А может, я ещё и преступление

совершил – ручку-то. Поехать куда-нибудь, повалиться кому-нибудь в ноги, сказать, что вот, мол, так и так, я лекарь такой-то, ручку младенцу переломил. Берите у меня диплом, недостойн я его, дорогие коллеги, посылайте меня на **Сахалин**. Фу, **неврастения!**

Долго, долго ехали мы назад, пока не сверкнул маленький, но такой радостный, вечно родной фонарь у ворот больницы. Он мигал, таял, вспыхивал и опять пропадал и манил к себе. И при взгляде на него несколько полегчало в одинокой душе.

Фонарь меня подбодрил, знакомое крыльцо тоже, но всё же уже внутри дома, поднимаясь к себе в кабинет, ощущая тепло от печки, предвкушая сон, избавитель от всех мучений, бормотал так: «Всё-таки страшно и одиноко. Очень одиноко».

Бритва лежала на столе, а рядом стояла кружка с простывшим кипятком. Я с презрением швырнул бритву в ящик. Очень, очень мне нужно бриться...

И вот прошел целый год. Пока он тянулся, он казался многоликим, многообразным, сложным и страшным, хотя теперь я понимаю, что он пролетел, как ураган. Но вот в зеркале я смотрю и вижу след, оставленный им на лице. Глаза стали строже и беспокойнее, а рот увереннее и мужественнее, складка на переносице останется на всю жизнь, как останутся мои воспоминания. Позвольте, когда еще я трясся при мысли о своем дипломе, о том, что какой-то фантастический суд будет меня судить, и грозные судьи будут спрашивать: «А где солдатская челюсть? Отвечай, злодей, окончивший университет!»

Как не помнить! Дело было в том, что хотя на свете и существует фельдшер Демьян Лукич, который рвет зубы так же ловко, как плотник – ржавые гвозди из старых досок, но такт и чувство собственного достоинства

подказали мне на первых шагах моих в Мурьевской больнице, что зубы нужно выучиться рвать и самому. Демьян Лукич может и отлучиться или заболеть, а акушерки у нас все могут, кроме одного: зубов они, извините, не рвут, не их дело.

Стало быть... я помню прекрасно румяную, но исстрадавшуюся физиономию передо мной на табурете. Это был солдат, вернувшийся с фронта. Отлично помню и здоровенный, прочно засевший в челюсти зуб с дуплом. Щурясь с мудрым выражением, я наложил щипцы на зуб. Во рту громко хрустнуло, и солдат коротко взвыл:

– Ого-о!

После этого под рукой сопротивление прекратилось, и щипцы выскочили изо рта с зажатым окровавленным и белым предметом в них. Тут у меня **екнуло сердце**, потому что предмет этот превышал по объему всякий зуб, хотя бы даже и солдатский коренной. Вначале я ничего не понял, но потом чуть не зарыдал: в щипцах, правда, торчал и зуб с длиннейшими корнями, но на зубе висел огромный кусок ярко-белой неровной кости.

«Я поломал ему челюсть...» – подумал я, и ноги мои подкосились. Благословляя судьбу за то, что ни фельдшера, ни акушеров нет возле меня, я завернул плод моей лихой работы в марлю и спрятал в карман. Солдат качался на табурете и выпученными, совершенно ошалевшими глазами смотрел на меня. Я растерянно ткнул ему стакан марганцевокислого калия и велел:

– Полощи.

Это был глупый поступок. Он набрал в рот раствор, а когда выпустил его в чашку, тот вытек, смешавшись с алою солдатской кровью, по дороге превращаясь в густую жидкость невиданного цвета. Затем кровь хлынула изо рта солдата так, что я замер. Если б я полоснул беднягу

бритвой по горлу, вряд ли она текла бы сильнее. Отставив стакан с калием, я набрасывался на солдата с комками марли и забивал зияющую в челюсти дыру. Марля мгновенно становилась алой, и, вынимая ее, я с ужасом видел, что в дыру эту можно свободно поместить больших размеров сливу.

«Отделал я солдата на славу», – отчаянно думал я и таскал длинные полосы марли из банки. Наконец кровь утихла, и я вымазал яму в челюсти йодом.

– Часа три не ешь ничего, – дрожащим голосом сказал я своему пациенту.

– Покорнейше вас благодарю, – отозвался солдат, с некоторым изумлением глядя в чашку, полную его крови.

– Ты, дружок, – жалким голосом сказал я, – ты вот чего... ты заезжай завтра или послезавтра показаться мне. Мне... видишь ли... нужно будет посмотреть... У тебя рядом еще зуб подозрительный... Хорошо?

– Благодарим покорнейше, – ответил солдат хмуро и удалился, держась за щеку, а я бросился в приемную и сидел там некоторое время, охватив голову руками и качаясь, как от зубной боли у самого себя. Раз пять я вытаскивал из кармана твердый окровавленный ком и опять прятал его.

Неделю жил я как в тумане, даже исхудал.

«У солдата будет гангрена, заражение крови... Зачем я сунулся к нему со щипцами?»

Солдат не показывался, я тосковал, ком ржавел и высыхал на письменном столе. За жалованием персоналу нужно было ехать через неделю в уездный город. Я уехал через пять дней и прежде всего пошел к врачу уездной больницы. Этот человек двадцать пять лет работал в больнице. Виды он видал. Я сидел вечером у него в кабинете, уныло пил чай с лимоном, наконец, не вытерпел

и обиняками повел туманную речь: что вот, мол.. бывают ли такие случаи... если кто-нибудь рвет зуб... и челюсть обломает... ведь гангрена может получиться, не правда ли?.. Знаете, кусок... я читал...

Тот слушал, слушал и вдруг сказал так:

– Это вы ему лунку выломали... Здорово будете зубы рвать...

И тотчас и навсегда ушел мой мучитель-солдат из головы.

Ах, зеркало воспоминаний. Прошел год. Как смешно мне вспоминать про эту лунку! Я, правда, никогда не буду рвать зубы так, как Демьян Лукич. Еще бы! Он каждый день рвет штук по пяти, а я раз в две недели по одному. Но все же я рву так, как многие хотели бы рвать. И лунок не ломаю, а если бы и сломал, не испугался бы.

Да что зубы. Чего только я не перевидал и не сделал за этот неповторимый год.

Вечер тѣк в комнату. Уже горела лампа, и я, плавая в горьком табачном дыму, подводил итог. Сердце мое переполнялось гордостью. Я сделал две ампутации бедра, а пальцев не считаю. А грыжа. А трахеотомия. Делал, и вышло удачно. Сколько гигантских гнойников я вскрыл! А повязки при переломах. Гипсовые и крахмальные. Вывихи вправлял. Интубации. Роды. Приезжайте, с какими хотите. Кесарева сечения делать не стану, это верно. Можно в город отправить. Но щипцы, поворот – сколько хотите.

Когда передо мной на операционном столе лежал человек и пузырястая пена, розовая от крови, вскакивала у него на губах, разве я растерялся? Нет, хотя вся грудь у него в упор была разнесена волчьей дробью и было видно легкое, и мясо груди висело клоками, разве я растерялся? И через полтора месяца он ушел у меня из больницы живой. В университете я не удостоился ни разу подержать в руках

акушерские щипцы, а здесь, правда, дрожа, наложил их в одну минуту.

Какие я раны зашивал. Какие видел гнойные плевриты и взламывал при них ребра, какие пневмонии, тифы, раки, грыжи (и вправлял), геморрои, саркомы.

Вдохновенно я развернул амбулаторную книгу и час считал. И сосчитал. За год, вот до этого вечернего часа, я принял 15613 больных. Стационарных у меня было 200, а умерло только шесть.

Я закрыл книгу и пошел спать. Я, юбиляр двадцати четырех лет, лежал в постели и, засыпая, думал о том, что мой опыт теперь громаден. Чего мне бояться? Нечего. Я таскал горох из ушей мальчишек, я резал, резал... Рука моя мужественна, не дрожит.

– Я, – пробурчал я, засыпая, – я положительно не представляю себе, чтобы мне привезли случай, который бы мог меня поставить в тупик... может быть, там, в столице, и скажут, что это фельдшеризм... пусть... им хорошо... в клиниках, в университетах... в рентгеновских кабинетах... я же здесь... все ... и крестьяне не могут жить без меня... Как я раньше дрожал при стуке в дверь, как боялся... А теперь...

***

– Когда же это случилось?

– С неделю, батюшка, с неделю, милый... Выперло... – И баба захныкала.

Смотрело серенькое октябрьское утро первого дня моего второго года. Вчера я вечером гордился и хвастался, засыпая, а сегодня утром стоял в халате и растеряно вглядывался...

Годовалого мальчишку она держала на руках, и у мальчишки этого левого глаза не было. Вместо глаза из растянутых век выпирал шар желтого цвета величиной с

небольшое яблоко. Мальчишка страдальчески кричал и бился, баба хныкала. И вот я потерялся.

Я заходил со всех сторон. Демьян Лукич и акушерка стояли сзади меня. Они молчали, ничего такого они не видели.

«Что это такое... Мозговая грыжа... Гм... он живет... Саркома... Гм... Мягковата... Какая-то невиданная, жуткая опухоль... Откуда же она развилась... Из бывшего глаза... А может быть, его никогда не было... Во всяком случае, сейчас нет...»

– Вот что, – вдохновенно сказал я, – нужно будет вырезать эту штуку...

И тут же представил себе, как я надсеку веко, разведу в стороны и ...

«И что... Дальше-то что? Может, это действительно из мозга... Фу, черт... Мягковато... На мозг не похоже...»

– Что резать? – спросила баба, бледнея. – На глазу резать? Нету моего согласия...

И она в ужасе стала заворачивать младенца.

– Никакого глаза у него нету, – категорически ответил я, – ты гляди, где уж ему быть. У твоего младенца странная опухоль...

– Капелек дайте, – говорила баба в ужасе

– Да что ты, смеешься? Каких таких капелек? Никакие капельки тут не помогут!

– Что ж ему, без глаза, что ли оставаться?

– Нету у него глаза, говорю тебе...

– А третьего дни был! – отчаянно воскликнула баба.

– Не знаю, может, и был... только теперь нету... И вообще, знаешь, милая, вези ты своего младенца в город. И немедленно, там сделают операцию... Демьян Лукич. А?

– М-да, – глубокомысленно отозвался фельдшер, явно не зная, что сказать, – штука невиданная.

– Резать в городе? – спросила баба в ужасе. – Не дам.

Кончилось это тем, что баба увезла своего младенца, не дав притронуться к глазу.

Два дня я ломал голову, пожимал плечами, рылся в библиотечке, разглядывал рисунки, на которых были изображены младенцы с вылезавшими вместо глаз пузырями.

Прошла неделя.

– Анна Жухова! – крикнул я.

Вошла веселая баба с ребенком на руках.

– В чем дело? – спросил я привычно.

– Бока болят, не продохнуть, – сообщила баба и почему-то насмешливо улыбнулась.

Звук ее голоса заставил меня встрепенуться.

– Узнали? – спросила баба насмешливо.

– Постой... постой да это что... Постой... это тот самый ребенок?

– Тот самый. Помните, вы говорили, что глаза нету и резать чтобы...

Я ошалел. Баба победоносно смотрела, в глазах ее играл смех.

На руках молчаливо сидел младенец и глядел на свет карими глазами. Никакого желтого пузыря не было и в помине.

«Это что-то колдовское», – расслабленно подумал я.

Потом, несколько придя в себя, осторожно оттянул веко. Младенец хныкал, пытался вертеть головой, но все же я увидел... малюсенький шрамик на слизистой... А-а...

– Мы как выехали от вас тогда... Он и лопнул...

– Не надо, баба, не рассказывай, – сконфуженно сказал я, – я уже понял...

– А вы говорите, глаза нету... Ишь, вырос. – И баба

издевательски хихикнула.

«Понял, у него из нижнего века развился громаднейший гнойник, вырос и оттеснил глаз, закрыл его совершенно... а потом как лопнул, гной вытек, и все пришло на место...»

Нет. Никогда, даже засыпая, не буду горделиво бормотать о том, что меня ничем не удивишь. Нет. И год прошел, пройдет другой год и будет столь богат сюрпризами, как и первый... Значит, нужно покорно учиться.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы:

- 1) Как вы думаете, почему рассказ ведется от первого лица?
- 2) Как изменилась внешность молодого врача за год работы в Мурьевской больнице? О чем это свидетельствует?
- 3) Чем занимался молодой врач в свободное от работы время?
- 4) Почему герой рассказа пытался у опытного врача, работавшего в уездном городе, узнать о возможных последствиях неправильного удаления зуба?
- 5) Что успокоило молодого врача после беседы со старшим коллегой?
- 6) Как вы думаете, почему мать ребенка, у которого вместо глаза выпирал гнойник, просила врача дать капель? Могли ли в данном случае помочь капли?
- 7) Почему молодой врач пришел к выводу, что он никогда не будет утверждать, что его нельзя

ничем удивить?

- 8) Как вы думаете, каким был рабочий день молодого врача, если за год он принял более 15 тысяч больных?
- 9) О каких случаях из своей врачебной практики рассказывает герой рассказа «Пропавший глаз»?
- 10) Как относился молодой врач к своим неудачам?
- 11) Какими знаниями должен обладать выпускник медицинского факультета, чтобы успешно работать в сельской больнице? Обладал ли ими герой рассказа? Аргументируйте свой ответ.

Задание 2. Согласитесь с утверждениями или возразите. Отвечайте одним словом – «да» или «нет».

- 1) Главный герой устал от своей работы.
- 2) Был очередной удачный день.
- 3) Крестьянка рожала на дороге.
- 4) У мальчика был гнойник на голове.
- 5) Солдату выдернули часть челюсти.
- 6) Главный герой принял за год 15613 больных.
- 7) Главному герою было 23 года.
- 8) Мать мальчика, у которого был гнойник на глазу, звали Анной.
- 9) Демьян Лукич проводил операции.
- 10) Самым действенным для главного героя лекарством был морфий.

Задание 3. Выпишите из текста слова и словосочетания, которые доказывают, что молодой доктор испытывал страх, растерянность, волнение, гордость и другие чувства, присущие человеку.

Задание 4. Вспомните и напишите глаголы и

существительные, необходимые для описания деятельности главного героя.

Задание 5. С помощью данных ниже слов и их производных дайте характеристику главного героя, которая бы отразила изменения в его профессиональной деятельности за год пребывания в уездной больнице.

Гениальный, требовательный, общительный, одаренный, сообразительный, целеустремленный, решительный, универсальный, опасный, случайный, наследственный, бездарный, талантливый, умный, любознательный.

Задание 6. На основе прочитанных текстов М.А. Булгакова «Записки юного врача» напишите сочинение-рассуждение на тему «Михаил Булгаков: литератор и врач», в котором выразите свое отношение к личности автора и его литературным произведениям. Известен ли писатель в вашей стране? Если да, то какие его произведения?

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН

Александр Иванович Куприн (1870 – 1938 гг.) – русский писатель. Родился 7 сентября 1870 г. в городе Наровчат Пензенской губернии. В годовалом возрасте потерял отца, умершего от холеры. Мать в 1874 г. приехала в Москву и из-за тяжёлого материального положения была вынуждена отдать сына в сиротское училище.

В 1880 г. Куприн поступил во 2-ю Московскую военную гимназию (с 1882 г. кадетский корпус), а в 1888 г. – в Александровское военное училище. Первые литературные опыты он предпринял во время учёбы в кадетском корпусе, а в 1889 г. увидел свет его рассказ «Последний дебют». В 1890 – 1894 гг. Куприн в чине подпоручика проходил службу в Подольской губернии. Выйдя в отставку, поселился в Киеве, в 1901 г. переехал в Петербург, а затем в Севастополь. В течение десятилетия отставной офицер жил в постоянной нужде, перебиваясь случайными заработками. Однако именно в эти годы происходило становление Куприна как писателя, чему в немалой степени способствовала его дружба с И.А.

Буниным, А.П. Чеховым и М. Горьким. Тогда были написаны повести «Молох» (1896 г.), «Белый пудель» (1904), «Поединок» (1905 г.), «Яма» (1909 – 1915 гг.), рассказ «Гранатовый браслет» (1911 г.). В 1909 г. талант Куприна был отмечен Пушкинской премией.

В начале Первой мировой войны Куприн добровольцем отправился на фронт, а после демобилизации по состоянию здоровья в 1915 г. организовал в собственном доме госпиталь для раненых. В 1920 г. по политическим соображениям уехал во Францию. Самым значительным произведением, созданным в эмиграции, стал автобиографический роман «Юнкера» (1928 – 1932 гг.).

Тоска по родине заставила Куприна в 1937 г. вернуться в СССР, где известного писателя встретили довольно благосклонно. Но прожил он в России недолго. Скончался 25 августа 1938 г. в Ленинграде (ныне Санкт-Петербург). Похоронен на Волковом кладбище.

В своих произведениях Куприн отразил жизнь всех слоев русского общества. Одним из таких рассказов является «Чудесный доктор». В нем повествуется об эпизоде из жизни знаменитого русского врача Н.И. Пирогова.

Рассказ «ЧУДЕСНЫЙ ДОКТОР»

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Барин, барыня – в России до 1917 года человек из высшего общества.

Закоптелый чугунок – покрытый черной копотью

металлический сосуд, который раньше использовали для приготовления пищи.

Исполнять беспрекословно – делать что-либо без возражений.

Истерзанная душа – измученная, исстрадавшаяся душа.

Калоши – вид резиновой обуви, которую надевали поверх другой обуви.

Милостыня – деньги, которые подают нищему.

Не падать духом – не терять надежду.

Полька – название танца.

Праздничные хлопоты – дела, заботы, связанные с подготовкой к празднику.

Промозглая комната – холодная комната.

Пустые щи – жидкий суп из капусты без мяса.

Работать поденно – выполнять тяжелую работу по найму.

Разинув рот – забыв обо всем от удивления.

Роковой год – год, в течение которого произошли тяжелые события.

Ручаться за кого-либо – принимать на себя ответственность.

Свято хранить – бережно хранить, с благодарностью помнить о чем-либо.

Скудные сбережения – небольшой запас денег.

Управляющий – человек, которого нанимают для ведения дел в каком-нибудь хозяйстве, на предприятии.

Задание 2. Найдите группы однокоренных слов и определите их значение.

Плясать, чары, приплясывать, помнить, мыслить, пустынный, очаровательный, пустыня, соблазн, изумиться, очарованный, льнуть, вспомнить, надорваться, прильнуть,

сторож, надрыв, пустырь, замысел, пляска, припомнить, терзать, ветхий, изумляться, ликовать, соблазнительный, надрываться, ликование, настораживать, изумительный, насторожить(-ся), истерзанный, умышленный (поступок), кланчить, озлобление, краткий, застенчивый, внушать – внушить, изумление, опомниться, обветшать, ликующий.

Задание 3. Определите значение слов по словарю.

Предание, гирлянда, созерцать, косогор, подвал, запыхаться, ярлык, шуршать, калоши.

Задание 4. Определите значение слов, исходя из значения их частей.

Подземелье, бесцельный, подталкивать, самоубийство, благодетель, снисхождение, своеобразный.

Задание 5. Прочитайте рассказ А.И. Куприна «Чудесный доктор». Обратите внимание на описание душевного состояния Мерцалова и его жены. Найдите в тексте места, где описывается внешность Мерцалова и Пирогова.

Всё описанное мной действительно произошло в Киеве и до сих пор **свято**, до мельчайших подробностей, **сохраняется** в преданиях того семейства, о котором пойдёт речь. Я со своей стороны лишь изменил имена некоторых действующих лиц этой трогательной истории да придал устному рассказу письменную форму.

– Гриш, а Гриш! Гляди-ка, поросёнок-то... Смеётся... Да-а. А во рту-то у него!.. Смотри, смотри... Травка во рту, травка!.. Вот штука-то!

И двое мальчуганов, стоящих перед огромным окном гастрономического магазина, принялись неудержимо

хохотать, толкая друг друга в бок локтями и невольно приплясывая от мороза. Они уже более пяти минут стояли перед этой великолепной выставкой, возбуждавшей в одинаковой степени их умы и желудки. Здесь, освещенные ярким светом висящих ламп, возвышались целые горы красных крепких яблок и апельсинов; протянулись на блюдах, уродливо **разинув рты** и выпучив глаза, огромные копчёные и маринованные рыбы; ниже окруженные гирляндами колбас, красовались сочные разрезанные окорока с толстым слоем розоватого сала.

Старший мальчик первый оторвался от созерцания очаровательного зрелища. Он дернул брата за рукав и произнес сурово:

– Ну, Володя, идём, идём... Нечего тут...

Одновременно подавив тяжёлый вздох (старшему из них было только десять лет, и к тому же оба с утра ничего не ели, кроме пустых щей) и кинув последний влюблённо-жадный взгляд на гастрономическую выставку, мальчуганы торопливо побежали по улице. Иногда сквозь запотевшие окна какого-нибудь дома они видели ёлку, иногда слышали даже звуки весёлой **польки**... Но они мужественно гнали от себя прочь соблазнительную мысль: остановиться на несколько секунд и прильнуть глазком к стеклу.

По мере того как шли мальчики, всё малолюднее и темнее становились улицы. Прекрасные магазины, сияющие ёлки, праздничное оживление толпы – всё осталось позади. Потянулись пустыри, кривые, узкие переулки, мрачные, неосвещённые косогоры... Наконец они достигли покосившегося ветхого дома, низ его – собственно подвал – был каменный, а верх – деревянный. Обойдя тесным, обледенелым и грязным двором, они спустились вниз, в подвал, прошли в темноте общим коридором, отыскивали ощупью свою дверь и открыли её.

Уже более года жили Мерцаловы в этом подземелье. Оба мальчугана давно успели привыкнуть и к этим закоптелым, плачущим от сырости стенам, и к запаху нищеты. Но сегодня, после всего, что они видели на улице, после этого праздничного ликования, которое они чувствовали повсюду, их маленькие детские сердца сжались от острого, недетского страдания. В углу, на широкой постели, лежала девочка лет семи; её лицо горело, дыхание было коротко и затруднительно, широко раскрытые блестящие глаза смотрели пристально и бесцельно. Рядом с постелью, в люльке, привешенной к потолку, кричал, морщась, надрываясь и захлёбываясь, грудной ребёнок. Высокая, худая женщина, с измождённым, усталым, точно почерневшим от горя лицом, стояла на коленях около больной девочки, поправляя ей подушку и в то же время не забывая подталкивать локтем качающуюся люльку. Когда мальчики вошли, женщина настороженно посмотрела на них.

– Ну? Что же? – спросила она отрывисто и нетерпеливо.

Мальчики молчали.

– Отнесли вы письмо?.. Гриша, я тебя спрашиваю, отдал ты письмо?

– Отдал... – сирым от мороза голосом ответил Гриша.

– Ну, и что же? Что ты ему сказал?

– Да всё, как ты учила. Вот, говорю, от Мерцалова письмо, от вашего бывшего **управляющего**. А он нас обругал: «Убирайтесь вы, говорит, отсюда».

– Да кто же это? Кто же с вами разговаривал?.. Говори толком, Гриша!

– Швейцар разговаривал... Кто же ещё? Я ему говорю: «Возьмите, дяденька, письмо, передайте, а я здесь

внизу ответа подожду». А он говорит: «Нет у барина времени ваши письма читать...»

– Ну, а ты?

– Я ему всё, как ты учила, сказал: «Есть, мол, нечего... Машутка больна... Помирает...» Говорю: «Как папа работу найдёт, так отблагодарит вас, Савелий Петрович, ей-богу, отблагодарит». Ну, а в это время звонок как зазвонит, как зазвонит, а он нам и говорит: «Убирайтесь скорее отсюда! Чтобы духу вашего здесь не было!...» А Володьку даже по затылку ударил.

Мать больше не расспрашивала. Долгое время в душной, **промозглой комнате** слышался только неистовый крик младенца да короткое, частое дыхание Машутки, больше похожее на беспрерывные однообразные стоны. Вдруг мать сказала, обернувшись назад:

– Там щи есть, от обеда остались... Может, поели бы? Только холодные, – разогреть-то нечем...

В это время в коридоре послышались чьи-то неуверенные шаги и шуршание руки, отыскивающей в темноте дверь. Мать и оба мальчика – все трое даже побледнев от напряжённого ожидания – обернулись в эту сторону.

Вошёл Мерцалов. Он был в летнем пальто, летней шляпе и без **калош**. Его руки взбухли и посинели от мороза, глаза провалились, щёки облипли вокруг дёсен, точно у мертвеца. Он не сказал жене ни одного слова, она ему не задала ни одного вопроса. Они поняли друг друга по тому отчаянию, которое прочли друг у друга в глазах.

В этот ужасный **роковой год** несчастье за несчастьем настойчиво и безжалостно сыпались на Мерцалова и его семью. Сначала он сам заболел брюшным тифом, и на его лечение ушли все их **скудные сбережения**. Потом, когда он поправился, он узнал, что его место занято уже

другим... Началась отчаянная, судорожная погоня за случайной работой. А тут ещё пошли болеть дети. Три месяца тому назад умерла одна девочка, теперь другая лежит в жару и без сознания.

Елизавете Ивановне приходилось одновременно ухаживать за больной девочкой, кормить грудью маленького и ходить почти на другой конец города в дом, где она подённо стирала бельё.

Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий найти где-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. С этой целью Мерцалов обегал чуть ли не полгорода, Елизавета Ивановна ходила к своей барыне, дети были посланы с письмом к тому барину, домом которого управлял раньше Мерцалов... Но все отговорились или **праздничными хлопотами**, или неимением денег... Иные, как, например, швейцар, просто-напросто гнали просителей с крыльца.

Минут десять никто не мог произнести ни слова. Вдруг Мерцалов быстро поднялся с сундука и решительным движением надвинул глубже на лоб свою истрёпанную шляпу.

– Куда ты? – тревожно спросила Елизавета Ивановна.

Мерцалов, взявшийся за ручку двери, обернулся.

Всё равно, сидением не поможешь, – хрипло ответил он. – Пойду ещё... Хоть **милостыню** попробую просить.

Выйдя на улицу, он пошёл бесцельно вперёд. Он ничего не искал, ни на что не надеялся. Он давно уже пережил то жгучее время бедности, когда мечтаешь найти на улице бумажник с деньгами или получить внезапно наследство троюродного дядюшки. Теперь им овладело неуправляемое желание бежать куда попало, бежать без оглядки, чтобы только не видеть молчаливого отчаяния голодной семьи.

Просить милостыни? Он уже попробовал это средство сегодня два раза. Но первый раз какой-то господин прочёл ему наставление, что надо работать, а не клянуть, а во второй – его обещали отправить в полицию.

Незаметно для себя Мерцалов очутился в центре города, у ограды общественного сада. Так как ему пришлось всё время идти в гору, то он запыхался, и почувствовал усталость и опустился на низкую садовую скамейку.

«Вот бы лечь и заснуть, – думал он, – и забыть о жене, о голодных детях, о больной Машутке». Просунув руку под жилет, Мерцалов нащупал довольно толстую верёвку, служившую ему поясом. Мысль о самоубийстве совершенно ясно встала в его голове. Но он не ужаснулся этой мысли, ни на мгновение не содрогнулся перед мраком неизвестного.

«Чем погибать медленно, так не лучше ли избрать более краткий путь?» Он уже хотел встать, чтобы исполнить своё страшное намерение, но в это время в конце аллеи послышался скрип шагов, отчётливо раздававшийся в морозном воздухе. Мерцалов с озлоблением обернулся в эту сторону. Кто-то шёл по аллее. Мерцалов разглядел старика небольшого роста, в тёплой шапке, меховом пальто и высоких калошах. Поравнявшись со скамейкой, незнакомец вдруг круто повернул в сторону Мерцалова и, слегка дотрагиваясь до шапки, спросил:

– Вы позволите здесь присесть?

Мерцалов умышленно резко отвернулся от незнакомца и подвинулся к краю скамейки. Минут пять прошло в молчании.

– Ночка-то какая славная, – заговорил вдруг незнакомец. – Морозно... тихо. Что за прелесть – русская зима!

Голос у него был мягкий, ласковый, старческий. Мерцалов молчал, не оборачиваясь.

– А я вот ребятишкам знакомым подарочки купил, – продолжал незнакомец (в руках у него было несколько свёртков). – Да вот по дороге не утерпел, сделал круг, чтобы садом пройти: очень уж здесь хорошо.

Мерцалов вообще был кротким и застенчивым человеком, но при последних словах незнакомца его охватил вдруг прилив отчаянной злобы. Он повернулся в сторону старика и закричал:

– Подарочки!.. Подарочки!.. Знакомым ребятишкам подарочки!.. А я... а у меня, милостивый государь, в настоящую минуту мои ребятишки дома с голоду подышают... Подарочки!.. А у жены молоко пропало, и грудной ребёнок целый день не ел... Подарочки!..

Мерцалов ожидал, что после этих беспорядочных, озлобленных криков старик поднимется и уйдёт, но он ошибся. Старик приблизил к нему своё умное, серьёзное лицо и сказал дружелюбно, но серьёзным тоном:

– Подождите... не волнуйтесь! Расскажите мне всё по порядку и как можно короче. Может быть, вместе мы придумаем что-нибудь для вас.

В необыкновенном лице незнакомца было что-то до того спокойное и внушающее доверие, что Мерцалов тотчас же, страшно волнуясь и спеша, передал свою историю. Он рассказал о своей болезни, о потере работы, о смерти ребёнка, обо всех своих несчастиях, вплоть до сегодняшнего дня. Незнакомец слушал, не перебивая его ни словом, и только всё пытливей и пристальнее заглядывал в его глаза, точно желая проникнуть в самую глубь этой наболевшей, возмущённой души. Вдруг он быстрым, совсем юношеским движением вскочил со своего места и схватил Мерцалова за руку. Мерцалов

невольно тоже встал.

– Едемте! – сказал незнакомец, увлекая за руку Мерцалова.

– Едемте скорее!.. Счастье ваше, что вы встретились с врачом. Я, конечно, ни за что не могу **ручаться**, но... поедемте!

Минут через десять Мерцалов и доктор уже входили в подвал. Елизавета Ивановна лежала на постели рядом со своей больной дочерью. Мальчишки, сидя на тех же местах, плакали, размазывая слезы по лицу. Войдя в комнату, доктор скинул с себя пальто и подошёл к Елизавете Ивановне.

– Ну, полно, полно, голубушка, – заговорил доктор, ласково погладив женщину по спине. – Вставайте-ка! Покажите мне вашу больную.

И точно так же, как недавно в саду, что-то ласковое и убедительное, звучавшее в его голосе, заставило Елизавету Ивановну подняться с постели и **беспрекословно исполнить** всё, что говорил доктор. Через две минуты Гришка уже растапливал печку дровами, за которыми чудесный доктор послал к соседям, Елизавета Ивановна оборачивала Машутку согревающим компрессом... Немного погодя явился и Мерцалов. На три рубля, полученные от доктора, он успел купить за это время чаю, сахару, булок. Доктор сидел за столом и что-то писал на клочке бумажки, который он вырвал из записной книжки. Окончив это занятие и изобразив внизу какой-то своеобразный крючок вместо подписи, он встал, прикрыв написанное чайным блюдечком, и сказал:

– Вот с этой бумажкой вы пойдёте в аптеку... Давайте через два часа по чайной ложке. Это вызовет у малышки отхаркивание... Продолжайте согревающие компрессы... Кроме того, даже если вашей дочери и станет лучше, всё

равно пригласите завтра доктора Афросимова. Это дельный врач и хороший человек. Я его сейчас же предупрежу. Дай бог, чтобы наступающий год немного снисходительнее отнёсся к вам, чем этот, а главное – **не падайте** никогда **духом**.

Пожав руки Мерцалову и Елизавете Ивановне, всё ещё не оправившимся от изумления, доктор быстро надел пальто. Мерцалов опомнился только тогда, когда доктор уже был в коридоре, и кинулся вслед за ним.

Так как в темноте нельзя было ничего разобрать, то Мерцалов закричал наугад:

– Доктор! Доктор, постойте!.. Скажите мне ваше имя, доктор! Пусть хоть мои дети будут за вас молиться!

В это время в конце коридора спокойный старческий голос произнёс:

– Э! Вот ещё пустяки выдумали!.. Возвращайтесь-ка домой скорее!

Когда он возвратился, его ожидал сюрприз: под чайным блюдцем вместе с рецептом чудесного доктора лежало несколько крупных кредитных билетов...

В тот же вечер Мерцалов узнал и фамилию своего благодетеля. На аптечном ярлыке, прикреплённом к пузырьку с лекарством, чёткою рукою аптекаря было написано: «По рецепту профессора Пирогова».

Я слышал этот рассказ, и неоднократно, из уст самого Григория Емельяновича Мерцалова – того самого Гришки, который в описанный мною вечер проливал слезы в **закоптелый чугунок с пустыми щами**. И каждый раз, заканчивая своё повествование о чудесном докторе, он прибавляет голосом, дрожащим от скрывааемых слез:

– С этих пор всё переменилось. В начале января отец отыскал место, Машутка встала на ноги, меня с братом удалось пристроить в гимназию. Просто чудо совершил

этот святой человек. А мы нашего чудесного доктора только раз видели с тех пор – это когда его перевозили мёртвого в его собственное имение Вишню. Да и то не его видели, потому что-то великое, мощное и святое, что жило и горело в чудесном докторе при его жизни, угасло невозвратно.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы:

- 1) Как описывает автор витрину магазина и дом, в котором живут Мерцаловы?
- 2) Почему семья Мерцаловых оказалась в таком положении?
- 3) С какой целью автор подробно описывает внешность Пирогова и Мерцалова?
- 4) Что вы можете сказать о характере Мерцалова?
- 5) Где и при каких обстоятельствах Мерцалов встретил Пирогова?
- 6) Как вы думаете, как могли бы развернуться события, если бы Мерцалов не встретил Пирогова?
- 7) Чем, по вашему мнению, была больна Машутка?
- 8) Почему рассказ называется «Чудесный доктор»?
- 9) Какими, на ваш взгляд, личностными качествами обладал Н.И. Пирогов?

Задание 2. Перескажите содержание текста: а) от лица Мерцалова; б) от лица Пирогова.

Задание 3. Обсудите вопрос: «Обязан ли был Н.И. Пирогов не только оказать медицинскую помощь дочери Мерцалова, но и оставить ему деньги?» Как данный поступок характеризует Н.И. Пирогова?

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗОЩЕНКО

Михаил Михайлович Зощенко (1894 – 1958 гг.) родился в Санкт-Петербурге в семье художника. Уже в детстве он начал писать стихи и рассказы. В 1913 Зощенко поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, но через год был исключен из-за неуплаты за обучение. В 1915 Зощенко добровольцем ушел на фронт, командовал батальоном, стал кавалером 4 боевых орденов. Литературная работа при этом не прекращалась. В 1917 г. Зощенко был демобилизован из-за болезни сердца, возникшей после отравления газами, и вернулся в Петроград. В 1918 г., несмотря на болезнь, Зощенко ушел добровольцем в Красную Армию. Вернувшись в 1919 г. в Петроград, зарабатывал на жизнь, разными профессиями – сапожника, столяра, плотника, актера, милиционера и др. В написанных в это время юмористических произведениях уже чувствуется стиль

будущего сатирика. К середине 1920-х годов Зощенко стал одним из самых популярных писателей. Рассказы «Баня», «Аристократка», «История болезни» и другие, которые он часто сам читал перед многочисленными аудиториями, были известны и любимы во всех слоях общества. Умер Зощенко в Ленинграде 22 июля 1958 г. Его не разрешили похоронить в Ленинграде, похоронен он в Сестрорецке.

«ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ»

(фантастическая история)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание   **1. Прочитайте**   **Лексический**
комментарий:

Хворать / **захворать, прихворнуть, хворый, хвороба** (*устар.*) – болеть, приболеть, больной, болезнь.

Поправляться – выздоравливать.

Рубаха – рубашка.

Велеть – требовать, приказывать.

Набуровать – налить.

Шляться – ходить без цели.

Поддакивать – соглашаться (говорить «да»).

Браниться (с кем?) – ругаться.

Торчать – выступать над поверхностью.

Собака – *здесь*: ругательство.

Сестричка, сестрица (*разг.*) – медсестра.

Поддаваться / поддаться – не сопротивляться.

Поспевать / поспеть – успевать / успеть.

Пререкайся, пререкания (от *устар.* глагола *речь* – говорить) – спорить.

Часовой (*военн.*) – охранник.

Вряд ли – маловероятно.

Даром, что... – хотя.

Через это... – из-за этого.

Мне по вкусу (не по вкусу) – мне нравится (не нравится).

Наводить критику (на кого, что?) – критиковать кого-либо, что-либо.

Совать / сунуть свой нос (во что?) – быть слишком любопытным, лезть не в своё дело.

Взять своё – *здесь*: справиться с болезнью.

Двужильный (человек, организм) – очень крепкий, сильный.

По получении сего... (*офиц.*) – когда получите этот документ...

Задание 2. Определите значение слов, исходя из значения их составных частей.

Изголовье, тяжелобольной, душевнобольной, чистосердечный, загробный.

Задание 3. Посмотрите в словаре значение слов:

Нахальство, нахальный, нахал

Смущаться / смутиться, смущение

Привередливый

Обратите внимание!

Приставка **НА-** может иметь значение «слишком много, сверх меры»:

Настраться, намучиться, напиться, наесться, наговориться, набегаться, находиться, и т.п.

Запомните, как выражается предостережение, угроза в разговорной речи:
– **Вот тогда будешь (будете) знать!**

– Ну (вот), погоди (погодите)!
– Я тебе (вам) покажу!

Задание 4. Прочитайте рассказ М. Зощенко и выполните послетекстовые задания.

I

Откровенно говоря, я предпочитаю **хворать** дома.

Конечно, в больнице, может быть, светлей и культурней. И калорийность пищи, может быть, у них более предусмотрена.

А в больницу меня привезли с брюшным тифом. Домашние думали этим облегчить мои страдания. Но только этим они не достигли цели, поскольку мне попалась какая-то особенная больница, где мне всё не понравилось.

Как только больного привезли, записывают его в книгу, и вдруг он читает на стене плакат: «Выдача трупов от 3-х до 4-х».

Не знаю, как другие больные, но у меня прямо голова закружилась, когда прочитал эту надпись. Главное, у меня высокая температура, и вообще жизнь, может быть, еле теплится в моём организме, может быть, она на волоске висит – и вдруг приходится читать такие слова.

Я сказал мужчине, который меня записывал:

– Что вы, говорю, товарищ фельдшер, такие надписи вывешиваете? Больным неприятно это читать.

Фельдшер удивился, что я ему так сказал и говорит:

– Глядите: больной, и еле он ходит, и чуть у него пар изо рта не идёт от жара, а тоже наводит на всё **критику**. Если, говорит, вы **поправитесь**, что **вряд ли**, тогда и критикуйте, а не то мы действительно от трёх до четырёх выдадим вас в виде того, что тут написано, вот тогда будете

знать.

Хотел я ему ответить, но поскольку у меня была высокая температура, 39 и 8, то я с ним спорить не стал. Я только ему сказал:

– Вот погоди, медицинская трубка, я поправлюсь, так ты мне ответишь за своё нахальство. Разве, говорю, можно больным такие речи слушать? Это плохо действует на их моральное состояние.

Фельдшер удивился, что тяжелобольной так свободно с ним объясняется, и сразу прекратил разговор. И тут **сестричка** подбежала.

– Пойдёмте, – говорит, – больной на обмывочный пункт.

Но эти слова мне тоже не понравились.

– Лучше бы, – говорю, – называли не обмывочный пункт, а ванна. Это красивее и возвышает больного. И я не лошадь, чтоб меня обмывать (**обмывают** также покойников – *прим. ред.*).

Медсестра говорит:

– **Даром, что** больной, а тоже всё замечает. Наверное, вы не выздоровеете, что во всё **нос суёте**.

Тут она привела меня в ванну и **велела** раздеваться. И вот я стал раздеваться и вдруг вижу, что в ванне над водой уже **торчит** какая-то голова. И вдруг вижу, что это как будто старуха в ванне сидит, наверное, тоже больная.

Я говорю сестре:

– Куда же вы меня, **собаки**, привели – в дамскую ванну? Тут говорю, уже кто-то купается.

Сестра говорит:

– Да это тут у нас одна больная старуха сидит. Вы на неё не обращайтесь внимания. У неё высокая температура, и она ни на что не реагирует. Так что вы раздевайтесь без смущения. А тем временем мы старуху из ванны вынем и

набуруем вам свежей воды.

Я говорю:

– Старуха не реагирует, но я, может быть, ещё реагирую. И мне, говорю, определённо неприятно видеть то, что там у вас плавает в ванне.

Вдруг снова приходит фельдшер.

– Я, – говорит, – первый раз вижу такого привередливого больного. И то ему, нахалу, не нравится, и это ему нехорошо. Умиравшая старуха купается, и то он претензию выражает. Нет, говорит, я больше люблю, когда к нам больные поступают в бессознательном состоянии. По крайней мере, тогда им всё **по вкусу**, всем они довольны и не вступают с нами в научные **пререкания**.

Тут купающаяся старуха подаёт голос:

– Вынимайте меня из воды, или я сама сейчас выйду и всем тут вам покажу!

Тут они занялись старухой и мне велели раздеваться. И пока я раздевался, они моментально налили горячей воды и велели мне туда сесть.

И, зная мой характер, уже не стали спорить со мной и старались во всём **поддакивать**. Только после купания они дали мне огромное, не по моему росту, бельё. Я думал, что они нарочно, но потом я увидел, что у них это – нормальное явление. У них маленькие больные, как правило, были в больших **рубашках**, а большие – в маленьких. Но поскольку температура у меня всё больше повышалась, то я и не стал об этом спорить.

II

А положили меня в небольшую палату, где лежало около тридцати разного сорта больных. И некоторые были тяжелобольные. А некоторые, наоборот, поправлялись.

Некоторые пели. Другие играли в шахматы. Третьи шлялись по палатам и по слогам читали то, что написано над изголовьем.

Я говорю **сестрице**:

– Может быть, я попал в больницу для душевнобольных, так вы так и скажите. Я, говорю, каждый год в больницах лежу, и никогда ничего подобного не видел. Всюду тишина и порядок, а у вас как на базаре.

Та говорит:

– Может быть, вас прикажете положить в отдельную палату и приставить к вам часового, чтобы он от вас мух и блох отгонял?

Я поднял крик, чтоб пришёл главный врач, но вместо него вдруг пришёл тот самый фельдшер. А я был в ослабленном состоянии. И при виде его я окончательно потерял своё сознание.

Очнулся я, наверное, так думаю, дня через три.

Сестричка говорит мне:

– Ну, говорит, у вас прямо **двужильный** организм. Вы через все испытания прошли. И даже мы вас случайно у открытого окна положили, и то вы неожиданно стали поправляться. И теперь, говорит, если вы не заразитесь от своих соседних больных, то вас можно будет чистосердечно поздравить с выздоровлением.

Однако организм мой не **поддался** больше болезням, и только я единственно перед самой выпиской захворал детским заболеванием – коклюшем.

Сестричка говорит:

– Наверное, вы подхватили заразу из соседнего корпуса. Там у нас детское отделение. И вы, наверное, покушали из тарелки, из которой ел коклюшный ребёнок. Вот **через это** вы и прихворнули.

В общем, вскоре организм **взял своё**, и я снова стал

поправляться. Но когда дело дошло до выписки, то я и тут настрадался и снова захворал, на этот раз нервным заболеванием. У меня на нервной почве на коже появилась сыпь. И врач сказал: «Перестаньте нервничать, и это у вас со временем пройдёт».

А я нервничал просто потому, что они меня не выписывали. То они забывали, то у них чего-то не было, то кто-то не пришёл. То, наконец, у них началось движение жён больных, и весь персонал с ног сбился. Фельдшер говорит:

– У нас такое переполнение, что мы прямо не **поспеваем** больных выписывать. А вы только восемь дней лишних пролежали, и то вы недовольны. А у нас тут некоторые выздоровевшие по три недели не выписываются, и то они терпят.

Но вскоре они меня выписали, и я вернулся домой.

Супруга говорит:

– Знаешь, Петя, неделю назад мы думали, что ты отправился в загробный мир, поскольку из больницы пришло извещение, в котором говорится: « По получении сего срочно явитесь за телом вашего мужа».

Оказывается, моя супруга побежала в больницу, но там извинились за ошибку. Это у них скончался кто-то другой, а они почему-то подумали на меня. Мне почему-то стало неприятно от этого происшествия, и я хотел побегать в больницу, чтоб с кем-нибудь там **побраниться**, но как вспомнил, что у них там бывает, так, знаете, и не пошёл. И теперь хвораю дома.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Просмотрите текст рассказа. Объясните, как вы понимаете подчеркнутые

выражения.

Задание 2. Ответьте на вопросы.

I

- 1) Чем заболел герой рассказа?
- 2) Что не понравилось герою рассказа в этой больнице?
- 3) Как реагировал герой на то, что ему не нравилось?
- 4) Как он разговаривал с медперсоналом?
- 5) Как отвечают фельдшер и медсестра?
- 6) Какие больные больше нравятся медперсоналу?
- 7) Как вы думаете, как относится персонал больницы к пациентам и к своей работе? В чем это проявляется? (неуважение к человеку, унижение достоинства; халатное отношение к работе – не выполняют свои обязанности)
- 8) По вашему мнению, больной был прав, предъявляя свои претензии?
- 9) Что вы думаете о характере этого больного?
- 10) Прав ли фельдшер, называя героя привередливым? Какого человека обычно называют привередливым? Какого человека называют нахалом?

II

- 1) Какие условия содержания больных были в этой больнице?
- 2) Из-за чего герой перед выпиской заболел коклюшем?
- 3) Почему герой заболел нервным заболеванием?
- 4) Почему в больнице началось движение жён больных?

- 5) Как вы думаете, какие требования они выдвигали?
- 6) Почему выздоровевших не выписывали вовремя?
- 7) О чём рассказала герою жена, когда он выписался?

III

- 1) О какой истории болезни идет речь в рассказе?
- 2) Расскажите, через какие испытания прошел герой в больнице:
  - при поступлении
  - во время лечения
  - после выздоровления
- 3) Как вы думаете, что могло бы случиться с героем, если бы после выписки он пошёл в больницу ругаться?
- 4) Как вы думаете, какие условия нужно создать в больнице, чтобы пациенты быстрее выздоравливали?
- 5) По вашему мнению, почему некоторые люди предпочитают не ложиться в больницу, а лечиться дома или амбулаторно (в поликлинике)?

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ АМОСОВ

Николай Михайлович Амосов (1913 – 2002 гг.) – хирург с мировым именем, автор многих популярных книг о здоровье. Всю жизнь Н.М. Амосов полагался на свой собственный опыт, как истинный ученый подвергал любое утверждение сомнению. Лишь проверив то или иное положение экспериментальным путем, часто на своем собственном организме, Николай Михайлович мог с уверенностью сказать: «Да, это так».

Родился выдающийся медик 6 декабря 1913 года в небольшой деревне Ольхово, расположенной в Вологодской губернии. Окончил Череповецкий механический техникум, получил диплом инженера и три года проработал на Архангельской электростанции механиком.

Молодого инженера заинтересовала медицина, и Николай Амосов поступает в Архангельский медицинский институт, который с отличием оканчивает в 1939 году. А уже в 1940 также с отличием защищает диплом Всесоюзного индустриального заочного института. Через год началась Великая отечественная война, и Николай Михайлович Амосов отправился на фронт в качестве полевого хирурга. За время войны Николай Амосов не только стал опытным хирургом (мог оперировать любые части тела, а особых успехов достиг в лечении ранений

груди, суставов и переломов бедра).

После многочисленных успехов в борьбе с легочными болезнями Николай Михайлович переключил свое внимание на сердечную хирургию. В 1955 году он первый в Украине стал браться за лечение пороков сердца, а уже в 1958 году он впервые в Советском Союзе ввел в практику метод искусственного кровообращения.

В 1955 году под руководством Николая Михайловича Амосова была создана первая в Украине клиника сердечной хирургии, послужившая основой для Института сердечно-сосудистой хирургии, который на сегодняшний день является одним из крупнейших кардиохирургических центров в мире.

Николай Михайлович возглавлял центр вплоть до 1988 года, а затем, в 1989 году, занял пост советника директора Института кибернетики НИИ сердечно-сосудистой хирургии. Кстати, за свои достижения в области биокибернетики Амосов был вознагражден Государственной премией Украины. Но вот сам Николай Михайлович кибернетику считал чем-то вроде увлечения, делом всей его жизни была хирургия.

Отрывок из книги «МЫСЛИ И СЕРДЦЕ»

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Адреналин – лекарственный препарат, применяемый при падении кровяного давления, кровотечениях, бронхиальной астме и т.п.

АИК – аппарат искусственного кровообращения.

Аневризма – ненормальное расширение артерии, кровеносной жилы.

Аорта – самый крупный артериальный сосуд в теле человека, от которого отходят все артерии, образующие большой круг кровообращения.

Апатия – состояние безразличия и равнодушия.

Благообразно – достойно.

Вникать – понять.

Гармония – равновесие.

Горизонт – линия, ограничивающая часть земной поверхности, доступную взгляду.

Дефект – недостаток.

Желудочек – часть сердца, регулирующая движение крови по кровеносной системе.

Капроновый – *прил.*, от сущ. *капрон*, вид тонкой ткани.

Непреднамеренный – случайный.

Ничтожный – ничего не значащий.

Оболтус – глупый человек, бездельник.

Перикард – двойная оболочка, которая окружает сердце, отделяя его от остальной грудной полости и защищая его от механических повреждений.

Поле – *здесь*: область.

Реанимационная комната – комната, в которой больные проводят несколько часов сразу после операции, пока полностью не проснутся. Потом их переводят в послеоперационные палаты.

Ремарк Эрих Мария – один из наиболее известных и читаемых немецких писателей XX века («Три товарища», «Триумфальная арка», «На западном фронте без перемен»).

Табуретка – стул без спинки.

Хемингуэй Эрнест – американский писатель, журналист, лауреат Нобелевской премии по литературе 1954 года («Прощай, оружие!», «Старик и море», «По ком звонит колокол?»).

Эпитет – меткое образное определение, присоединяемое к какому-нибудь слову и указывающее на существенный его признак.

Задание 2. Определите значение слова, исходя из его частей.

Предоперационная, вздрагивать, бесполезность, кровотечение, затуманенная (голова), совместная (жизнь), ежедневно, переодеться, набрасываться, тяжелораненый, вылечиваться, рукодельный, безразличие, рассчитывать, вынуть, раскладывать, всесильный, инструментальщик, безнаказанно.

Задание 3. Заполните пропуски подходящими по смыслу глаголами, поставив их в необходимую форму.

- 1) Для остановки кровотечения необходимо ... аорту.
- 2) Из отверстия редкими и слабыми толчками ... струя крови.
- 3) Сердце слабо ..., как будто засыпает.
- 4) Лекарство не ..., а больной умер сам.
- 5) Для восстановления функций кровообращения,

хирургу необходимо ... сердца.

б) Врач должен мужественно и до конца ... за жизнь больного.

Слова для справок: Массировать, выбрасываться, бороться, подействовать, сокращаться, зажать.

Задание 4. Прочитайте однокоренные слова, определите их грамматические классы и значения. Составьте с любыми из них словосочетания или предложения.

- 1) Польза, бесполезный, бесполезно;
- 2) Мучить, измученный, мука, мучительно, мучение;
- 3) Засыпать, сон, бессонница, сонливый;
- 4) Надеяться, надежда, обнадёживать, самонадеянный;
- 5) Ослушаться, слух, послушный, слушающий;
- 6) Омрачить, мрак, мрачно;
- 7) Глухой, глушь, глухо, оглушить;
- 8) Тосковать, тоска, тоскливый, тоскующий, тоскливо;
- 9) Синий, синеть, посиневший;
- 10) Успокоить, спокойствие, покой, спокойно.

Задание 5. Прочитайте текст и выполните послетекстовые задания.

– Переливайте, переливайте скорее! Отсасывайте! Готовьте **адреналин**, два кубика!

Нет, нужно снова зажать **аорту**. Кровь заливает все поле. И массировать сердце. Бесполезно, конечно, бесполезно, но оно же еще бьется... А вдруг?! Брось, чудес не бывает. Бога нет.

– Петя, зажимай снова аорту. Марья, разрежь **перикард** шире для массажа. Да ты же вынул зажим, оказывается? Ах, ты сволочь, где были твои глаза?! **Оболтус!** Ведь теперь мне его не провести. Ну как можно работать с такими...

Эпитеты, разные обидные слова. Я кричу, потому что в отчаянии. Петя виноват, конечно, что вынул зажим, и я теперь не могу его провести под сосуды одной рукой. Но разве это меняет дело? Я отнял палец от аорты, и из отверстия редкими и слабыми толчками выбрасывается струя крови. Как из бочки, когда вода уже на дне...

Я чуть не плачу... Я не хочу жить в этом ужасном мире, в котором вот так умирают девочки...

Массирую сердце. При каждом сжатии **желудочков** из аорты выбрасывается немного крови. Зажим под нее я так и не могу подвести. За это я еще продолжаю ругать Петю. Ругаю Марию Васильевну за то, что она плохо сделала первую операцию, хотя у меня нет никаких доказательств.

Адреналин. Массаж. Новые порции крови. Все тянется мучительно долго. Сердце дает редкие слабые сокращения, как будто засыпает. Но нужно что-то делать, делать!

– Михаил Иванович, зрачки широкие уже десять минут.

Я очнулся. Довольно. Нужно когда-то остановиться. Признать, что смерть совершилась. Хотя сердце еще изредка вздрагивает.

– Ну, все. Кончаем. Не нужно больше переливать кровь.

Сразу охватывает безразличие и **апатия**.

– Зашейте рану...

Иду в предоперационную, к креслу. Нет, нужно переодеться, я весь в крови. Сажусь.

Голова пуста. Руки бессильны. Мне все равно...

Но еще не все. Есть мать и отец. Конечно, они чувствуют там, внизу, что не все хорошо. От начала операции прошло пять часов. Но они еще надеются. Надежда тает и тает, и сейчас ее нужно порвать, как ниточку, которая связывает их с жизнью, с будущим. Ждать больше нельзя. Бесполезно. Рана зашита, кровь убрана. Майя накрыта простыней. Не Майя – труп. Не могу произнести этого слова.

В предоперационной собралось несколько врачей. Кому-то из нас нужно идти сказать. Собственно, сказать должен я. Но я молчу. Не могу. Я тяну и надеюсь, что кто-нибудь выручит меня. Наконец Петр Александрович говорит Володе:

– Пойди скажи матери.

Володя не смеет ослушаться старших. У нас не принято отказываться... Он нехотя встает и идет к двери.

Поздно. Долго собирались. Дверь из коридора распаивается, и в помещение операционной врывается мать. Она, как безумная, бежит прямо к столу и бросается на труп дочери. Рыдает. Говорит нежные слова. Целует ее посиневшие губы.

– Проснись, ах, проснись, моя ненаглядная!..

Она не говорит слов, которых я жду: «Что они с тобой сделали?» Никого не обвиняет. Она еще не понимает, не хочет понять, что дочери, ее Майечки, уже нет.

Операционная почти опустела. Трудно смотреть на это. Девушки-сестры плачут.

Я подхожу к матери и стараюсь ее успокоить. Говорю какие-то **ничтожные** слова, которые даже противно вспоминать. С большим трудом ее удалось оторвать и

увести в **реанимационную**. Там ей сделалось плохо. Я не видел, остался в предоперационной и снова сидел в кресле. Пришли, сказали, что лежит на полу. На полу? Почему? Да, ведь в этой комнате нет ни кровати, ни кушетки. Только круглые железные **табуретки**.

Потом мать и отца Маечки увезли в санитарной машине домой. Что они там будут делать – не знаю.

Мария Васильевна сидит в углу и всхлипывает, как ребенок.

Мне еще нужно написать протокол операции. «Попытки зашить дефект в стенке аорты не удались. Кровотечение продолжалось, и сердечная деятельность медленно угасла».

«Угасла». Все дела кончены. Нужно идти домой. И день тоже угас. Темнеет. Это хорошо – меня не будут видеть.

Иду через сад, мимо больших деревьев под светлым вечерним небом. Тихо. Только вдали слышен глухой гул города. Загораются первые огоньки. Все красиво и **благообразно**. Поэты пишут об этом стихи. Какие стихи? Это обман! Для меня сейчас весь мир полон зла и горя. Люди за теми окнами страдают. Они мучаются болезнями. Или ненавидят. Или тоскуют. Пьют, дерутся. Считают деньги. Где-то еще дальше, за **горизонтом**, голодают. А там делают атомные бомбы. Готовятся обрушить на людей лавину смерти и мучений.

Нет, сейчас на меня не действуют светлое небо и запах цветов. Все мрачно. Нужно думать. Искать. Создавать **гармонию** с этим небом. А так им могут любоваться только слепые.

У двери дома. Слышу нежный детский голосок.

– Кто там?

Это моя внучка, Леночка. Ей четыре года. Она зовет меня папой, потому что настоящий папа ушел, когда она была совсем крошкой. Я ее очень люблю. Очень.

– Почему ты так поздно? Ты делал операцию?

Беру на руки, целую. А перед глазами – те девочки. У первой были такие же косички и **капроновые** банты. Только та очень худенькая.

– Делал операцию, да? Больная умерла?

Все это сказано веселым голоском. Для нее слово «умерла» еще ничего не означает.

– Да, моя милая, умерла.

Выходит жена. За много лет совместной жизни она научилась узнавать о смертях по моему лицу. Расспрашивать у нас не принято.

Все делается, как всегда. Переодевание. Домашние туфли. Обед в молчании. Если это можно назвать обедом. Не нужно внешних эффектов. Пусть идет все, как обычно. Только вот надо выпить. После такого дня это необходимо. Частенько ты стал прибегать к этому «лекарству». А что мне беречь?

Теперь по программе – сон. Под этим предлогом можно скрыться в кабинет и лечь на диван. Можно поставить на стул коньяк и рюмку. Как у **Ремарка** или **Хемингуэя**. Смешно. Даже в такие моменты человек поддается внешним эффектам. А может, только я такой?

Сон сегодня не состоится. В чуть затуманенной голове непрерывно проносятся образы прошедшего дня. Крик матери над гробом. Той, первой. Вторая мать: «...Пожалуйста... сделайте хорошо...» Не сделал. Не сумел.

Двери закрыты, и в соседней комнате тоже никого нет. Можно зажать голову руками и стонать: боже мой, боже мой...

Убийства. Ежедневно в больницах всего мира умирают люди. Нередко по вине врачей. Особенно хирургов. Терапевтам, тем легче: лекарство не подействовало, а больной умер сам. Жаль, конечно. Не спасли. Но что сделаешь, наука еще не всеильна... Да, разумеется, вы не виноваты.

Разные бывают убийства. Бандит убивает из-за денег или просто так. Это омерзительно, и его наказывают смертью.

Ревнивец убивает, потому что страдание сводит его с ума. Его наказывают легче. Иногда даже прощают. Люди все-таки уважают любовь. Впрочем, для убийцы иногда самое худшее – остаться жить. Но он вылечивается со временем. Как правило.

Шофер убивает случайно. Он несчастный. «Это» набрасывается на него, как зверь, калечит его. Иногда на всю жизнь. А что делать? Нельзя же разрешить шоферам давить людей безнаказанно.

Есть еще войны.

И вот здесь, на самом конце, – мы, хирурги. Нас никто не называет убийцами. Благородные цели. Человек в опасности, врач мужественно борется за его жизнь, ну и иногда проигрывает, Не сумел. Что поделаешь?

Не первый раз я лежу вот так на диване. Достаточно было смертей. Убийств? Да, и убийств. **Непреднамеренных**, как говорят юристы. Надо называть вещи своими именами. Я много думал и передумываю снова и снова. Тысячи сложных и сложнейших операций и... довольно много смертей. Среди них немало таких, в которых я прямо виноват. Нет, нет, это не убийства!

Все во мне содрогается и протестует. Ведь я сознательно шел на риск для спасения жизни.

Как все досадно! И горько. Где я ошибся сегодня? Нужно было остановиться. Как убедился, что **аневризма**, – так стоп. Зашить. До завтра бы продержались с переливаниями крови. Приготовили бы **АИК**, свежую кровь. Потом оперировать снова. Можно выключить сердце и спокойно ушить дырку в аорте, удалив долю легкого.

Э, брось. Это тоже очень трудно – прооперировать аневризму с машиной. И нужно было еще дожить до завтра.

Нет, все-таки шансов было бы гораздо больше. Ошибки. Как мальчишка, делаю ошибки...

Операции бывают разные. Оперировуешь тяжелораненого на войне. Смерть так, смерть так. То же самое, когда прорвется язва в желудке или перекрутятся кишки. Ошибки? Да, бывают ошибки, но деться некуда. Оперировать нужно быстрее.

Совсем другое дело вчерашняя операция. Девочка пришла на своих ногах и прожила бы еще года три-четыре. А теперь она лежит дома на столе, в переднем углу.

Выпьем.

Так отчего же умирают больные?

Все сделано правильно, а человек умирает. Не рассчитали. Во-первых, может быть, не сумели рассчитать. Врач оказался неумен. Во-вторых, потому что самого расчета нет. Наука плоха.

Сделано неправильно – где-то не так разрезал, или было очень трудно из-за характера самой болезни – ткани сильно изменены. Хороший мастер сделал бы, а похуже – не сумел. Смерть. Для десяти сделаешь, а на одиннадцатом – промахнешься. И опять смерть. Хирург – это не только врач. Это мастер. Как ювелир или слесарь-

инструментальщик. Бывают мастера хорошие и плохие. Плохие пусть лучше не берутся.

Чтобы уметь рассчитать, нужно быть умным и знать свою науку. Нужно учиться и учиться.

И все равно этого мало. Мой знакомый математик вообще не признает медицину наукой. Нет расчета – нет науки. Говорит, что нужны вычислительные машины. Может быть. Не знаю. Еще не вник. Но мозг человека явно не совершенен, если часто путает и забывает.

Чтобы хорошо оперировать, нужны не только рукодельные способности, но и опыт. Нужно много оперировать. И еще нужен характер. Как все здорово раскладывается по полочкам!

Значит, куда ни денся, а смерти будут? Нельзя ждать, пока медицина сделается точной. Пройдут десятилетия, много больных перемерет, не дождется. Человек не может не ошибаться при расчетах в любом деле. Но за наши ошибки платят жизнями. Чтобы научиться мастерить, нужна практика. Испорченные вещи. Наши вещи – люди.

Ужасно. И нельзя изменить.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы и поразмышляйте над ответами.

- 1) Почему, по вашему мнению, во время операции хирург нервничал и ругал окружающих его людей?
- 2) Как вы думаете, почему доктор не решился сам сказать о смерти девочки ее родителям?
- 3) Все ли меры принял врач для спасения девочки? Докажите примерами из текста.
- 4) Почему, на ваш взгляд, хирург запомнил

- девочку, которую оперировал? Как ее звали?
- 5) О чем думал герой повести, когда пришел домой?
  - 6) Что вы можете сказать о докторе как о человеке?
  - 7) Оправдывает ли доктор хирургов, неудачно сделавших операцию? Называет ли он их «убийцами»?
  - 8) Что означает словосочетание «врачебная ошибка»? Что думает доктор об этой проблеме?
  - 9) К какому выводу приходит герой, отвечая на вопрос: «Отчего умирают больные?»
  - 10) Как вы понимаете выражение «Хирург – это не только врач. Это мастер. Как ювелир или слесарь-инструментальщик»?
  - 11) Можно ли назвать повесть автобиографичной? Аргументируйте свой ответ.

Задание 2. Найдите в тексте слова и выражения, характеризующие состояние хирурга после операции.

Задание 3. Объясните, как Вы понимаете подчеркнутые в тексте слова и словосочетания?

Задание 4. Напишите небольшое сочинение-рассуждение на одну из мыслей героя:

- 1) «Чтобы уметь рассчитать, нужно быть умным и знать свою науку. Нужно учиться и учиться».
- 2) «Значит, куда ни денешься, а смерти будут?»

Отрывок из научно-фантастического романа «ЗАПИСКИ ИЗ БУДУЩЕГО»

Материал для справки: Анабиоз – состояние живого организма, при котором жизненные процессы (обмен веществ и др.) настолько замедлены, что отсутствуют все видимые проявления жизни.

Главный герой, у которого обнаружили неизлечимую болезнь, мобилизует все силы – свои и учеников – на создание установки для анабиоза. Опыт заканчивается удачно, проснувшись в будущем, через 22 года (в 1991 г.), герой излечивается, но не находит себе места в роботизированном мире.

Отрывок из главы 3 повествует о том, как ученый ставит опыт над собакой, о его мыслях и состоянии.

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Адаптация – приспособление к каким-либо условиям.

Антипод – противоположная точка.

Альвеолы – основной элемент легких, который обеспечивает газообмен.

Бродить – ходить без цели.

Вышколить – внушая строгие правила поведения, учить, воспитывать.

Гемоглобин – сложное вещество, содержащееся в эритроцитах крови и служащее для дыхания.

Гипоксия – нехватка воздуха, удушье.

Динамика – процесс изменения.

Изрекать – *устар.* говорить.

Инстинкт – чутьё.

Интеллектуал – человек, имеющий большие познания в разных науках.

Кибернетик – специалист, занимающийся управлением, связями и переработкой информации; программист.

Коммутатор – устройство для переключения каких-либо приборов.

Консервация – сохранение свойств.

Копуша – прозвище человека, который что-то долго и медленно делает.

Морока – затяжное, хлопотное дело, путаница.

Обольщаться – заблуждаться в своих идеях.

Оптимальный – наиболее подходящий.

Осциллограф – прибор, служащий для наблюдения и измерения параметров электрических сигналов.

Отказывнуть – *военн.* отдать честь, приложив руку к фуражке.

Патологический – ненормальный.

Препираться – спорить.

Плазма крови – жидкое межклеточное вещество, в котором находятся элементы крови.

Релаксанты – лекарственные препараты, которые расслабляют мышцы.

Электрокардиограф – это медицинский прибор, записывающий характеристики деятельности сердца.

Электроэнцефалограмма (энцефалограмма) – способ исследования деятельности мозга.

Эритроциты – красные кровяные клетки, которые принимают участие в транспортировке кислорода воздуха в ткани и поддерживают процессы биологического окисления в организме.

Задание 2. Определите значение терминов по словарю. К какому словарю вы обратитесь?

Электрокардиограф, график температур, фибрилляция, *один* кубик, плазма, оксигенатор, гемоглобин, гипоксия, калибр *вен*, электроэнцефалограмма, подкорка, релаксант, электрокардиограмма, дефибриляция, осциллограф, эритроциты, конденсатор.

Задание 3. Замените выделенные слова синонимами.

- 1) В современном мире только одна болезнь неизлечима – **бесчувственность**.
- 2) Человек способен подавлять инстинкты, зато у него появляется **увлеченность**.
- 3) Широкая лента электрокардиограммы ползет **непрерывно**.
- 4) На экране **прибора** заметны небольшие помехи.
- 5) **Оснований** для беспокойства нет.
- 6) Наши главные заботы: **снабжение** тканей кислородом, **удаление** углекислоты, поддержание кислотно-щелочного **равновесия**.
- 7) Использование препарата в процессе оперирования **совсем не эффективно**.
- 8) Видим **редкие** комплексы сердечных сокращений.
- 9) **Успех** в проведении операции зависит не только от хирурга, но и от его **ассистентов**.
- 10) Допустим, микробы или вирусы могут **подохнуть**.

Задание 4. Трансформируйте глагольные сочетания в именные.

Пересаживать органы, чувствовать боль, регистрировать показатели, дозировать лекарство, подавлять инстинкт, брать анализы, вводить релаксанты, восстановить работу сердца, закупоривать сосуды.

Задание 5. Прочитайте текст и выполните послетекстовые задания.

Чем это состояние отличается от смерти? Практически ничем. Электрическая активность мозга отсутствует. На **энцефалограмме** прямая линия. Сердце стоит. И все-таки какие-то молекулы сонно **бродят** в клетках, обмениваются электронами, выделяют энергию.

...Опыт идет хорошо. Собака заснула без всяких **патологических** сдвигов в составе крови. Значит, в клетках за это время не накопилось вредных продуктов. Важное условие пробуждения. И левый желудочек не переполняется. Очень боялся. **Мороки** было бы... Самое трудное впереди – оживить. Будем постепенно нагревать на **плазме**. Потом добавим крови, как только в венозной жидкости будет мало кислорода. Боюсь, что сердце будет слабо сокращаться, а АИК плохо приспособлен для параллельного включения. Правда, пробуждение сейчас не так важно. Отработают потом, когда буду спать. Успеют.

Болезнь ужасно меняет психику. Зачем «ужасно»? Не нужно сильных выражений. Больные видят все через свои страдания. Безразличное становится плохим. Просто плохое – отвратительным. А хорошее – не замечается. Все люди раздражают. Зависть. Эгоизм. «Доктор и сестры обязаны быть отзывчивыми, хорошими. Деньги получают». Даже я ловил себя на этом.

Анабиоз – медицина. Не знаю. Возможно, такая **консервация** будет полезна при некоторых болезнях. Допустим, микробы или вирусы могут подохнуть. Но они тоже сильно живучи. Если болезнь вызвала изменения структуры клеток, то от холода норма не восстановится. Это ясно.

Зато можно делать любые операции. Например, пересаживать органы. Однако **обольщаться** и тут не следует. Пересадка органов задерживается не техникой операций, а биологической несовместимостью тканей разных людей. Сомнительно, чтобы анабиоз в этом помог. Очень сомнительно. Скорее, нет. Петр Степанович говорил: только для сверхсложных операций.

Путешествие в будущее. Ну, а зачем туда ездить? Любопытство? Не в своей тарелке, наверное, будешь чувствовать себя там, когда проснешься через десять или сто лет.

Посмотрим. Отказаться можно перед самым опытом. Нет, тогда нельзя. Стыдно.

Чудеса науки сделают всех людей счастливыми.

Глупости. Счастье – это всего лишь возбуждение центра удовольствия. По разным поводам. Но никогда – стойко. Наступает **адаптация**, привыкание, и от счастья остается только след в памяти. Она честно регистрирует самочувствие этого центра. Записывает на пленку. Чтобы быть счастливым, нужно несчастье. Страдание. **Антипод**. Не обязательно много и долго. Можно найти **оптимальный** режим. Коротенькие встряски, чтобы человек не забывался и не начинал тосковать. Будущие **кибернетики** все рассчитают. Имею шансы посмотреть.

Черта с два. Это будет нескоро. Мои молекулы не выдержат, рассыплются. Да и едва ли оно будет вкусно, это дозированное счастье.

Пойти в операционную? Скоро будем оживлять. Нет, еще рано. Вдруг наш пес встанет и пойдет? Я даже его клички не знаю. Нечестно.

Выхаживать придется, как больного после тяжелой операции. Сидеть придется ребятам. ...

Юра – интеллектуюал. В хорошем смысле, без ругательств. Это слово совсем не предусматривает бесчувственность.

Лежу. Отдыхаю. Немножко думаю. Каждый орган чувствую – какой-то **коммутатор** переключает его к сознанию. Сердце: тук... тук... тук... Потом перебои: тук-тук... тук-тук. Легкие. Вдох – входит воздух, расправляются **альвеолы**.

Как хорошо вздремнул. Часы: прошло сорок минут. Иду в лабораторию. Мои органы еще не проснулись – не чувствую их. Здоров. Ненадолго.

Все мирно в этой комнате, как будто и не уходил. Шумит вентилятор под колпаком. Гудит мотор **АИКа**. Юра у своего пульта в выжидательной позе.

– Иван Николаевич! Мы готовы начать нагревание.

– Ну, в добрый час! Будет работать автоматика?

– А как же! До сих пор все идет нормально.

– А блок **электрокардиографа**?

– Уже работает. ...

– Ну, начинаем. Коля, включай программу.

Когда-нибудь так скажут и для меня: «Включай оживление!» И я оживу из мертвых. Для чего? Есть ли у тебя запас желания жить? Оно от **инстинкта** самосохранения. Пока живой – жить. Но человек способен подавлять инстинкты. Зато у него прибавляется увлеченность. Удовольствие от исканий. Работы. Хватит ли его на будущее? Какая она будет – наука? Любопытно. Страшит только одиночество.

Оставим эту тему. Нужно смотреть. Новая программа выразилась только усилением шума АИКа. Прибавилось число оборотов. Нет, немножко потеплел воздух под колпаком. Названия никак не придумаем: «колпак», но он длинный. «Корыто» – некрасиво. Неважно... Воздух дует через щели на меня.

– Игорь, пожалуйста, берите анализы чаще. Важно проследить динамику, чтобы подрегулировать.

Зря вмешиваюсь. Все расписано заранее: и частота анализов и воздействия. Но нужно же что-то делать? Никак не привыкну к новой системе, когда опыт для каждого расписан, как ноты в оркестре. Физиологи привыкли к «волевому» руководству: план опыта в голове у шефа, и он **изрекает** его в виде команд.

Пойду смотреть на графики. Интересно, как автомат будет справляться с нагреванием. Только не нужно мешать ребятам.

Широкая лента ползет непрерывно. В периоды записей ее скорость увеличивают. Самое интересное сейчас – это графики температуры. Выше всего в пищеводе. Вот дошло до восьми градусов. Прямая кишка отстала – только пять. Но включилась обратная связь – подъем пищеводной кривой замедлился. Разница с кишкой уменьшилась до двух. Снова обе кривые поползли кверху. Автоматика действует.

– Поля, какая производительность АИКа?

– Два с половиной литра.

Вот в пищеводе уже десять градусов. В прямой кишке – восемь. Это значит, что сердце даже теплее – через него проходит много крови, а температура ее уже семнадцать. Уже возможна некоторая электрическая активность. Посмотрим. Ничего определенного: то ли мелкая **фибрилляция**, то ли просто помехи.

– Иван Николаевич, нужно кровь заливать. Напряжение кислорода в оттекающей жидкости очень низкое – всего двадцать миллиметров.

Это Игорь. Вот что значит контроль!

– Давайте, Вадим, вы командуете по расписанию.

– Свистать всех наверх. Маша, остановишь машину.

Рита, выльешь шестьсот кубиков плазмы. Поля, зальешь столько же в **оксигенатор**.

– Подожди, подожди. У нас же есть не цельная кровь, а разбавленная. Ее нужно использовать в первую очередь.

– Да, верно. Сколько в ней **гемоглобина**?

– А, не мерили.

– Почему? Я же говорил.

– Не догадались. А ты ничего не говорил.

– Ну, перестаньте препираться! Меняйте литр жидкости.

– Есть, товарищ начальник.

Это Юра повысил голос. Вадим шутиливо **отказырнул**, но за этим немножко видна обида. Всегда физиологи командовали, а теперь – инженеры. Ничего. Если умный, поймет. Машина остановлена. Сливают **плазму**, вливают кровь.

Быстрее нужно, **копуши!** Молчи, не мешай. Начальников и так много.

– Пускайте!

Мотор зашумел. Остановка длилась две минуты. При такой температуре это пустяк.

Язык у собаки немного порозовел. По сосудам пошла кровь, а не вода.

Температура в пищеводе – тринадцать градусов. Электрическая активность сердца и мозга пока не видна. Странно. Немножко беспокоюсь. Неужели была допущена **гипоксия**? Может быть, нужно раньше заливать кровь?

– Измерьте, пожалуйста, процент гемоглобина, Вадим. Юра, мне кажется, что нужно еще добавлять крови, только теперь цельной.

Юра:

– Подождем градусов до восемнадцати? Оснований для беспокойства нет. Вот, смотрите, показатели напряжения кислорода и углекислоты в тканях.

Да, верно. Эти приборы очень хороши и для меня новы. Я еще им не очень верю. Соглашаюсь.

Температура воздуха под колпаком уже двадцать пять. Теплопередача в коже плоха, приходится давать больше тепла.

Неужели не проснется? Сейчас эта мысль у всех. Глупости, должна проснуться. То есть мозг должен заработать (должен?), а вот как сердце – я не уверен. Если и запустим, то как будет сокращаться?

Но все-таки хорошо, если бы собака выжила. Настроение бы было у всех другое. Столько трудов затрачено.

– Смотрите, температура уже восемнадцать! А в прямой кишке только четырнадцать. Юра, твоя автоматика подводит.

Это Вадим.

– Подожди, подожди, сейчас выровняются. Видишь, замедлился подъем. Ты давай лучше кровь меняй.

«Лучше». Нехорошо. Не нужно показывать власть. Вадим стерпел.

Активность около АИКа. Нужно выпустить литр разбавленной крови и влить столько же цельной. Не будем вмешиваться: дело Вадима. Можно даже посидеть немного, ноги устали. Времени – четвертый час. Сажусь. Слабоват. Во рту сохнет. В животе тянет.

Для первого опыта идет хорошо. Столько аппаратуры, и все работает. Удивительно. Здорово Юра **вышколил** своих помощников. ...

– Глядите, Иван Николаевич, видна фибрилляция. Верно, видна. Амплитуда зубцов еще маловата. Температура всего двадцать пять. Правда, на сердце выше. Наверное, двадцать восемь.

Мозг тоже заговорил: на **энцефалограмме** видны хорошие волны. Значит, все живое. Хорошо. Так и быть должно.

Воздух под колпаком совсем теплый. Автоматика действует. Две минуты на градус. Наши главные заботы: снабжение тканей кислородом, удаление углекислоты, поддержание кислотно-щелочного равновесия. Производительность АИКа достигла двух с половиной литров. Выше не поднимается – калибр вен мал, отток крови затруднен. Ничего сделать нельзя. Но и этого достаточно.

– Мила, нужно дышать понемногу. Чтобы альвеолы расправились.

Температура тридцать градусов.

На электроэнцефалограмме глубокие волны, как во время сна. Собака вот-вот проснется. Все смотрим на нее.

Появились первые дыхательные движения. Значит, подкорка уже действует. Однако дыхание нужно выключить, оно мешает искусственному. Вадим командует:

– Введите **релаксанты**. Прямо в **оксигенатор**. Ввели. Все тело обездвижено. ...

В операционной тихо. Каждый занят своим делом. Посторонние разговоры шепотом.

Приближается важнейший момент – восстановление работы сердца. На электрокардиограмме видим крупноволновую фибрилляцию. Так и представляю, как

дрожит поверхность сердца. Что бы ему стоило начать сокращаться? Нет, не хочет.

Дефибрилляция через грудную стенку не столь эффективна, как на обнаженном сердце. Но все-таки обычно удается.

– Готовьте дефибриллятор. Хорошо смочите марлю на электродах. Да, нужно шкуру побрить против сердца. Почему заранее не сделали? Вадим, это в вашем ведении?

– Мы не забыли. Примета плохая: если все приготовишь на конец опыта, то собака раньше помрет. Девушки, выстригите место под электроды. Живо!

«Примета». Ученые!

Ждем. Температура тридцать пять градусов. Это значит, что на сердце – выше. Пора.

– Вадим, дефибриллируй.

Он надевает перчатки. Под ноги – резиновый коврик. К груди собаки приставляет электроды, обернутые мокрыми салфетками. Коля заряжает конденсатор дефибриллятора. Напряжение – 5000 вольт.

– Отключите приборы?

– Все готово? Юра, можно? Спросил начальство. Хорошо.

– Гулый, давай разряд! Все замерли.

Раздался легкий щелчок. Готово. Юра командует:

– Включайте приборы. Толя, переключи электрокардиограмму на большой осциллограф.

Смотрим на экран. Нет.

– Фибрилляция продолжается. Вадим, нужно повторить. Юра, сколько можно дать максимально?

– 7000. Заряжай, Коля.

Вся процедура повторяется. Как в романах о летчиках: «Контакт!» – «Есть, контакт!» Настроение понизилось: может не пойти.

– Даю разряд!

Щелчок. Собака судорожно дернулась. Здорово дали.

– Включайте приборы!

– Ура! Пошло!

Пошло. Видим редкие комплексы сердечных сокращений. Теперь их нужно усилить.

– Введите пять сотых кубика адреналина! Прямо в машину! Мила, хорошее дыхание, глубокое!

Вот стало лучше. Раз, два, три... Двенадцать за десять секунд. Хорошо. Нужно дать ему нагрузку.

– Уменьшайте производительность АИКа до одного литра. Постепенно, за две минуты.

Теперь мы смотрим на кривую артериального давления. Юра переключил ее на большой экран.

Давление низкое.

– Товарищи, а что, если мы попробуем остановить АИК?

Это – ко всем. Молчат. Опыта нет.

– Игорь, пожалуйста, обеспечьте определение минутного объема сердца через каждые пять минут. Это очень важно. Возможно?

– Попробуем успеть.

– Тогда давайте останавливать. Поля, готово? Машину остановили. Вот давление падает. Все падает.

Остановилось на пятидесяти. Мало. Но сокращения, кажется, хорошие. Продолжаем.

– Определяйте минутный объем, Игорь.

– Подождите немного, пусть установится режим.

Это Юра. Прав. Минут пять нужно ждать. Как раз пока меняют кровь в оксигенаторе. Потом можно подкачать свежей, если будет плохо.

Все-таки оживили. АИК стоит, а собака жива. Это уже успех. Очень рад. Нет, подожди. Она еще не

просьпалась. Хирурги пишут, что главная опасность – мозговые осложнения. Закупорка мельчайших сосудов мозга сгустками **эритроцитов**, потом его отек. Но у нас при низкой температуре была только плазма, закупорить нечем. Посмотрим.

Времени – четыре часа. Не так уж и поздно. Но я устал. Хочется лечь, а уйти нельзя. Еще могу принести пользу.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы.

- 1) С какой трудностью во время операции столкнулся доктор и его помощники?
- 2) Сколько действующих лиц в этом отрывке? Дайте краткую характеристику каждому.
- 3) Почему перед операцией ассистенты не побрили шкуру собаки в области сердца?
- 4) Согласны ли вы с утверждением, что чудеса науки сделают всех людей счастливыми? Почему?
- 5) В чем, по-вашему, заключается успех операции?
- 6) Почему, по вашему мнению, повесть названа «Записки из будущего?»

Задание 2. Как вы понимаете следующие слова и выражения? В каких ситуациях они использованы?

Чувствовать себя не в своей тарелке, черта с два все будет, в добрый час, свистать все наверх, как ноты в оркестре.

Задание 3. Опираясь на Ваши знания об анабиозе,

порамышляйте над вопросом: является ли выходом из положения – «законсервировать» функции человеческого организма, а значит, и самого человека в случае трудноизлечимой болезни? Пофантазируйте, что может случиться с человеком, когда он «проснется» лет через 50.

ПЕТР ЛУКИЧ ПРОСКУРИН

Петр Лукич Проскурин (1928 – 2001 гг.) – писатель и общественный деятель. Родился в поселке Косицы Брянской области, в крестьянской семье. Детские и юношеские годы прошли в родном селе, во время Отечественной войны оккупированном фашистами. После службы в армии Проскурин работал на Камчатке лесорубом, шофером, сплавщиком, плотником. Здесь начинается его литературная деятельность. В 1962-64 гг. учился в Москве на Курсах повышения квалификации при Литературном институте им. М. Горького. Им написаны и опубликованы романы «Горькие травы» (1964), «Исход» (1966), «Камень сердолик» (1968) и др. В 1970 – 80 гг. были опубликованы такие произведения писателя, как «Судьба» (1972), «Имя твое» (1977), «Черные птицы»

(1983), «Порог любви» и «Тайга» (1985). Последний роман писателя – «Число зверя». Петр Проскурин – Герой Социалистического Труда, лауреат Госпремии России и Госпремии СССР. В 2000 году стал почетным гражданином Орла.

Отрывок из рассказа «ПОД ЯРКИМИ ЗВЁЗДАМИ»

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Играть свадьбу – праздновать свадьбу.

Изношенное сердце – очень больное сердце.

Леспромхоз – в СССР предприятие лесозаготовительной промышленности, занимающейся заготовкой, вывозкой, разделкой по сортам и отгрузкой древесины, первичным сплавом леса.

Настывший воздух – морозный воздух.

Не даром топтать землю – жить так, чтобы своим трудом приносить пользу людям.

Пенсия – денежное обеспечение, получаемое гражданами в старости за выслугу лет, при потере трудоспособности. Определенным категориям трудящихся пенсии назначаются на льготных условиях.

Прииск – место добычи, разработки драгоценных ископаемых.

Рудник – горнопромышленное предприятие для добычи руды (горной породы, содержащей металлы, а так же другие полезные ископаемые).

Спать на один глаз – спать чутко, просыпаясь от малейшего шума.

Тайга – тип растительности с преобладанием хвойных лесов. В России распространена в Сибири.

Задание 1. Найдите в словаре значения следующих слов.

Бархат, вечный, гореть, жажда, карман, лыжи (кататься на лыжах), потребность, посёлок, прилив, рассвет, сук, тропинка, чемодан, чудо (мн. чудеса), этажерка, яркий.

Задание 2. Замените выделенные слова синонимами.

1. Хирург почувствовал, что его пальцы не **утратили** гибкость. 2. Николай Иванович внимательно **оглядел** молодого человека. 3. Доктор **взглянул** на часы. 4. Он забыл лекарство дома, потому что очень **торопился**.

Слова для справок: осмотреть, посмотреть, спешить, потерять.

Задание 3. А. Выпишите из текста глаголы движения «идти» и «ехать» с приставками. Объясните разницу в их значении. Составьте и запишите словосочетания с этими глаголами.

Б. Заполните пропуски подходящими по смыслу глаголами:

1) Николай Иванович уже давно ... на пенсию. 2) У него большое сердце, поэтому он не может ... быстро. 3) Завтра ко мне в гости ... мой друг. 4) Ты ... отдыхать на поезде или на машине? 5) Мне нужно 25 минут, чтобы ... до работы. 6) Занятия закончились и преподаватель ... из аудитории. 7) Вечером мы хотим ... в кино.

Слова для справок: идти, пойти, дойти, прийти, выйти, уйти, приехать.

Задание 4. Определите значение слов, исходя из значения их составных частей.

Метеостанция, бесчисленный, безграничный, безнадёжный.

Задание 5. Прочитайте однокоренные слова, определите их грамматические классы и значение. Составьте с новыми словами словосочетания или предложения.

- 1) Сила, сильный, усиливаться/усилиться, усилие.
- 2) Тёмный, темнеть/потемнеть, темнота.
- 3) Ждать, ожидать, ожидание, неожиданно.
- 4) Спокойный, спокойно, спокойствие, успокаиваться/успокоиться, беспокоиться.
- 5) Мигать, миг, мгновение, подмигивать/подмигнуть.
- 6) Практика, практический, практиковать, практикующий (врач), практикант (-ка).
- 7) Спешить, спешка.

Задание 6. Определите разницу в значении следующих глаголов.

- 1) дышать, задышаться, отдышаться
- 2) нести, снести, понести
- 3) засыпать, просыпаться
- 4) научиться (чему? что делать?), разучиться (что делать?)

КАК ДАТЬ ХАРАКТЕРИСТИКУ ПЕРСОНАЖА?

Запомните! Охарактеризовать человека можно с помощью прилагательных.

«свойство личности». Эти прилагательные можно разделить на 4 основные

- 1) Нравственная характеристика (*добрый, злой, ...*)
- 2) Интеллектуальные возможности личности (*талантливый, без...*)
- 3) Характеристика поведения, общения с другими людьми (*вежл...*)
- 4) Характеристика отношения человека к работе, к людям, пр (*легкомысленный, серьезный, безответственный, ...*).

Задание 7. Определите значение слов, исходя из значения составных частей.

Дображелательный, злопамятный, жизнерадостный, трудолюбивый, трудоспособный, бездарный, легкомысленный, миролюбивый, равнодушный, безответственный.

Задание 8. Образуйте от данных ниже прилагательных существительные со значением «свойство личности» по образцу.

1) добрый – *доброта*
простой –

ответственный
серьёзный –
отзывчивый –

2) скромный – *скромность*
вежливый –
решительный –
трудоспособный –

Задание 9. К словам из левой колонки подберите антонимы из правой колонки.

добрый	талантливый
бездарный	общительный
вежливый	грубый
легкомысленный	серьёзный

равнодушный замкнутый	злой отзывчивый
--------------------------	--------------------

Задание 10. Как можно назвать человека, ...

- которого не волнуют радости и несчастья других людей;
- который легко знакомится с другими людьми, умеет поддержать разговор в незнакомой компании;
- который не любит трудиться;
- который не любит говорить о своих успехах, не хвалит себя;
- который долго помнит причинённое ему зло.

Запомните модели, с помощью которых сообщают о свойствах личности:

Модели:

Кто? (— это) *какой?* человек (скромный, честный, ленивый, добрый, ...)

Кто? каков? (скромен, честен, ленив, добр, ...)

Кто? отличается чем? (скромностью, ...)

Кому? свойственно что? (скромность, ...)

Задание 11. Сообщите о свойствах личности.

лицо	свойство личности
1) он	добрый
2) она	талантливый
3) мой друг	скромный
4) моя подруга	общительный
5) мой сосед	замкнутый
6) моя однокурсница	легкомысленная

Задание 12. Прочитайте рассказ П. Проскурина

«Под яркими звездами» и выполните послетекстовые задания.

I

Северная полночь подкралась неслышно и мягко. Николай Иванович взглянул на часы и задумался. В этот момент дверь стремительно открылась.

Поправив очки, Николай Иванович с удивлением оглядел молодого великана в полушубке и спросил:

– Что вы хотите, молодой человек?

– Вы – Аксёнов? Доктор Аксёнов?

Он сильно волновался, забыл даже поздороваться.

– Доктор? Возможно... Впрочем, доктором я перестал быть очень давно, с тех пор, как ушёл на пенсию.

– Доктор, вы должны помочь. Я – Серёгин, с метеостанции. Понимаете, она только сегодня приехала... Такое несчастье... Вышли на лыжах и она упала на сук. Пробита грудь, правая сторона. Без памяти... По тропинке её не снести... Вы должны пойти со мной, доктор...

Серёгин старался говорить спокойно, но не мог. На лбу выступил пот, щёки горели. Николай Иванович молчал. Годы, старое, изношенное сердце... О чём тут можно говорить? Серёгин понял его без слов, безнадежным голосом сказал:

– Только вы можете помочь, доктор... О вас рассказывают чудеса. Поймите! – неожиданно он повысил голос, почти закричал. – Это же – ОНА!

Последние слова были произнесены так, что у доктора сильнее забилося сердце.

– Она? – переспросил Николай Иванович, думая о том, где у него может быть чемоданчик с инструментами. Серёгин повторил:

– Она, доктор... Настенька...

– Гм... И всё же, молодой человек, не теряя времени, обратитесь к хирургу Поприщенко. Он живёт через два дома от меня. А мне не дойти.

Николай Иванович посмотрел в глаза молодому человеку и замолчал. Он вдруг понял, что тот ему не верит, не может верить, не хочет верить. Ведь там была – она. А он знаменитый хирург, и в глазах парня светилась безграничная вера. И Николай Иванович сказал:

– Беги к Поприщенко, скажи, что Аксёнов просит его прийти. Взять всё нужное для операции в грудной полости и прийти. Медсестру пусть позовёт...

– Доктор...

– Не разговаривать! Марш! Марш! – крикнул он, вспоминая военное время и радуясь необычному приливу сил и бодрости. – Марш! – с удовольствием повторил он.

Стукнула дверь. Николай Иванович стал быстро ходить по комнате, собирая нужные вещи. На некоторое время его опять охватило сомнение, он старался думать о другом, но знал точно, что на метеостанцию пойдёт.

Это была потребность, похожая на жажду. Ожидание только усиливало это чувство. Когда, наконец, вернулся Серёгин в сопровождении Поприщенко и студентки-практикантки, Николай Иванович проворчал, что люди совершенно разучились волноваться и торопиться.

II

Они вышли из посёлка. Было уже далеко за полночь. В посёлке гасли огни. Но звёзды от мороза горели всё ярче и начинали излучать синеватое сияние.

Подниматься в гору было трудно. А Серёгин шёл очень быстро. Николай Иванович хотел попросить, чтобы

шли помедленнее, но поскользнулся и упал. Серёгин поднял Николая Ивановича и, как ребёнка, поставил на ноги.

– Давайте я вас понесу, доктор, – предложил он. – Быстрее будет. Мне ведь это совсем нетрудно.

Несмотря на серьёзность положения, все засмеялись. Эта остановка помогла Николаю Ивановичу слегка отдышаться. Незаметно для себя доктор ускорил шаг. Мигавшие звёзды, казалось, торопили его, а снег под ногами насмешливо скрипел: «Зря... Зря... Зря...»

Он опять начинал задыхаться и знал: если не отдохнуть...

Как только он подумал об этом, у него потемнело в глазах, и следующий шаг он сделал через силу. Но это усилие помогло, и он не упал, а продолжал идти, и даже дышать ему стало легче. Мысли вернулись к тому далёкому времени, когда в стране шла гражданская война (1918-1922 гг.), и он, молодой тридцатилетний врач, оперировал и красных, и белых. Тогда он мог работать сутками. Были силы, большие планы. Давно бы можно было стать академиком, а вот не стал...

Николай Иванович помнил десятки людей, которых оперировал. Вспомнился и первый пациент – мальчик десяти лет – Володя. Случай лёгкий – аппендицит, но это была первая самостоятельная операция...

Николай Иванович не мог не волноваться и во время осмотра лежащей без сознания девушки, и готовясь к операции. Но это было особое волнение. Оно исчезло, когда хирург почувствовал в руке скальпель: пальцы ещё не утратили гибкости. Готовясь сделать разрез, он вдруг увидел Серёгина, тот с надеждой смотрел на доктора. Улыбнувшись глазами, хирург сказал:

– Иди и будь спокоен. Пройдет месяц, и – можете

играть свадьбу.

Часа через три в домике метеостанции наступила тишина. Серёгин, сидевший у изголовья больной с тех пор, как кончилась операция, задремал. Но сам Николай Иванович никак не мог успокоиться. Это было от перенапряжения последних часов. Где-то возле сердца начинало ныть – первый признак того, что скоро начнется приступ. Он сунул руку в карман: в спешке он, кажется, забыл флакончик с лекарством, который всегда носил с собой. Медленно, стараясь успокоиться, хирург стал ощупывать один карман за другим, но вдруг вспомнил, что видел флакончик дома, на этажерке, перед самым уходом.

В следующую минуту он хотел кого-нибудь позвать, но понял, что уже никто и ничто ему не поможет. Потом он увидел яркий огненный след. Это упала звезда.

И в то же самое мгновение проснулся Серёгин. Стояла тишина. Николай Иванович по-прежнему сидел, уронив голову на грудь. Из другой комнаты слышался здоровый храп Поприщенко.

Настенька спокойно и ровно дышала во сне. Серёгин осторожно взял её руку – рука была нежной и тёплой.

– Живая...

Скоро должен был наступить рассвет, но пока в тёмном бархате неба ярко сияли бесчисленные звёзды. Гореть им, не сгорая, – вечно.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы:

- 1) Когда начинается действие рассказа?
- 2) Кто пришёл к доктору?
- 3) О чём рассказал Серёгин?
- 4) О чём молодой человек попросил доктора?

- 5) Почему именно доктор должен был идти к раненой девушке, а не наоборот?
- 6) Какие чувства испытывал Серёгин (найдите в тексте слова и выражения)?
- 7) Какой была первая реакция доктора на просьбу Серёгина? Почему?
- 8) О чём попросил доктор, когда решил пойти на метеостанцию?
- 9) Что стал делать доктор, когда Серёгин ушёл?
- 10) Что почувствовал доктор после принятия решения?
- 11) Что произошло по дороге на метеостанцию?
- 12) Как себя чувствовал доктор?
- 13) О чём он думал и вспоминал?
- 14) Что чувствовал доктор до операции и во время неё?
- 15) Что произошло после операции с доктором?

Задание 2. Объясните, как вы понимаете следующие выражения.

«Изношенное сердце», «быть без памяти».

Задание 3. Выскажите свое мнение по вопросам.

- 1) Почему доктор передумал и решил идти с Серёгиным?
- 2) О каких качествах личности это говорит?
- 3) Какие чувства испытывал Серёгин к девушке, по вашему мнению?
- 4) Почему старый хирург умер? Какими словами автор об этом говорит?
- 5) Понравился ли вам главный герой рассказа?
- 6) Каким он был человеком? Объясните, почему вы так думаете.

- 7) Как вы думаете, почему доктор Аксёнов не стал академиком?
- 8) Правильно ли, по вашему мнению, поступил Николай Иванович? Аргументируйте свой ответ.
- 9) Мог ли, по-вашему, автор закончить рассказ по-другому? Как?
- 10) Как вы понимаете название рассказа? Сколько раз автор упоминает в рассказе звёзды? Как вы думаете, какой смысл вложил автор в слово «звезда»?

Задание 4. Найдите в тексте предложения, в которых говорится о чувствах героев рассказа. Выпишите слова и модели, которые помогут вам при пересказе.

Задание 5. Замените прямую речь героев косвенной. Сделайте это по образцу.

Образец:

Я сказал брату: «Посмотри этот фильм». — Я сказал брату, чтобы он посмотрел этот фильм.

А. Доктор сказал Серёгину:

- Обратитесь к другому хирургу!
- Не разговаривайте!
- Бегите быстро, позовите Поприщенко и медсестру!
- Иди и будь спокоен.

Б. Серёгин сказал доктору:

- Я работаю на метеостанции.
- Вы должны пойти со мной, доктор!
- О вас рассказывают чудеса.

– Я вас понесу. Мне не трудно!

Доктор ответил:

– Я перестал быть доктором, я уже давно на пенсии.

Задание 6. Кратко передайте содержание рассказа.

Начните свой рассказ так:

1. Этот рассказ написал русский писатель Петр Проскурин. Действие рассказа происходит ... .

2. Затем коротко опишите события, происходящие в рассказе.

3. Охарактеризуйте главного героя рассказа. Расскажите о нём по следующему плану:

- возраст
- профессия, профессиональные качества
- черты характера (аргументируйте свой ответ примерами из текста)
- чувства героя (до принятия решения идти на метеостанцию и после этого, до операции, во время операции)

4. Выскажите свое мнение о поступке доктора Аксёнова.

Задание 7. Выполните тест.

ЧАСТЬ 1

1. О ком идёт речь в рассказе?

- А) о молодом хирурге
- Б) об известном практикующем враче
- В) о старом враче-пенсионере

2. Где живут герои рассказа?

- А) в Москве

Б) в небольшом посёлке на Севере

В) в южном городе

3. Кто пришёл ночью к доктору Аксёнову?

А) Серёгин, молодой человек с метеостанции

Б) молодой хирург

В) его старый друг

4. Кому нужна была медицинская помощь?

А) Серёгину с метеостанции

Б) знакомой девушке Серёгина

В) студентке-практикантке, которая жила в поселке

5. Почему девушка Серёгина Настенька была на метеостанции?

А) она там работала

Б) она тоже жила в посёлке

В) она приехала в гости к Серёгину

6. Что случилось с девушкой, когда она каталась на лыжах?

А) она упала и получила тяжелую травму – ранение груди

Б) она сломала ногу

В) у неё было сотрясение мозга

7. Почему Серёгин обратился именно к доктору Аксёнову?

А) он был единственным врачом в поселке

Б) Аксёнов раньше был очень известным специалистом в этой области хирургии

В) второй врач, Поприщенко, уехал в отпуск

8. Почему доктор должен был идти на метеостанцию?

А) в это время трудно было найти машину, чтобы привезти больную

Б) девушка была в тяжелом состоянии и не могла идти

В) на метеостанцию можно было дойти только пешком по тропинке

9. Почему старый доктор сначала не хотел идти с Серегиным?

А) он считал, что хирург Поприщенко сможет сделать операцию лучше него

Б) ему не хотелось так далеко идти ночью

В) у него было больное сердце, и он уже давно был на пенсии (т.е. не имел права оперировать)

10. Что посоветовал доктор Серёгину?

А) обратиться к другому хирургу, который жил в посёлке

Б) ехать за врачом в другой посёлок

В) подождать до утра

ЧАСТЬ 2

1. Какое решение принял доктор Аксёнов?

А) идти на метеостанцию

Б) не ходить на метеостанцию

В) вызвать другого хирурга

2. Почему доктору было трудно идти?

А) он был старым человеком

Б) у него было больное сердце

В) дорога была трудная, и у доктора начался приступ

3. О чём думал доктор по дороге?

- А) об операции
- Б) о своей болезни
- В) о своей молодости, работе, пациентах

4. Кто был первым пациентом доктора Аксёнова?

- А) девочка с травмой руки
- Б) мальчик с аппендицитом
- В) солдат во время войны

5. Какие чувства испытывал доктор во время операции?

- А) он был спокоен, потому что понял, что может хорошо сделать операцию
- Б) он волновался, т.к. давно не оперировал
- В) он боялся, что не сможет спасти девушку

6. Почему доктор не смог купировать приступ?

- А) он отдал своё лекарство больной девушке
- Б) в спешке он забыл лекарство дома
- В) у него закончилось лекарство

7. Чем заканчивается рассказ?

- А) старый доктор не смог спасти девушку
- Б) доктор спас девушку, и сам остался жив
- В) операция была успешной, но доктор умер

КЛЮЧИ

(часть 1): 1В, 2Б, 3А, 4Б, 5В, 6А, 7Б, 8В, 9В, 10А

(часть 2): 1А, 2В, 3В, 4Б, 5А, 6Б, 7В

ЮЛИЙ ЗУСМАНОВИЧ КРЕЛИН

Юлий Зусманович Крелин (1929 – 2006 гг.) принадлежит к числу тех писателей, которые пришли в литературу, не оставляя свою первую профессию. Ю. Крелин окончил медицинский институт в 1954 году, защитил диссертацию и стал кандидатом медицинских наук, заведующим хирургическим отделением одной из московских больниц. Через 10 лет после окончания вуза в журнале «Новый мир» появилась его первая публикация – серия новелл под общим названием «Семь дней в неделю». Эта книга о беспокойной, ответственной работе хирурга, о часах, проведенных у операционного стола и постели больного, о смертях и «чудесных» исцелениях.

Самое значительное из написанного впоследствии – повести «От мира сего», «Суета», «Очередь», объединенные в книгу «Хроника одной больницы». Особенностью его книг является отсутствие четкого сюжета. Персонажи Крелина много думают и много говорят. Автор воссоздает поток жизни, работы врача. Практически все произведения Крелина посвящены работе хирургов. Ю. Крелин – профессиональный хирург, поэтому образ медика, созданный Крелиным-писателем, отличается

особой достоверностью. На многих страницах его книг с блеском описана работа хирурга. Слова одного из героев повести Крелина «От мира сего» являются ключевыми для тех, кто хочет стать медиком: «Я честно трудился. Так и только так можно добиться успеха в нашем деле. Все великие хирурги, все трудились в клиниках до кровавых мозолей... Хотите быть хорошими врачами, помните: лишь терпение и труд перетрут канат, удерживающий вдали от нас знания и умения». Произведения Крелина посвящены главному делу его жизни: больным, врачам, медицине. В то же время эти книги не относятся к числу узкопрофессиональных. Они не просто раскрывают особенности и секреты врачебной специальности, они пытаются постичь философию профессии. Предлагаем прочитать рассказы из книги «Семь дней в неделю».

Рассказ «ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?..

(из книги «Семь дней в неделю»)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий.

Атропин – лекарственный препарат, который применяется при болезнях желудка и двенадцатиперстной кишки.

Величавый – гордый.

Вздыхаться – подниматься в воздух, вставать над чем-то.

Внушать – учить, наставлять, доказывать.

Возражать – не давать согласия.

Гангрена – омертвление части тела.

Дискуссия – спор.

Желчный пузырь – часть поверхности печени.

Изойти – от болей изойдёт, то есть, будет сильно мучиться от нестерпимых болей.

Инфаркт – разрыв сердца.

Кабы – (*простореч.*) если.

Категорически – решительно, твердо, наотрез.

Компетентный – знающий, профессиональный.

Консервативный – отстаивающий неизменность чего-либо, враждебный к новому.

Лейкоциты – клетки крови, основная функция которых – бороться с инфекционными клетками.

Наверняка – точно, в любом случае.

Нелепый – глупый.

Низвести – свести, опустить, принизить.

Обойтись – быть, привыкать.

Обречь – осудить.

Ординаторская – комната для врачей в больнице.

Пенициллин – первый антибиотик.

Поди-ка – выражает недоуменье, неприятность: вот и думай, и делай что знаешь!

Подступиться – приближаться.

Принцип – точка зрения, позиция.

Прописать ижицу – (*фразеол.*) трудновыполнимое задание.

Регламентировать – приводить в порядок, упорядочивать, урегулировать.

Рефлекторные (боли) – мышечные острые боли.

Свойственно – характерно.

Сердечные – лекарственные препараты от болезней сердца.

Стрептомицин – лекарство для заживления ран

Уязвимое (место) – ранимое, чувствительное,

слабое.

Формальность – официальность.

Шлак – мусор, что-то ненужное

Щелки – узкие отверстия. Обычно в копилках для собирания мелочи в монетах.

Электрокардиограмма – графическая запись работы сердца, сделанная электрокардиографом.

Задание 2. Выделите приставки в глаголах и определите их значение.

Прощупать, внести, выдержать, прописать, сотворить, разгружать, подсказать, посоветовать, отослать, разлить.

Задание 3. Восстановите цепочку, добавляя компоненты там, где они необходимы.

- 1) ..., спокойнее, ... ;
- 2) ..., тяжелее, ... ;
- 3) ..., ..., лучший;
- 4) плохой, ..., ...;
- 5) ..., ..., самый дальний;
- 6) ..., полегче, ...;
- 7) ..., нужнее, ...;
- 8) высокий, ..., ...;
- 9) ..., добрее, ...;
- 10) ..., ..., сильнейший.

Задание 4. Перепишите предложения, выбирая из скобок глагол нужного вида. Объясните, почему в некоторых предложениях возможно употребление совершенного и несовершенного вида глаголов-сказуемых.

- 1) Если лопнет пузырь, мы (*терять* – *потерять*)

пациентку наверняка.

- 2) Два раза кардиограмму (*делать – сделать*).
- 3) Если ждать дальше, пузырь (*рваться – прорваться*) и сложнее будет (*спасать – спасти*) человека.
- 4) Чтобы не уснуть во время дежурства, она [медсестра] время от времени (*развлекать – развлечься*) книгами.
- 5) Когда мы начинаем просить расписку, и больные и родственники на это не (*решаться – решиться*) и начинают думать серьезно.

Задание 5. Прочитайте рассказ «Что же делать?..» и выполните послетекстовые задания.

В приемный покой внесли больную.

– Что случилось?

– Болит, доктор, все.

– А что же – все?

– Живот болит. Сердце болит. Все болит. Сами ищите.

– А что же раньше всего заболело?

– Не знаю. Три дня болит живот. И сердце болит три дня.

– Вы одна? Вас никто не провожает?

– Все заняты. Да и зачем? На машине ведь повезли.

Болел живот. Рвота была. Потом, а может, сначала появились боли в сердце. Нет, наверно, все-таки потом появились боли в сердце. В животе, справа, в подреберье прощупывается плотный, очень болезненный желчный пузырь. Когда его щупаешь, становится страшно: сейчас лопнет. Быстрее оперировать? Сердце стучит глухо.

Может, лучше подождать? Подождать «с ножом в

руках?» А что скажет терапевт?

Сердце стучало глухо. Терапевт был тих и неуверен.

– Если можете ждать, ждите.

Главный хирург:

– Попробуй лечить так. Если лучше не будет – с богом. Следи внимательно. Пузырь если лопнет, потеряем ее **навверняка**. Не тяни долго. Не будет лучше – делай.

Главный терапевт:

– На **электрокардиограмме** инфаркта нет. Но кто его знает. Постарайтесь сегодня быть **консервативными**, не оперировать. Ну, а нет...

Лед на живот. Жидкости под кожу, в вену. **Пенициллин. Стрептомицин. Сердечные. Атропин.** Кислород. Каждые два часа анализ крови. Каждый час ощупывание – пузырь оставался большим.

Но больная спокойнее. Боли, кажется, меньше. А может быть? Больные с желчными пузырями все толстые. Крепостью **вздымается** живот над кроватью. **Подступись.** А сердце?! Что же делать? Нет родственников. Не приходят. Больная спокойнее. Пузырь растет. Может, там уже **гангрена** – потому и болит меньше. Кабы речь шла обо мне, я бы решился на операцию. А вот **поди-ка** за нее реши. За другого тяжелее.

Что же делать? Если бы сердце было получше. Как быть? Голова лопается.

Состояние прежнее. Дальнейшего улучшения не наступает. Больная лежит. Пузырь растет.

Больная у нас уже двадцать часов.

Пришел сын.

– Знаете ли... матушку вашу, по-видимому, придется оперировать. Сердце не очень... Пытаемся обойтись без операции. Но похоже... придется решиться.

Сын круглый, полный, лицо добродушное. Улыбается

добро, а при этом и без того маленькие глазки выглядывают как бы из **щелки** копилки.

– Нет, оперировать ее нельзя. Сердце не выдержит.

– Может, выдержит. Будем следить. Подождем еще. Неизвестно, что придется ставить на первое место в этой ситуации. Сердце – будем ждать. Пузырь – придется оперировать. Короче говоря, оперировать будем только при ухудшении. Только в крайнем случае.

– Нет. Оперировать ее нельзя все равно. Сердце не выдержит.

– Вам ведь это трудно решать так **категорически**. Вы же в этом мало понимаете. Мы врачи, но хирурги, поэтому тоже сами не решаемся – недостаточно **компетентны**. Терапевтов зовем на помощь, на совет.

– Это верно, конечно. Но оперировать ее нельзя. Сердце не выдержит.

Что же делать? Ничего себе настрой. А если все-таки не будет выхода? Если пузырь лопнет, она ведь от болей **изойдет**. Сама просить будет. А если умрет? Этот толстяк добряк **пропишет нам ижицу**: «Я же говорил!» Поди объясни.

Пока оперировать других будем. Ясных и понятных.
Мыться!

После операции все опять собрались у больной. Живот стал хуже. Появились признаки воспаления брюшины – перитонит.

Надо оперировать!

Снова электрокардиограмма – инфаркта нет. Терапевты решили – **боли** в сердце **рефлекторные**, от пузыря. Сердце выдержит. Более того, после операции боли в сердце должны пройти.

Надо оперировать!

Но ведь все может быть. Может и умереть. Можно и

палец разрезать и умереть. Один хирург в операционной показывал студентам, где будет произведен разрез. Провел ногтем по животу – больной и умер.

Надо оперировать. Больше ждать нельзя.

Больная лежит уже не так спокойно. Стонет. Живот напряжен. И пузырь... пузырь остается большим. Но еще цел.

– Все-таки придется вас оперировать. Дальше ждать нельзя.

– Еще немножечко бы обождать, а?

– Так ведь тридцать шесть часов ждали. Думали, **обойдется**. Живот стал хуже. Два раза кардиограмму делали. Сердце хорошее. Сердце выдержит. За сердце можете не волноваться.

– Боюсь я.

– Это понятно, что боитесь. Скажи мне оперироваться – я тоже буду бояться. Это **свойственно** человеку – бояться, когда его резать собираются. Но что же делать? Мы ждали сколько могли. Дальше нельзя. Да к тому же мы убедились, что сердце ваше не подведет ни вас, ни нас. А я вам слово даю, что через две недели буду с вами прощаться. Домой уйдете без болей. Ни в животе, ни в сердце.

– Да вот сын, уходя, не разрешил мне соглашаться. Ну да уж что делать. Лучше смерть, чем такие боли терпеть. Когда-никогда, а смерть придет. Оперируйте.

Все же попробую еще подождать родственников. Почему никто не идет? Тяжелая больная, а родственники и не чешутся. Еще пару часов подожду. У нас еще четыре операции. За это время я их сделаю.

– Если придут родственники, проводите их к операционной. Между двумя операциями я выйду к ним – поговорю...

После первой операции подошел муж больной.

– Дальше ждать нельзя. Придется оперировать. Мы проверили сердце. Сердце выдержит. Если ждать дальше, пузырь прорвется и спасти будет сложнее.

– Пойду поговорю с ней. Да и дочь сейчас придет. После второй операции к операционной никто не подошел.

Что они там думают? Что тянут время? Как им **внушить**?

После третьей операции никто к операционной не подошел.

После четвертой, последней операции никто к операционной не подошел. Я пошел в отделение. Если Магомет не идет к горе – гора идет к Магомету.

Из сестер на посту в отделении сегодня дежурит Света. Хохотушка. Учится на первом курсе медицинского. Ночью сидеть трудно без сна, когда нет тяжелых больных. Когда они есть – ночь без сна проходит легче. Чуть привезли – и с диванов, со стульев, из-за стола, из ординаторской – отовсюду выползают белые халаты. Все в одно место. К самому **уязвимому** месту. Так, если в тело попадает заноза, отовсюду бегут на борьбу **лейкоциты**.

А сейчас Света сидит за столом. Читает. Стихи какие-то. Чтобы не уснуть во время дежурства, она время от времени развлекается. Из своей прически, например, она сотворила короткие косички-хвостики. В стороны торчат. И сама она вся веселая, доброжелательная и очень милая с этими косичками.

Я люблю с ней работать. Когда она в моих палатах, я спокоен. Кроме необходимых дел, кроме настоящей, нужной лечебной работы, надо еще соблюдать **формальности**. Я забываю назначать анализы каждые десять дней. Без нужды, а для порядка. Света следит сама и напоминает. Помогает голову разгружать от шлака. А

иногда и важную вещь подскажет. Плохо, когда сестра не творческий исполнитель чужой воли. А чаще всего это так. Почему-то сестер низводят только до простых раздатчиков лекарств, укальвателей и подавальщиков инструментов. Олег прав: **нелеп** в медицине старый военный принцип «не рассуждать» и «не положено». А вот со Светой хорошо работать. С ней и посоветоваться можно. Если больная откажется от операции, пошлю Свету на переговоры. Она чудеса делает. Все успевает. Сидит читает. Но я знаю – все в порядке. Это не от безделья. Больного тяжелого она не упустит и не оставит. Я знаю. Молодец. Правда, вчера вечером она отослала домой родственников одной больной. А ночью больная умерла.

– Почему ты не разрешила им остаться?

– А уже было десять часов. Дальше нельзя же было.

– Но больная-то умирающая.

– От них все равно никакой пользы. Они лишь суетились – вносили только беспокойство. Больной только вред.

– Какой же вред, когда больная все равно умирала?

– Мы ей делали все, что надо. А сквозь них даже не пробьешься к ней.

– Так нельзя, Света. Нельзя родственников отправлять домой, когда человек вот-вот умрет. Это просто негуманно.

– Главный врач категорически требует выполнения больничных правил. Ночевать в отделении родственникам нельзя.

Откуда у этой чудесной девочки такая жесткость? Может, даже жестокость? Из каких времен?

– Нельзя все так **регламентировать**, Света. Живые люди – не винтики.

И все же Света молодец.

– Света, позови, пожалуйста, родственников в **ординаторскую**.

Муж худой – в отличие от сына. Глаза тревожные. Дочь спокойна, **величава**. Строга и серьезна.

– Ну, как вы решили? Надо начинать операцию. А ее готовить к наркозу.

– Нет, доктор. Так что согласия на операцию мы дать не можем. Сердце не выдержит.

– Но желчный пузырь уже не выдержал! Она же умрет!

– Нет, доктор. Нельзя ее оперировать – не выдержит. Сын скажет, что мать мне не дорога, вот я и дал согласие.

– Но как же можно так! Вы поймите! Желчь из пузыря разольется по всему животу. Начнется желчный перитонит, воспаление брюшины. Брюшина по поверхности больше, чем кожа. Если кожа вся воспалится, человек умрет. А здесь этой поверхности еще больше. Если желчь разольется, спасти ее будет очень трудно. А может быть, и невозможно. Сердце у нее сейчас лучше. Терапевты считают, что боли в сердце от живота. Нельзя ее оставлять так, на произвол судьбы. Все, что можно было сделать без операции, мы сделали. Дальше ждать нельзя. Операция сейчас необходима. Грозит смерть.

– Нет, доктор. Вы ее не оперируйте. Завтра придет сын к вам, с ним поговорите.

– Завтра, – если для нее будет завтра! – состояние ее много хуже будет!

– Нет, доктор. Согласия на операцию мы не даем.

– Ну, хорошо. Подумайте, в какое вы нас ставите положение! Если станет совсем плохо? Мы же теперь и в будущем лишены возможности ее оперировать.

– И не надо, доктор.

– Тогда, если вы понимаете всю меру

ответственности, которую на себя берете, пойдете и распишитесь в истории болезни, что **категорически возражаете** против операции. (Может, это на них подействует. Часто, когда мы начинаем просить расписку, и больные и родственники на это не решаются и начинают думать серьезно. Велик еще страх перед бумажкой у нас. Но, в конце концов, о чем они думают?! Какая-то нелепость. Вторая половина двадцатого века, а я на расписку рассчитываю.)

В **дискуссию** вступает дочь.

– А зачем давать расписку? Если вы будете ее оперировать и она умрет под ножом или от ножа (грамотно говорит), вам же все равно придется отвечать.

– ??!

Ну и ну! Ничего себе гуси. Как же ее теперь оперировать?

– Видите ли, я действительно отвечаю за ее жизнь. И если я настаиваю на операции, так это потому, что я отвечаю. Но отвечать надо за дело. А вы **обрекаете** на бездействие! Надо сделать все! И за действия свои отвечать. А просто ждать? Чет или нечет? Выживет или не выживет? В конце концов, в первую очередь должна решать сама больная. Пойдемте к ней. Если она откажется, тогда другое дело. А вы распишитесь в отказе. Я сейчас сниму операционный халат и выйду к вам.

Снял халат.

Вымыл руки.

Вытер.

Дал две минуты им. Пусть придут в себя и подумают.

– Света, а где же ее родственники?

– А они ушли.

Вот тебе и Света! Все равно что упустить больного.

– Пойдем в палату. Может, они там?

И в палате нет.

– Где же ваши родственники?

– А они сейчас попрощались и ушли.

– Как же нам с вами быть?

– Я не буду оперироваться. Не разрешили они. Да и я сама думаю: лежу я здесь, не лечите вы меня. Вы вот полечите как следует. А под нож я всегда успею.

– Остайся, Света, здесь. Поговори с больными. Я пойду других оперировать.

А утром родственники увезли ее из больницы. Может, действительно не хотели оперировать? А может, не доверяли нам, увезли в другую больницу?

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы.

- 1) В каком состоянии привезли больную? Опишите ее состояние с позиции врача
- 2) Кто из родственников первым пришел к больной? Сколько времени она уже находилась в больнице?
- 3) Почему хирург не мог провести операцию?
- 4) Какого мнения была сама пациентка?
- 5) Как зовут медсестру? Опишите ее. Какие качества ценит в ней доктор?
- 6) Кто больше всех был против из операции? А как вели себя остальные родственники? Опишите их.
- 7) Какие меры предпринимал врач для того, чтобы уговорить родственников провести операцию? Как он себя вёл?
- 8) Как вы оцениваете поведение родственников?
- 9) Чем закончилась эта история?

10) Так что же, по-вашему, должен делать хирург в подобных ситуациях?

Задание 2. Как вы понимаете подчеркнутые в тексте выражения?

Задание 3. Какое значение имеет пословица: «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе?» В какой ситуации использовал ее хирург? Какие русские пословицы и поговорки вы знаете?

Для справки: Пословицы и поговорки – это устойчивые выражения, которые образно выражают мысли.

Задание 4. Восстановите диалог.

– Почему ты не разрешила им [родственникам больной] остаться?

– А уже было десять часов. ...

– Но больная-то умирающая.

– ... . Они лишь суетились – вносили только беспокойство. ... .

– Какой же вред, когда больная все равно умирала?

– ... .А сквозь них даже не пробьешься к ней.

– Так нельзя, Света. Нельзя родственников отправлять домой, когда человек вот-вот умрет. Это просто негуманно.

– Главный врач категорически требует выполнения больничных правил. ... .

Поразмышляйте над этой ситуацией и выскажите свое мнение.

Рассказ «РАК»

(из книги «Семь дней в неделю»)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий.

Аморфные (мысли) – *перен.* неясные, нечеткие, непонятные.

Близорукие (глаза) – от сущ. *близорукость*, нарушение зрения, при котором человек способен различать мелкие детали предметов и изображений, находящихся лишь вблизи него.

Вот петрушка-то! – восклицание, которое выражает сильное удивление над запутанным, непонятным делом.

Гадать – колдовать, угадывать.

Делать навверняка – делать что-либо точно.

Зав – заведующий отделением.

Естественно – *здесь:* конечно.

Заладить – постоянно говорить об одном и том же, надоедая.

Идти на риск – рисковать.

Истерик – человек, который поддается истерике.

Колдовать – производить какие-либо действия, чтобы угадывать события.

Кранты! – восклицание, говорящее о провале какого-либо дела, о конце.

Лепетать – неуверенно, тихо говорить.

Лечить химией – применять при лечении химические методы, например, облучение при раковых заболеваниях.

Метастазы – осложнения при раке, вторичные

образования.

Миссия – деятельность, направленная на благо чего или кого-либо.

Морда! – неодобрительное выражение о человеке.

Морфий – наркотический препарат, применявшийся для уменьшения болей.

Напоследок – наконец.

Напялить тогу авгура – *здесь*: надеть одежду, символизирующую власть в определенном круге (в данном случае – белый халат).

Наткнулся – двигаться, столкнувшись с кем или чем-либо.

Нахлынуть – *перен.* нахлынувшие чувства – это чувства, которые неожиданно овладели человеком.

Ни черта не выйдет! – ничего не выйдет, не получится.

Обсеменение – распространение возбудители инфекционной болезни или опухолевых клеток из первичного источника.

Опрокинуть – *здесь* сказать неожиданную новость.

Отводить душу – *фразеол.* находить себе утешение, успокоение в разговоре с кем-либо.

Относительно – более или менее, условно.

Оттягивать (момент) – задерживать.

Пантопон – лекарственное средство с теми же характеристиками, что и морфий.

Патанатомия – патологическая анатомия.

Подскреbstи силы – набраться смелости.

Предусматривать – видеть наперед, рассчитывать, угадывать.

Пожалуй – наверное.

Проканать – вводить внутривенно препараты. Занимает длительный промежуток времени.

Радикально – решительно, окончательно.

Свинцовые (руки) – *перен.* чувство тяжести в руках.

Сердечные – лекарственные препараты от болезней сердца.

Сифилис – тяжелая болезнь, передающаяся половым путём.

Снадобья – *здесь:* лекарства.

Спихнуть с себя крест – снять с себя какие-либо тяжелые неприятные обязанности, снять ответственность.

Суега мирская – бытовые, каждодневные дела.

Топтать – ходить по чему-либо, например, топтать траву.

В морду тыкать – *разг.* указывать на чей-либо недостаток.

Удрать – *разг.* быстро уйти, убежать с места событий.

Умом не обоймёшь – не понять.

Химики – *здесь:* врачи.

Задание 2. а) Определите значение данных глаголов с различными приставками. Обратите внимание на значение, которое вносит частица -ся:

прорасти, нарасти, перерасти, подрасти;
вылечить, вылечиться, пролечить, пролечиться,
недолечить, недолечиться, убивать, убиваться.

б) Составьте предложения с 2-3 глаголами.

Задание 3. Назовите слово, с которым ассоциируются словосочетания данного тематического ряда.

Повышение температуры, ухудшение аппетита, убывающие силы, больной не может самостоятельно сесть, встать, ходить.

Задание 4. а) Образуйте от глагола *сомневаться* существительное, подберите к нему антоним.

б) Запомните следующие словосочетания: *высказывать сомнение, выражать уверенность*. Составьте с ними предложения.

Задание 5. Прочитайте текст, подготовьтесь ответить на вопросы.

– Нет, **пожалуй**, ничего нельзя сделать.

– А посмотри – по стенкам живота тоже **метастазы**?

– Да вот же! Видно.

– А все-таки, если можно убрать, даже оставив метастазы, надо пробовать.

– Для чего? **Химией лечить** попробовать?

– Ну конечно. Ведь химики говорят, что на метастазы иногда как-то можно подействовать, а на основную опухоль нельзя.

– Верно. Да что они знают?! Впрочем, давай попробуем. Вскроем связку, посмотрим заднюю стенку.

– Э-э! Не-е! **Ни черта не выйдет**.

Опухоль на ощупь, как дерево. Она переходит с желудка на поджелудочную железу. Я не чувствую границы между ними.

– Да-а! Опухоль прорастает всю железу.

– Да-а. **Кранты**.

– Все-таки кусочек возьмем под микроскоп. Химики ведь дают свои **снадобья** в зависимости от того, какой рак.

– Верно. Но что они знают?!

– Вот **заладил**. Что-то они, конечно, знают. Не один десяток лет они над этим **колдуют**. Что-то говорят же.

Кусочек отрезали и отправили для микроскопического исследования.

Рану быстро зашивали.

Быстро?!

Когда обнаруживаешь неоперабельный рак – руки быстро не зашивают.

Кажется, что делаешь быстро. А руки свинцовые. Мысли аморфные.

Зашиваешь.

(А может быть, это и не рак? Ну, например, туберкулез какой-нибудь? И **обсеменение** по брюшине, а? А может быть, **сифилис**? Все бы лучше было.)

– Аня! Позвони в лабораторию. Попроси сделать срочный анализ присланного кусочка. А подробный анализ потом уж пусть делают.

Если б что-нибудь другое, можно бы и лечить. А то рак!

Коридор от операционной до лестницы после неоперабельного рака всегда становится длинным, а глаза **близорукими**. Ну и **наткнулся** на товарища, **естественно**.

– Ты что по сторонам не смотришь. Устал?

– Ужасно! Просто сил никаких нет.

– Много операций было? Дежурил?

– Если бы! Одна. Двадцать минут.

– А. Рак? Неоперабельный?

– Угу.

– Ну, иди отдохни. Покури.

– Еще процедура предстоит.

– Родственники?

– Угу.

– Да ты посиди пока. Покури. **Подскребешь сил** – пойдешь скажешь.

– Да уж лучше сразу отделаться.

– А что там, совсем ничего нельзя было сделать? Или боялся – помрет?

– Да не! Все намертво проросло.

– Меня вчера как раз ругали. Смертность, говорят, большая, а я, мол, при такой ситуации **на риск иду**. Помрет, говорят. Случай почти безнадежен. Что ж не рисковать, говорю. Пусть помирает? Ведь – *почти*. Ну, а главную сам знаешь: «Когда у вас смертность шесть процентов, не рискуют». Конечно, **в морду** соседями **тыкали**. Сравнивали.

– Да! Они-то дали! Ноль процентов при раке желудка!

– Если при раке желудка смертность нулевая – значит, хирурги не рискуют. Делают с оглядкой. При раке-то! Делают только **навверняка**.

– По смертности при раке о хирурге судить нельзя. Как и по двойкам и второгодникам об учителях. Пусть разбирают каждый случай в отдельности. А то цифры, цифры – и сразу выводы.

– А ты на операцию шел – знал, что рак? Или сомневался?

– Да иди ты с дурацкими вопросами. Почти не сомневался.

– А как думал: можно **радикально** убрать?

– Ну что пристал? Что мы можем думать? Думал: там видно будет. В общем, ты мне надоел. **Душу я отвел**. А теперь пойду к родственникам.

– Помогай бог.

(Что же я им буду говорить? С утра сидят, ждут. Да...)

– Аня! Не звонили? Не говорили еще результаты?

– Нет еще.

Может, подождать, пока ответ будет. Пожалуй, сам позвоню.

– **Патанатомия?** Скажите, пожалуйста, мы сейчас присылали кусочек вам. Что там? Рак?

– Да. Больной Соловьев.

– Рак без всяких сомнений. Да, так мы и думали. Извините. Спасибо.

Надо идти к родственникам.

В посетительской сидят мать его, жена, брат, дочь. С ума сойти!

Все сидят на скамейке. В ряд. Молчат и смотрят на дверь. Мне через щелку видно. Ждут. Дочери лет 16-17, она еще не совсем понимает. Какие-то блики бродят по лицу. Внутренне улыбается чему-то. Она еще не понимает. Брат о чем-то думает, другом. Что-то явно деловое. Какая-то забота. Смотрит все ж на дверь.

Жена вся в напряжении. Внутри, по-моему, она уже плачет. Вся в одном комке.

Мать! Старуха! Она не плачет. Она и не заплачет. Глаза совершенно пустые, в темноте. Сейчас я коснусь и... Она смотрит куда-то мимо двери. Прямо в щелку. На меня.

Сейчас я на них **опрокину**. Что жена? Закричит? Заплачет? Побежит? Молча, тихо отойдет? Будет расспрашивать?

А мать? Это никогда не **предусмотришь**.

Резко открываю дверь. Как говорят: «Высокий, стройный, в белом халате, шапочке. На шее еще висит маска. На лице следы усталости и решительности. И т. д. и т. д.» Втолкнул себя в посетительскую.

Жена кинулась. Дочь за ней. Брат поднялся. Мать сидит не двигается. Лишь взгляд перевела. Уже отвернулась. Ей все ясно уже.

Уже и жене все ясно.

Брат:

– ...И ничего, ничего нельзя было сделать?

– Абсолютно.

– Даже если пойти на риск?

– Там уже не было никакого риска.

– Боже мой! Что же делать? Что делать?! – жена.

– Не надо сейчас убиваться. Успокойтесь, не тратьте силы. Вам они еще понадобятся. Ведь ему сейчас очень тяжело. И не плачьте. Он не должен видеть слезы. Он не должен ничего понять. Он должен видеть: все хорошо, операция прошла хорошо.

Мать с ужасом смотрит на меня. Кто я сейчас для нее? Враг?

– Доктор, и долго он еще будет мучиться? – это брат.

Ни мать, ни жена так не спросят.

– Не могу вам сказать, но думаю, что больше месяца-двух не... Ну, еще месяц-два... Впрочем, ничего не могу сказать. Не надо **гадать**.

– Да-а-а. Спасибо, доктор.

– И никакой надежды?! – дочь.

– Только если чудо. Знаете, бывает. Один на миллион выздоравливает. Неизвестно отчего.

В углу, в стороне, сидела заплаканная женщина. Она с ужасом смотрела на меня. Сейчас встала и быстро вышла. Почти выбежала.

Я разводил руками. Иногда сочувственно, иногда понимающе, иногда виновато улыбался. Говорил о силах, которые еще понадобятся. И пятился к дверям.

И удрал.

От них удрал.

А от себя?

– Аня, отвезли больного?

– Да, он в послеоперационной.

– Проснулся?

– На вопросы отвечает.

– Смотри, не скажи ему, сколько времени. Они ведь сразу считают – сколько там пробыли. И если пить захочет, скажи – нельзя.

(Ему все можно. Но они ведь знают: кому вырезали, тому пить в первые дни нельзя.)

Он еще **относительно** полный. Лицо бледное, с желтизной. А сейчас, после операции, и того хуже.

Пульс хороший. Дышит хорошо. Надо все-таки жидкость ему в вену **прокапать**. Поддержать немного. А надо ли? Мучается ведь.

– Аня, поставь ему капельницу. Надо все ж поддерживать его.

– А **сердечные** надо?

– Сейчас сделай. Пусть раздышится после наркоза.

Аня при деле.

Мы будем тянуть его.

Родственники придут к пяти часам. Он тогда совсем проснется. Совсем проснется.

А я домой.

Больница рядом с лесом. И я иду рядом с лесом. А в лес не захожу. Трава зеленая и там, где ее не **топчут**, густая. Навстречу дует ветер. Он не пригибает траву, а наклоняет. Все травинки, как стрелы, направлены на меня. Ветер прохладный, а солнце печет. Так и жарит в меня.

Нет, в лес я не пойду. Он, по-моему, все глотает. И меня глотнет. Ямка. Пенек. Кочка. Так. С пенька на кочку. Раз! Хм. А если бы ямка поглубже? Помню, одна больная с ушибленной ногой рассказывала, что на кладбище провалилась одной ногой в яму. «Я одной ногой в могилу попала». Ей тогда было семьдесят – сейчас семьдесят шесть. И ничего. А этому – сорок один! Яма, пенек, кочка. Раз!

Назавтра он лежал и тихо постанывал. Вокруг сидели родственники. Это очень тяжело, когда столько родственников вокруг, но что делать. Они смотрят на меня. Я не смотрю на них. Они смотрят с надеждой и совершенно безнадежно. Как только больные по родственникам своим ни о чем не догадываются никогда?! Почти никогда. Мы привыкли врать. А они не могут. Даже когда врут – все одно не могут. Родственники всегда помнят – близкий человек умирает. Они никуда от этого не в состоянии уйти. Заботы, работа, магазины, дети, и вдруг сразу опять **нахлынет**: больница, близкая смерть. Человек живет, а они все думают о смерти и о похоронах, и о жизни без него, еще живого. А мы **напаялим тогу авгура** – поди пробейся сквозь такую защиту.

– Ну, как дела, Спиридоныч?

– Больно еще.

– Палец порежешь – болит. А тут живот пополам разрезан. Целый желудок отрезан. Ничего, скоро легче будет.

– А пить мне можно?

– Что вы! Ведь там все сшито. Швы разойдутся.

(Шекспировскую деталь добавил для большей реальности.)

Так он ничего, если только не знать, что внутри делается. Может, еще выписаться успеет.

– Аня, как ночь провел?

– Да как обычно. Родственники ему только покоя не давали. Пользы от них никакой. Один вред ему и усталость, но ведь не прогонишь – умирает.

Пойду в перевязочную.

А Аня пошла к Соловьеву. И совершенно иное у нее лицо. Это, наверное, защитная реакция человека. В **суете мирской** ее лицо неприятно. В палате – идеал.

Соловьеву плохо. Аня там целый день.

А разве сможешь?

Надо.

На следующий день ему еще хуже.

Белый, даже серый. Нос заострился. Пульс слабый.

Пусть что-нибудь делают. Толком все равно не сможешь.

Через два дня начались сильные боли. Вот тут уж надо помогать. Боли снимай, чем хочешь: **морфий, пантопон**, хоть под наркозом держи все время.

Я к нему не пошел во время обхода. Все **оттягивал**.

А в палате жена. В коридоре дочь сидит. В палату не иду. Дочь на меня смотрит.

Ну что она смотрит! Я не могу помочь. Я же не виноват.

Дочь на меня смотрит.

Пошел в палату.

– Спиридоныч, как дела?

– Сильно болит.

– Но все-таки легче немного стало?

– Нет, совсем не легче.

– Ну как же. Рвоты нет? Ты уже пьешь?

– Ну, может, немного и легче. Но еще тяжело.

Что-то легко я его уговорил. Или он отмахнулся?

Мелки мы сейчас рядом с ним. Но это сегодня. Как дальше буду уговаривать?

Дальше.

Дальше его совсем не стало видно под одеялом.

Плоский стал. Только комочек лица на подушке.

Он совсем слабый. А рана зажила хорошо. Швы сняли – все в порядке. Зажило хорошо.

После снятия швов я уговариваю себя, что **миссия** моя закончена. Захожу к нему в последнюю очередь.

Я не могу выдержать его глаз! Жены глаз! Дочери!
Матери!

Хочу спрятаться.

(Истерик!)

– Доктор, все равно вы ему ничем помочь не можете.
Может, мы его домой заберем? Пусть дома помрет. Он заслужил это.

В душе я радуюсь. **Спихнул с себя этот крест.**

– Может, подождем еще пару дней? Пусть пройдет еще срок побольше после операции.

– Нет, увезем сейчас.

– Ну что ж. Воля ваша.

Я к нему сегодня и не захожу. Нет сил. Что мне сказать ему на прощание?

Упросил **зава** – пусть поговорит **напоследок**. Пусть эта тяжесть будет на нем.

Он пошел...

Через год пришел ко мне на контроль высокий, здоровый детина.

Это был Соловьев!

Я всегда видел его только лежащим в постели. Не думал, что он такой высокий. Рядом стояла жена.

– Вы меня похоронили, доктор?

– Бе-бе-бе, – что-то **лепетал** я бодренькое.

– А мы ему теперь все рассказали, – говорит жена. (Это она зря. Мало ли что будет дальше? Но раз сказали – карты на стол.)

– Ну, Спиридоныч – один на миллион. **Умом даже не обоймешь.** (Иногда в таких случаях любят говорить: «Сто тысяч выиграл». Хм.)

– Чем-нибудь лечили его? – это я к жене.

– Да нет. Только морфий кололи. От всего отказались. А он стал лучшеть, лучшеть. Правда, инвалидность ему дали, первую группу.

– Я и пришел поэтому к вам. Снимите с меня инвалидность. Я ж работать хочу. А меня не берут.

(Как же я сниму? Ведь у нас подтверждено микроскопом – рак. Может, на вторую переведут. Надо поговорить с начальством.)

– Видал! Тебя Соловьев искал.

– Не говори. Видал. **Вот петрушка-то.** Ты что-нибудь понимаешь?

– Да что ж понимать. Бывает.

– Значит, все-таки иногда он проходит...

Что же там бывает внутри, при этом раке? Совсем внутри?

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы.

- 1) Что значит выражение «неоперабельный рак»?
- 2) Какие чувства, по-вашему, испытал хирург, когда узнал, что рак неоперабельный? Опишите их.
- 3) Почему, на ваш взгляд, автор (то есть сам врач) так подробно описал родственников больного? Найдите в тексте и прочитайте этот фрагмент.
- 4) Почему доктор после операции не разрешил давать пить больному?
- 5) Где находится больница? Найдите в тексте описание природы.
- 6) Что вы узнали о больном? Как его фамилия и отчество? Как обращается к нему врач?
- 7) Как доктор вёл себя с Соловьёвым на

следующий день? Почему, по-вашему, врач не говорил правду?

- 8) Почему больного выписали из больницы?
- 9) Какие события произошли через год после этого случая? О чем просил Соловьёв?
- 10) Как вы думаете, в чем причина выздоровления? Лечение, поддержка близких или же чудо? Соловьёв – один на миллион?

Задание 2. Поразмышляйте над следующими высказываниями.

- 1) По смертности при раке о хирурге не судят. Как и по двойкам и второгодникам об учителях.
- 2) Чудо. Знаете, бывает. Один на миллион выздоравливает. Неизвестно отчего.

Задание 3. Придумайте ситуацию, в которой можно было бы употребить выражение: «Сто тысяч выиграл».

Рассказ «ПЯТЬ МИНУТ» (из книги «Семь дней в неделю»)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий.

Артерия – кровеносный сосуд, несущий кровь от сердца.

Великолепно – очень хорошо, на высшем уровне.

Вот те прыть! – удивление над тем, что человек что-то быстро произвел какие-либо действия.

Выдрючиваться – выделяться, выставить себя напоказ.

Глюкоза – лекарственное средство. Растворы глюкозы широко используют при лечении шока, применяются также для разведения различных лекарственных препаратов при введении их в вену.

Дефибриллятор – медицинский прибор для восстановления работы сердца. При помощи подачи электрического тока начинают сокращаться мышцы сердца.

До седьмого пота – *фразеол.* хорошо, много работать.

Допинг – *здесь:* заряд.

Желтуха – заболевание печени, один из симптомов которого – пожелтение кожи.

Иконописное (лицо) – очень красивое и строгое.

Каналья! – *здесь:* восклицание, выражающее, что дела идут очень плохо.

Кетгут – рассасывающий натуральный шовный материал.

Коль – если.

Ларчик – небольшой ящик для хранения мелких, обычно ценных вещей.

Манера – привычка.

Мехи гармошки – *здесь:* медицинский прибор, который по своей форме напоминает гармонь – национальный русский инструмент, особенностью которого является складывание и растягивание.

Напасть – сделать запасы.

Напрасный – бесполезный, безрезультатный, неэффективный.

Наркотизатор – врач, дающий наркоз.

Пляска нервов – о беспокойстве.

Полиглюкин – лекарственный препарат для циркуляции крови.

Постовая сестра – медсестра в отделении больницы, в обязанности которой входит наблюдение и уход за больными.

Прикинуть – поразмыслить, подумать.

Проклятый – ненавистный.

Пустьяковый – не стоящий внимания.

Распластанный – раскрытый, растянутый.

Роптать – высказывать неудовольствие чем-либо, ворчать.

Сестра-анестезист – операционная сестра, в обязанности которой входит приготовление и подача наркоза.

Сконцентрироваться – сосредоточиться в одном месте.

Станция переливания (крови) – медицинское учреждение, которое занимается сбором донорской крови.

Суета – что-то бесполезное, ничтожное.

Тогда хана! – оценка какой-либо ситуации как бесполезной, безнадежной.

Тупфер – стерильный зонд-тампон, который состоит из ваты или марли.

Удрать – быстро скрыться с места событий, убежать.

Фибрилляция – трепетание желудочков сердца, которое является основной причиной внезапной остановки сердца.

Шёлк – *здесь*: шелковые нитки, которые используют во время операции.

Задание 2. Прочитайте предложения и определите значение приставок в выделенных словах.

1) Кто-то **подбирает** инструменты с пола.

- 2) Кто-то **проносит** мимо меня таз.
- 3) Лицо больной **выглядывало** из-под одеяла.
- 4) Где есть (кровь) – **отовсюду** пусть везут.
- 5) Халаты **пожелтевшие**, раз сто, не меньше стерилизовались.
- 6) Необходимо срочное **переливание** крови.
- 7) У меня руки йод не **переносят**.
- 8) Как сквозь вату **доносятся** слова.
- 9) Если придется **оживлять** – для искусственного дыхания всё готово.

Задание 3. Составьте и запишите словосочетания с прилагательным *больной, больничный*, используя данные существительные.

Режим, девушка, сердце, койка, вопрос, место, почки, палата, лаборатория, халат.

Задание 4. Образуйте и запишите прилагательные от данных существительных. Составьте с ними словосочетания.

Операция, кровь, наркоз, хирургия, санитарка, донор, диагноз, беременность.

Задание 5. Прочитайте текст, ответьте на вопросы.

Проклятые пять минут решили дело.

В роддом нас с **нарколизатором** вызвали после двенадцати часов. Нужно помочь на операции. Едем.

Операционная большая. Впечатление, что все **сконцентрировано** в одном углу.

Двенадцать часов тридцать минут.

Больная на столе.

Доктор у руки – кровь переливает. В головах сестра –

дает наркоз.

С моей стороны – две спины, полусогнутые. Против них стоит третий. Мне видна лишь его голова в колпаке. Кто-то подбирает инструменты с пола. Кто-то проносит мимо меня таз.

Суэта и одновременно – спокойствие. Тишина. Как сквозь вату доносятся слова:

– Кровь привезли?

– Нет еще.

– Лейте **глюкозу!**

Мне:

– Доктор, мойтесь.

Пошел мыть руки.

Я:

– Валя, начинай наш наркоз. А вы – рассказывайте.

Плеск, плеск – мою руки.

– Ей двадцать три года. Беременность протекала с осложнениями. Плохо с почками. Перед самыми родами **желтуха** началась. Под утро родила. Началось кровотечение. Чего только не делали – кровотечение. Кровь переливали с утра. Ничего! Да и кровь у нее резус-отрицательная, первая группа.

(Резус-отрицательная! **Каналья!** Где ее **напасешься**. Ее же мало. Да еще и первая группа! Была бы другая, можно было бы лить и ее и еще первую. А так только первую. Вот уж действительно подарок.)

– А кровь пока есть?

– Уже давно нет. Везли все время. Три раза со **станции переливания** привозили. Весь запас там кончился. Обещали достать.

– Сколько перелили?

– Десять литров. Льем, как на улице. Мы туда, а она оттуда.

(Десять литров! С ума сойти! Во мне их всего пять.)

Когда я с вымытыми руками опять входил в операционную, наркоз давала уже Валя. Привычно было видеть ее строгое смуглое узкое лицо, выглядывающее из-под простыни, отгораживающей операционное поле. Это привычно, и потому и в «чужом доме» приводит в порядок предоперационную **пляску нервов**. Вале двадцать шесть. Сначала она работала санитаркой, потом **постовой сестрой**, и вот уже шесть лет – **сестра-анестезист**. Я спокоен, когда Валя дает наркоз. Она **великолепно** знает свое дело.

Вытираю руки.

(Полотенцем вытирают. Не салфетками. Хм, спирт с йодом смешивают. Дурацкая **манера**. Главные врачи любят **повыдрючиваться**.)

– Дайте спирт без йода – у меня руки йод не переносят.

(Как будто добавив каплю йода, они лишают спирт его питьевых качеств. Во-первых, и с йодом можно – **коль** любит кто. По цвету – коньяк. А по вкусу – *De gustibus non disputandum est* (О вкусах не спорят, *лам*). Больше бы доверяли. Да и не очень-то пьют его. Халаты желтые, пожелтевшие, раз сто, не меньше, стерилизовались. А Петровский у себя завел зеленые. Конечно, для глаз белые хуже. Утомляют. А у Опеля в операционной все было черное. Представляю ужас больного. А ведь культурный человек был. Большой хирург. Музыку любил.)

– Перчатки, пожалуйста, поменьше. Лучше в обтяжку. Пусть сдавит. Ну, поболит рука. Зато удобнее. И чувствую лучше. Руки отойдут потом.

Двенадцать часов тридцать семь минут.

– Подвиньтесь, пожалуйста. Дайте сориентироваться. Так. Матку уже удалили?

– Матку удалили еще утром. А сейчас приходится повторно оперировать.

Вот те прыть! Когда же успели? Надо же такое везение! Беременность – на тебе желтуха. Беременность и желтуха – на тебе кровотечение. Удалили матку – на тебе послеоперационное внутрибрюшное кровотечение. Опять оперируй. Да это не свинство – хамство божье!

Так. Артерия. Ага. **Тупфер**. Салфетку. Больше. Черт! Я их не знаю. Сестра меня не знает. Дает не так. Зажим не в пальцы, не салфетки – тряпки. Тампоны без зажимов. Ладно, привыкай и не **ропщи**. Христос терпел... У Вали **иконописное лицо...**

– Дайте-ка зажим! Убираю салфетку! Кетгут. Так, началось внутрибрюшное кровотечение? Быстро заметили? А крови хватало? Откуда же взяли столько резус-отрицательной? С ума сойти! Захватили хорошо? Вяжите, пожалуйста. А выше лампу нельзя? Я все время об нее головой стучаюсь. Кровь еще переливаете? Кончилась кровь?!

Со станции переливания не везут. У них тоже кончилась. Конечно. Десять литров резус-отрицательной. Интересно **прикинуть**, сколько в Москве набрать можно? Примерно, у 85 процентов – резус-положительная. У 15 процентов – отрицательная. Первая группа, скажем, у 40 процентов. Значит, на Москву...

– А, собака! Нитка соскочила. Тампон. Еще. Еще. Зажим. Ага! Вяжи. Нет, на игле нитку. Прошьем. Так.

На Москву, приблизительно, тысяч шестьсот. Считаю, половина стариков и детей – триста тысяч. Больных или просто тех, у кого нельзя брать кровь – тысяч сто. Остается двести тысяч. А сколько из них желающих сдавать кровь? Ну, ведь, наверное, не пятьдесят тысяч. Ну, от силы десять тысяч. Сдают они один раз в два месяца.

– Все. Все. Давай зашивать. Нечего тянуть. Быстрой. Вторая же операция. Кровь где?! И из пятнадцатой уже привезли свои запасы? А из шестидесятой? Из сорок шестой? Из семнадцатого роддома? Из всех ближайших?! (Уже весь район приташил... А нам все равно еще надо.) Звоните дальним больницам. По всем больницам звоните. Где есть – отовсюду пусть везут. **Шелк**. Быстрой вяжите.

Мы включаем все более и более широкий круг помогающих. Как круги на воде от упавшего камня.

Без четверти час.

– Давление падает!

– Быстрой. Мы кончаем!

– Звонили со станции переливания. Они вызывают из дома доноров. Найдут, возьмут – и пришлют.

Попробуй добудь. Один на работе. У другого грипп. Четвертый пьяный. Ну, ну. Пришлют. Подумать только, сколько народу включено. Телефоны. Машины. И все торопятся. Спешат. Значит, должны спасти. Есть же бог на земле.

– Пульс слабый! Кончайте быстрей.

– Кровь!!! Лейте **полиглюкин**!

Быстрой. Быстрой. Все люди придумали. Шубы синтетические. В космос летаем. А создать кровь искусственную не можем. Да и вряд ли это возможно... И ведь наверняка ни у кого из присутствующих нет резус-отрицательной. А это был бы выход.

Без тринадцати час.

– Звонили со станции. Есть три донора. Сейчас пришлют со скорой.

Нашли-таки! Откуда-нибудь вытащили с работы.

– Давление не определяется. Пульс только на сонных артериях.

Если придется оживлять – для искусственного дыха-

ния все готово.

Валя стоит на дыхании. С детства она верила в бога-чудодея. Сейчас Валя знает, что чудес на свете не бывает. Чтобы человек жил, надо за это драться. **До седьмого пота** в кишках. Бог не поможет.

Без одиннадцати час.

– Ни пульса, ни давления.

– Кровь есть?

– Из семьдесят восьмой машина едет, и со станции отправили.

– Без десяти час.

– Кончили!

– Все, сердце не слышно.

– Нож! Скорее!

Грудная клетка раскрылась, как **ларчик**. Кровь совсем не течет. Да и откуда – сердце-то не работает. Лежит **распластанное**.

Начинаю массаж.

– Отвечает! Отвечает! Сокращается! Сейчас может начаться **фибрилляция**. Есть **дефибрилятор**? Ну, током ударить, чтобы мышца не беспорядочно работала.

Кровь гоню пока рукой. Кровотечение появилось. Но вообще-то сердце не работает.

– Кровь?! Где? Привезли?

– Три минуты после остановки сердца.

– Кровь?!

– Вот-вот будет.

Нет дефибрилятора. Что же делать? Вдруг начнется фибрилляция. Ложки!

– Возьмите две ложки и прикрутите к ним провод. Каждый провод к ложке. Чтоб до розетки доставали. От лампы настольной оторвите. На всякий случай. Чтоб готово было. Только быстреей.

Опять сердце вялое. Тряпка. Ну же! Ну же! Что-то отвечает.

– Адреналин дайте.

– Пять минут прошло!

– Кровь! Кровь есть! Привезли!

– Ну, быстрее, родненькие! Быстрее в **артерию** лейте!

Слава богу. Кровь. Шесть минут уже прошло. Кровь-то мы гнали. Да мало ее было: мало кислорода к тканям подходило. А мозг очень чувствителен. Мало кислорода мозгу было. А может, достаточно? Если мало, то все – кора не восстановится. **Тогда хана!** Боже, до чего рука устала!

– Нет, сменять меня не надо. Не хочется ритм сбивать.

До чего же трудно руке. А казалось бы, **пустяковая** работа. Никак не могу привыкнуть. Какой уже раз. И каждый раз одно и то же. Да, привыкнешь. Жди. Бьется! Бьется!

Час.

– Пульс на сонных артериях ничего.

– На локтевой артерии слабенько. Давление не могу определить.

Уже сил нет. Ужасно тяжело. Сейчас мы уже с кровью! Сейчас крови много. Со станции шестьсот граммов и из больниц восемьсот. Почти полтора литра. Работаем дальше. Видишь, Валя, ты права: все в руках наших.

– Давление сорок!

– !!!

В общем, сердце отвечает. Ну-ка, попробую отпустить. Нет, не то. Буду дальше. Не отвалится же рука. Кофейку бы сейчас. Рука уже почти автоматически ходит. Без меня. Утром хороший кофе был. А может быть, и вы-

тянем. Интересно, как там мой больной после операции? **Удрал** и даже не посмотрел. Хорошая сегодня операция была. Так сказать, заряд хороший. **Допинг**. Сумел бы возиться я здесь так сейчас, если бы не получил этот хороший заряд?

– Давление шестьдесят.

Один час двадцать минут.

Сердце бьется самостоятельно, без массажа. Давление стабильно. Пульс хороший. Кровь есть.

Только бы тогда мозг не пострадал, когда крови не было. А то все **напрасным** окажется.

– Ну, подождем. Посидим. Хватит кровь лить.

Один час сорок пять минут.

– Давление 105/60. Пульс приличный.

– Я тогда зашиваю грудную клетку. Все хорошо.

Хорошо?! А те-то пять минут? Может быть, все-таки крови не хватило. Как кора? Если тогда, в те пять минут, кора полетела... Ну, тогда все напрасно. Пока все хорошо.

– Давление?

– То же.

– Дай-то бог. Пульс тоже ничего. (Хм. Черт, может, выживет. Руки жуть гудят.) А сколько ей-то, вы говорили? А ребенок жив?.. А муж знает?..

В головах Валя. Продолжает искусственное дыхание. Она держится за ручку **гармошки-мехов**. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. Дышит за больную. Двадцать раз в минуту. У нее тоже руки устали. Но она молчит.

Валя хороший работник. С ней спокойно. Два часа она непрерывно сжимает и разжимает мехи. И не **ропщет**. Наверно, устала? Чудес на свете не бывает – она знает. Надо работать – дышать.

– Скажите, а как фамилия больной?

Два тридцать – давление тоже... Кой-какие рефлексы...

Три тридцать – давление то же.

В шесть часов давление то же.

Сознания нет.

И в десять часов давление то же.

И ночь всю...

...Все же те проклятые пять минут свое дело сделали.

Да, человек смертен. А смерть разнообразна.

Мы делали все. Да разве только мы! Весь город принимал участие. В больницах. На станции переливания крови. В центре оживления. Доноры. Шоферы. Телефонистки...

Только мы сейчас стоим перед трупом. А те, остальные, не знают. Ничего. И не надо им знать. Ведь много раз мы были победителями. Каждый участник берет на себя свою долю тяжести.

В конце концов, ходить по улицам Москвы опаснее, чем рожать. Больше шансов под машину попасть, чем от родов умереть.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы.

- 1) Где происходили события?
- 2) В каком состоянии находилась больная?
- 3) В чем заключалась физиологическая особенность девушки, которая вызвала проблемы для врачей?
- 4) Как доставали кровь? Найдите этот фрагмент в тексте
- 5) Отчего умерла девушка, ведь нужную кровь достали?

б) Как вы думаете, можно ли было ее спасти?

Задание 2. Восстановите фрагмент текста по опорным словосочетаниям.

Двадцать три года, беременность с осложнениями, больные почки, начало желтухи, после родов – кровотечение, переливание крови.

Задание 3. Порассуждайте над следующими высказываниями из текста.

- 1) Подумать только, сколько народу включено. Телефоны. Машины. И все торопятся. Спешат. Значит, должны спасти. Есть же бог на земле.
- 2) Сейчас Валя знает, что чудес на свете не бывает. Чтобы человек жил, надо за это драться. До седьмого пота в кишках. Бог не поможет.
- 3) Все те же проклятые пять минут свое дело сделали.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ДЕМИЧЕВ

Николай Петрович Демичев (1929 – 2012 гг.) – прозаик, член Союза писателей и Союза журналистов России, Заслуженный врач РФ, ортопед-травматолог, доктор медицинских наук, профессор почетный гражданин г. Астрахани.

Родился в Орловской области. В школьные годы писал стихи и очерки, мечтал поступить в литературный институт. Но судьба распорядилась иначе: в 1954 году он с отличием окончил Ростовский государственный медицинский институт, несколько лет работал хирургом в лечебных учреждениях Ростовской области, с 1959 года – ассистентом и доцентом Ростовского медицинского института. В 1970 году после защиты докторской диссертации Демичев Н.П. возглавил кафедру травматологии, ортопедии и военно-полевой хирургии АГМИ. За 58 лет трудовой деятельности Николай Петрович прошел славный путь от практического врача до блестящего хирурга, талантливого ученого, основоположника Астраханской школы травматологов-ортопедов.

Мировую известность профессору Демичеву Н.П. принесли работы, посвященные вопросам сухожильной аллопластики. Проведенные Демичевым Н.П. фундаментальные морфологические, иммунологические, физико-механические и биологические исследования, а также разработанные им способы оперативных вмешательств на сухожилиях кисти, стопы, суставах стали существенным вкладом как в травматологию и ортопедию, так и в отечественную и мировую трансплантологию.

Николай Петрович – автор не только научных монографических исследований по ортопедии. В последние годы жизни раскрылись новые грани

писательского таланта профессора Демичева Н.П. Из-под его пера вышли литературные очерки, воспоминания и размышления о жизни, собственной врачебной практике, коллегам-врачам: «Рассекая время», «Запах гор», «Нельзя к минувшему остынуть», «За дымкой времени» и др. Талант, самобытность и неординарность Николая Петровича как прозаика и публициста были по достоинству оценены литературным сообществом.

Из книги «РАССЕКАЯ ВРЕМЯ»

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Амбулаторный прием – не требующий круглосуточного медицинского наблюдения, изоляции и использования интенсивных методов лечения; медицинская помощь без помещения человека в стационар (больницу), оказывается в поликлинике.

Диапазон – интервал значений какой-либо величины, в переносном значении – объём, охват: знаний, интересов.

Дуреха – *прост.* Глупая женщина.

Завидовать – испытывать чувство досады, вызванное благополучием, успехом другого.

Колебания – движения (изменения состояния), обладающие той или иной степенью повторяемости.

Ложе – *устар.* Место для сна, постель.

Неуклюжий – неловкий в движениях, неповоротливый, нескладный.

Повержен – сражен.

По совместительству – форма вторичной занятости,

при которой в свободное от основной работы время человеком выполняется другая регулярная оплачиваемая работа.

Судачить – разг. Сплетничать.

Задание 2. Раскройте значение следующих фразеологизмов:

Повержены недугом, цепь страданий, покорность судьбе, сдвинуть с мертвой точки, жить своей обособленной жизнью, «топорная» работа, сбить с толку, отсутствующий взгляд, как в воду опущенный.

Задание 3. Замените выделенные слова синонимами.

1. Ранним утром следующего дня бабка Марфа, у которой я **квартировал**, придя с воскресного базара, **принесла вест**, о которой **судачили** женщины 2. Однажды, спустя два месяца после приезда, меня пригласили в акушерско-гинекологическое отделение, куда **доставили** молодую женщину, которая не может **родоразрешиться** естественным путем. 3. **Диапазон** колебаний хирургической и травматологической патологии **весьма** большой и разнообразный.

Слова для справок: сообщить, очень, привезти, предел, снимать квартиру, болезненное отклонение, разродиться, обсуждать.

Задание 4. Определите значение слов исходя из значения их составных частей.

Родоразрешающая, полновесный, райздравотдел, головокружение, приоткрыть, перекатываться, чревосечение, внематочная, синеватый.

Задание 5. Прочитайте однокоренные слова, определите их грамматические классы и значение. Составьте с новыми словами словосочетания или предложения.

- 1) Диспансер, диспансерный, диспансеризация.
- 2) Сломать, сломанный, ломота.
- 3) Отношение, относиться, относящийся.
- 4) Выражать / выразить, выражение, выразительный, выразительно.
- 5) Волнение, волнующий, волноваться, волнительный.
- 6) Операция, операционный, операбельный, оперировать.
- 7) Мелькание, мелькать / мелькнуть, мельком, мелькающий.
- 8) Посетитель, посещать / посетить, посещение.

Задание 6. Найдите в словаре значение следующих терминов.

Асфиксия плода, кесарево сечение, остеомиелит.

Задание 7. Прочитайте текст и выполните послетекстовые задания.

Отчетливо помню первые дни **амбулаторного приема**. В коридоре и во дворе нетерпеливо ждали больные и пострадавшие. Несмотря на большое скопление посетителей – мужчин, женщин и детей, не было слышно ни стонов, ни жалоб. Лишь полусшепот: «Хирург-то совсем мальчишка», «Что он понимает?», «У него же нет опыта и знаний». И все же мне, новичку – хирургу, казалось, что я наблюдал за какой-то волнительной и неестественной борьбой людей, которые были **повержены** недугом и несли

с собой физическую боль, какую-то нескончаемую цепь страданий, покорность судьбе, отчаяние и надежду на выздоровление. Причем у каждого свое: один с аппендицитом, холециститом или бедренной, паховой грыжей, кто-то с остеомиелитом, а другие – с резаной раной, ушибом головы или сломанными костями. **Диапазон колебаний** хирургической и травматологической патологии весьма большой и разнообразный. Больные думали о восстановлении здоровья, об одном только здоровье и, разумеется, о работе. А я, в свою очередь, думал о другом: «Как бы не опозориться. Если я не справлюсь с приемом, это будет свидетельствовать о моей незрелости, полной несостоятельности и о том, что больным нужен другой, более опытный хирург, в частности, тот же Павел Данилович Ивко». Кстати, П.Д. Ивко работал до моего приезда. Армейский хирург, недавно вернувшийся с полей сражения, сдержанный и осторожный человек.

Оперировать Ивко не любил: работа получалась «топорная» – грубая и **неуклюжая**. По возможности все плохое, нежелательное и трудное, в том числе ночные вызовы, диспансеризацию, осмотры, старался переложить на меня. И никому – ни главному врачу, ни руководству Белокалитвенского райздравотдела – не удавалось сдвинуть его с мертвой точки: он жил своей обособленной жизнью.

Как ни странно, особую известность, новую окраску среди двадцатитысячного населения я приобрел на ниве акушерско-гинекологических операций. Вспоминаю случай. Поступила больная Маша Грачева, двадцати двух лет, с явлениями малокровия и слабости. Жалуется на шум в ушах, мелькание в глазах и на страшные боли внизу живота, которые возникли внезапно. В глаза бросаются

резкая бледность кожи и слизистых оболочек, холодный пот, красиво очерченные губы с синеватым оттенком. За какой-то небольшой промежуток времени обследования не раз повторялись обмороки, головокружение, мучила жажда. Из опроса выясняется, что Маша считала себя беременной на основании известных всем женщинам признаков – задержка менструации, тошнота и извращение вкуса, набухание молочных желез. Диагноз не вызывает сомнения и у нас, врачей: внематочная беременность. Только какая беременность? Трубная, яичниковая или брюшная, а может быть, сочетание маточной и внематочной? Кто ее знает, какая! Разве сейчас предугадаешь? Да и так ли это важно? Важно другое. Нужна срочная операция – чревосечение с удалением беременной трубы вместе с патологически измененным яичником. На предоперационную подготовку времени нет. Опытная акушерка Юлия Шаповалова, **по совместительству** анестезиолог, накладывает на лицо больной наркозную маску Эсмарха, закрывая тем самым рот и нос. Во избежание большого испарения этилового эфира маска по краям прикрывается полотенцем. Эфир подается медленно, по каплям, и столько, сколько это потребуется для выполнения операции.

В сущности, операция при свежем разрыве беременной трубы не представляет технических трудностей. Однако в момент вскрытия брюшной полости из нее струей льется жидкая кровь. Бог ты мой! Сколько крови! Для начинающего хирурга это всегда волнующий момент. Тревога, душевное беспокойство и какой-то особый нервный подъем...

Ранним утром следующего дня бабка Марфа, у которой я квартировал, придя с воскресного базара, принесла весть, о которой **судачили** женщины: «Хирург-

то, ничего себе, молодец! Сделал такую операцию, на которую Ивко никогда не решался». Так вроде бы и небольшая операция, но наделала много шума и круто изменила отношение ко мне жителей...

Однажды, спустя два месяца после приезда, меня пригласили в акушерско-гинекологическое отделение, куда доставили молодую женщину, которая не может родоразрешиться естественным путем. Ей надо было произвести кесарево сечение. Муж и родственники роженицы выразили сомнение в моих способностях выполнить подобную операцию. Да я и не настаивал. Пригласили опытного хирурга А.К. Сличкина из поселка Богураевка, что в двадцати пяти километрах от нас. Он готовил свою операцию спокойно, со знанием дела и с уверенностью в успехе, которому мог бы **позавидовать** любой. А я, начинающий хирург, бессилён был что-либо сделать. Мне ни разу за годы учебы не пришлось видеть кесарево сечение. Но время, как известно, вносит свои поправки в нашу жизнь.

Буквально через две недели поступила другая роженица – Нина Белова – с подобным осложнением. Как говаривал один из моих старых профессоров по хирургии, существует закон «парности случаев».

Роженица беспокойна, схватки следуют одна за другой, в промежутках матка не расслабляется – остается в состоянии длительного, судорожного сокращения. Роды не идут. Крик отчаяния. Голова роженицы то и дело перекатывалась с одной стороны в другую, а из напряженных губ вырывались все более продолжительные стоны, лицо распухшее. Глаза закрыты, но время от времени она приоткрывала их, глядя на нас выжидательным, отсутствующим взглядом. Затем ее веки снова опускались, голова запрокидывалась, тело

судорожно вздрагивало, и так продолжалось несколько раз до тех пор, пока в груди ее не появился животный вопль.

И все повторялось снова и снова...

С каждым поворотом головы менялась мимика истрадавшего лица. Грудь отзывалась болью, а нижняя часть тела вся горела огнем. Свесившиеся за край постели ноги затекли и ужасно ныли. В горле застыл комок, и слезы готовы были потоками хлынуть из глаз. Создается угроза асфиксии плода. Акушер-гинеколог, опытный специалист, но, к сожалению, не владеющий хирургической техникой, Антонина Максимова выносит приговор: запущенное положение плода, узкий таз и явление угрожающего разрыва матки. Надо срочно оперировать. Долго уговаривали роженицу дать согласие на родоразрешающую операцию... Ни в какую! Серый свет на востоке сменился кроваво-красным заревом. Бледная, испуганная, как в воду опущенная, она металась на койке, не сознавая грозящей опасности себе и ребенку. Сможем ли мы убедить ее на кесарево сечение? Я не выдерживаю и через несколько минут бросаю:

– Поймите же, наконец! У вас очень мало осталось шансов на спасение. Вы невольно погубите и свою жизнь, и жизнь ребенка. Вам это понятно?

– Да, после того, как вы объяснили. Только мне не ясно, почему все так долго тянется (вот **дуреха!**), я готова принять любое решение. – Она хотела добавить: «Лишь бы врачи от меня отстали», – но закончила фразу так:

– Лишь бы моему маленькому было хорошо.

– Разумное решение, – заметила А. Максимова, – и говорит в вашу пользу.

Чувствую, что Нину охватило тревожное предчувствие.

«Это было невыносимое физическое ощущение, –

скажет она позднее, – мне хотелось только одного: как можно быстрее избавиться от нарастающей пронзительной боли».

С нашей хирургической помощью родился полновесный, розовенький малыш.

Потрясающе! Вначале испытываешь напряжение, а потом – радостное ощущение нужности, видя, как рождается малыш, а потом, как рассеченная матка после извлечения плода на глазах сокращается, уменьшаясь почти до нормальных размеров и спускаясь все ниже и ниже, в свое естественное **ложе**. Малыша в честь хирурга назвали Николаем. Позже родились еще два Николая. Теперь-то им за сорок пять.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Ответьте на вопросы:

- 1) В каком отделении больницы происходит действие рассказа?
- 2) С чем поступила в больницу пациентка Маша Грачева?
- 3) Как прошла операция?
- 4) Почему стандартная, казалось бы, операция «наделала много шума и круто изменила отношение жителей» к молодому врачу?
- 5) Каким предстает в рассказе хирург Павел Данилович Ивко?
- 6) Как Вы понимаете закон «парности случаев».
- 7) С каким осложнением поступила в больницу Нина Белова?
- 8) Какую операцию ей сделали и почему?
- 9) Как Вы можете охарактеризовать акушера-гинеколога Антонину Максимову?

Задание 2. Объясните, как вы понимаете следующие фразы. Найдите в тексте ситуации, в которых они употребляются.

- 1) «Так вроде бы и небольшая операция, но наделала много шума и круто изменила отношение ко мне жителей...»
- 2) «Но время, как известно, вносит свои поправки в нашу жизнь».

Задание 3. Кратко перескажите содержание рассказа.

Из книги «РАССЕКАЯ ВРЕМЯ» (продолжение)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Бедняга – несчастный, вызывающий сожаление и сочувствие человек.

Бездна – неизмеримая глубина, бездонная пропасть; крутой, глубокий обрыв, яма.

Босс – начальник.

Бригадир – военный чин рангом выше полковника; руководитель производственной бригады.

Вагонетка – небольшой открытый вагон для перевозки грузов на узкоколейных или подвесных дорогах.

Горная порода – природное образование минералов, минеральный пласт в земной коре.

Жестянка – *разг.* жестяная коробка, банка, вообще предмет обихода из жести.

Исказиться / исказаться – представляться в ложном, неправильном виде; резко ухудшаться.

Катастрофа (от *греч.* переворот, перелом) – несчастье бедствие; событие, влекущее за собой трагические последствия.

Крестьянин – мужик, землепашец или земледелец, селянин.

Крутизна – крутая часть склона.

Мироздание – *книжн.* Вселенная.

Мнимый – не существующий в действительности.

Некомпетентность – выполненный без достаточных знаний, неосновательно.

Откос – боковая наклонная поверхность дорожной насыпи.

Пати́на – серовато-зеленый налет на древних металлических вещах и монетах.

Потомок – люди будущих поколений, внуки, правнуки.

Пресс – механизм для производства давления с целью уплотнения вещества, выжимания жидкостей, изменения формы.

Прогноз (от *греч. prognosis* – предвидение, предсказание) – обоснованное предположение о вероятном развитии событий, ситуации.

Проём – отверстие, углубление, проход в чем-либо, где-либо.

Прожектор – осветительный прибор, служащий для освещения отдаленных предметов

Ранг – звание, чин; категория, разряд, класс.

Рычаг – устройство, имеющее точку опоры и служащее для уравновешивания большей силы при помощи меньшей.

Симпатыга – *разг.* симпатичный человек.

Сумерки – переход от полного дневного света к ночной темноте и обратно.

Торец (Твар. п. – торцом) – боковая часть, край какого-либо предмета.

Трест – объединение предприятий в СССР, близких по роду продукции или характеру обработки сырья.

Удручающий – огорчающий, приводящий в подавленное угнетенное, состояние.

Финансы – денежные средства.

Шахта – колодец, для добывания руд.

Элегантный – изысканный, изящный.

Эпизод – (от греч. происшествие) – случай сам по себе посторонний, но связанный с главным происшествием; отдельное происшествие.

Задание 2. Определите значение слов исходя из значения их составных частей.

Самолично, подреберье, высокомерный, грузопоток, сладкокомедовые, безнадежность, волнообразный, здравпункт, прямоугольник, шахтоуправление, внутрибрюшное, всемогущий, кровотечение, молниеносно, чрезвычайно, мироздание, многочисленные.

Задание 3. Подберите синонимы к выделенным словам.

Вдруг раздался пронзительный телефонный звонок. 2. На улице начал **накрапывать** дождь, весело стуча об оконные стекла. 3. Чуть **выступающие** скулы, широкий, твердый рот, почти вертикальная складка между бровями дали повод женщинам называть его мечтательным симпатягой. 4. **Тщательный** осмотр пострадавшего наводил на мысль о внутрибрюшном кровотечении с напряжением мышц живота и болезненностью в правом

подреберье. 5. Все **прояснится** на операционном столе. 6. Стекла **дребезжали** от порывов ветра. 7. Кроме того, он в отличие от других **не обладал** даром наживать себе врагов. 8. Тем временем на меня стали оказывать жесткое **воздействие** работники различного ранга шахтоуправления. 9. Начальникам шахты и участка, а также бригадиру грозили крупные **неприятности**. 10. Они что, не знают, что у Попова **повреждение**, несовместимое с жизнью?..». 11. Было уже половина третьего, а я так и **не сомкнул** глаз. 12. Не важно, что мне с моими помощниками пришлось делать все, от нас зависящее, чтобы **завершить** операцию. 13. Так, сорок восемь лет назад в поселке Синегорский я, крохотная частичка в бесконечно огромном мироздании, впервые вступил на капитанский мостик корабля жизни и робко **зарулил** в бездну грядущего. 14. Едва я отошел от Попова, чтобы заняться подготовкой к операции, как на небольшом ночном столике вновь **затрещал** телефон.

Задание 4. Подберите однокоренные слова к следующим прилагательным.

Хирургический,   влиятельный,   бессмысленный,
глубокий,   срочный,   очистной,   ответственный,
мечтательный, навязчивый.

Задание 5. Прочитайте текст и выполните послетекстовые задания.

В один из летних дней я засиделся на работе.

Из окна кабинета вижу волнообразные движения в изгибах людей, спускающихся с **крутизны** к реке. Девять часов вечера. Это время, когда весь поселок принимает аспидно-серые тона, когда **пatina** на разбросанных камнях

начинает мягко светиться в сгущающихся **сумерках**. Вдруг раздался пронзительный телефонный звонок. Этот резкий звук внес тревогу в спокойную атмосферу кабинета. Даже дежурная медсестра, сидя в конце коридора, вздрогнула, оторвавшись от своих дел. Звонил фельдшер здравпункта шахты «Комсомольская».

– Слушаю.

– Николай Петрович, у нас неприятность. К вам сейчас подвезем пострадавшего, главного инженера по технике безопасности Попова.

– Хорошо, – ответил я. – Мы будем готовиться к приему.

Я уже собирался повесить трубку, но передумал и спросил:

– Что с ним?

– Похоже, ушиб живота. Возможно, внутрибрюшное кровотечение.

– Это меняет дело. – Я повесил трубку и тут же стал созваниваться с хирургом Ивко, операционной сестрой Машей Петровой и анестезиологом Юлией Шаповаловой.

На улице начал накрапывать дождь, весело стуча об оконные стекла.

В томительном ожидании прошло четверть часа, и в желтом прямоугольнике дверного **проема** показались фельдшер и пострадавший на носилках.

Следом за ними – начальник **шахты** «Комсомольская» и **бригадир** очистного забоя, внося с собой уличную сырость.

Из наспех собранных данных выяснилось, что Попов оказался жертвой «орла» – летящей под **откос вагонетки**. Вырванная с корнем деревянная стойка **торцом** врезалась **бедняге** в живот.

Пока везли в стационар, он находился еще в

сознании.

Да, это был тот Андрей Попов, которого я знал, главный инженер по технике безопасности Краснодонского шахтоуправления. Высокий, стройный, с коротко остриженными волосами, светло-синими глазами. Чуть выступающие скулы, широкий, твердый рот, почти вертикальная складка между бровями дали повод женщинам называть его мечтательным **симпатягой**. Во время дружеской беседы смешливые искорки в его глазах выдавали **мнимую** серьезность. Сейчас он молчал.

Тщательный осмотр пострадавшего наводил на мысль о внутрибрюшном кровотечении с напряжением мышц живота и болезненностью в правом подреберье. Предстоит срочная операция. Едва я отошел от Попова, чтобы заняться подготовкой к операции, как на небольшом ночном столике вновь затрещал телефон. Это был Сергей Дмитриевич Динеев – управляющий Краснодонским шахтоуправлением. **Босс**, а точнее политика, экономика, **финансы** и многочисленные административно-хозяйственные **рычаги** нашего региона. Он редко снисходил до того, чтобы к врачам обращаться самолично по каким-либо вопросам. Элегантный, высокомерный человек, не способный на искренние теплые отношения, но продвигающий тех, кто честно на него работает.

– Как Попов?

– Неважно. Подозреваем разрыв печени.

– Какой прогноз?

– Сейчас трудно что-либо сказать. Все прояснится на операционном столе.

– Желаю удачи.

Дождь усилился. Стекла дребезжали от порывов ветра. А в это время Попов побледнел, как полотно. Он покачал головой и протянул руку к телефонной трубке,

однако рука застыла в воздухе. Все его тело обмякло, ослабело, а лицо **исказилось** от страшной внутренней **катастрофы**.

Глядя на него, я второй раз испытал глубокое потрясение: передо мной на операционном столе лежал всемогущий глава по технике безопасности шахтоуправления, один из самых влиятельных людей в нашем регионе.

Во время срединной лапаротомии (чревосечения) органы брюшной полости буквально плавали в излившейся крови и желчи. Печень была с многочисленными глубокими, радиально расположенными разрывами, а в некоторых местах и отрывом кусочков печеночной паренхимы.

Несмотря на раннюю операцию и раннее применение мероприятий по борьбе с кровотечением, больной скончался на столе. Известие о смерти Попова молниеносно распространилось по управлению. Динеев срочно собрал ответственных лиц и предупредил о случившемся **трест** «Шахтанграци» и Министерство угольной промышленности СССР.

Это была большая трагедия для всех – бессмысленная, глупая смерть. Всех волновал вопрос: почему он, инженер по технике безопасности, нарушил правила безопасности. Как он мог такое позволить?! Почему оказался на месте грузопотока горной породы? Вопросы, вопросы...

Похороны Попова, назначенные на два часа, собрали почти все население **окрестных** сел и поселков, подавленное страшным происшествием. Должность его была единственной в шахтоуправлении, и его, естественно, знали все жители. Кроме того, он в отличие от других не обладал даром наживать себе врагов. Да и трагичность

случившегося придавала особую окраску.

Я насмотрелся в жизни на разные вещи, но это зрелище было поистине **удручающим**. Жизнь, оборванная в самом начале...

Тем временем на меня стали оказывать жесткое воздействие работники различного **ранга** шахтоуправления. Они сменяли друг друга, двери без конца хлопали, открываясь и снова закрываясь. У просителей был разный подход и разные голоса.

Я чувствовал себя **жестянкой**, попавшей под **пресс**. Одни, сладкомедовые, проникали в самые глубокие слои моего подсознания, другие, более грубые, обвиняли в хирургической **некомпетентности** и просили взять вину на себя. Особенно старался начальник шахты. Я хорошо знал его – этот парень мне нравился. Но, видимо, личные отношения и служебный долг – вещи разные. Правильно говорят, что друзья у власти – уже не друзья... В какой-то степени я их понимал. Начальникам шахты и участка, а также бригадиру грозили крупные неприятности. Москва сурово наказывала ответственных лиц за чрезвычайные происшествия.

Но и я был упрямым потомком орловских **крестьян**. Переложив вину на себя, я бы признался в своей профессиональной несостоятельности.

Помню, как я поднялся и подошел к окну, чувствуя головную боль, усталость и опустошение. «Какого черта, – подумал я, – они разыгрывают комедию? Они что, не знают, что у Попова повреждение, несовместимое с жизнью?...».

Вторую ночь я не мог заснуть. Мысли лихорадочно крутились вокруг одного события – смерти инженера. Было уже половина третьего, а я так и не сомкнул глаз. Я пытался закрыть глаза.

«Нет, все равно не заснуть. Нужно встать, – сказал я себе. – Встать и пройтись. А может быть, что-нибудь выпить или почитать. Любым способом отвлечься от навязчивых мыслей».

И я долго сидел в темноте, размышляя над делом, общие очертания которого теперь горели передо мной так же ярко, как лучи **прожектора**. Воспоминания об этом **эпизоде** даже спустя десятилетия вновь и вновь вызывают в моей душе неприятные волнения и беспокойство. Не важно, что мне с моими помощниками пришлось делать все, от нас зависящее, чтобы завершить операцию. Это наш долг. Выбора у нас не было. Важно, что каждый из нас ни секунды не сомневался в ее безнадежности.

Так, сорок восемь лет назад в поселке Синегорский я, крохотная частичка в бесконечно огромном **мироздании**, впервые вступил на капитанский мостик корабля жизни и робко зарулил в **бездну** грядущего.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Придумайте заголовок к данному рассказу.

Задание 2. Найдите в тексте причастия, определите их время и разряд.

Задание 3. Ответьте на вопросы:

- 1) Что произошло с Андреем Поповым?
- 2) Где работал пострадавший Попов?
- 3) Опишите внешность Андрея Попова.
- 4) Что вы знаете о Сергее Дмитриевиче Динееве?
Как его характеризует автор?
- 5) Как проходила операция? Удалось ли спасти

пострадавшего Попова?

- б) Как чувствовал себя врач после операции? Мучили ли его угрызения совести?
- 7) Кто и с какой целью приходил к врачу после операции?
- 8) Как отреагировал врач на обвинения посетителей?
- 9) Что, по мнению автора, является основным врачебным долгом? Согласны ли вы с его мнением?
- 10) Имеет ли, по вашему мнению, врач право на профессиональную ошибку? Аргументируйте свой ответ.

Задание 4. Объясните, как вы понимаете данные ниже выражения. В каких ситуациях они встречаются в тексте?

1. «Мысли лихорадочно крутились вокруг одного события – смерти инженера». 2. «Переложив вину на себя, я бы признался в своей профессиональной несостоятельности». 3. «Какого черта они разыгрывают комедию?» 4. «Но, видимо, личные отношения и служебный долг – вещи разные».

Из книги «РАССЕКАЯ ВРЕМЯ»

(продолжение)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте новые слова:

Архивариус – сотрудник архива, хранитель архива.

Бесперспективный – лишенный перспектив, хороших видов на будущее.

Большие исады – рынок в Астрахани.

Булавка – заостренный металлический стержень для прикалывания или (с красивой головкой) для украшения.

Галстук – повязка из широкой ленты, завязываемая узлом или бантом вокруг воротничка.

Заложник – человек, насильственно задержанный в обеспечение выполнения каких-н. требований.

Запонки – застежка, вдеваемая в петли манжет на рубашке.

Заскок – *разг. ирон.* отклонения от нормы.

Импозантный – *книжн.* способный импонировать; представительный.

Казнить – подвергнуть смертной казни, подвергнуть нравственным страданиям, наказать.

Квартал – *здесь:* четвертая часть года.

Клавиша – пластинка, удар по которой приводит в движение рычаги механизма (рояля, компьютера, телеграфа и др.)

Коллега – товарищ по учению или работе (о работниках умственного труда).

Консилиум – совещание врачей для установления диагноза заболевания и определения способов лечения.

Манера – способ что-либо делать, та или иная особенность поведения.

Манжета – пристегивающийся или пришитый отворот на конце рукава.

Недюжинный – выдающийся, выделяющийся своими способностями.

Персона – (книжн. и ирон.) личность, особа.

Покрой – вид, придаваемый одежде тем или иным способом кройки, фасон.

Прогрессивный – являющийся прогрессом, ведущий или стремящийся к прогрессу, передовой.

Разводы – *здесь*: крупный узор с неопределенным, размытым рисунком

Рыбвтуз – *сокр.* от «Рыбное высшее техническое учебное заведение» (ныне АГТУ).

Скрупулезный – точный до мелочей, чрезвычайно тщательный.

Срыв – невыполнение какого-либо дела.

Суетиться – двигаться, действовать суетливо.

Экспансия – расширение, распространение чего-н. за первоначальные пределы.

Эрудиция – глубокие познания в какой-н. области.

Задание 2. Определите значение слов исходя из значения их составных частей.

Рукопожатие,   двубортный,   бесконечный,
целенаправленный,   трудоемкий,   здравоохранение,
взаимоотношения,   миндалевидные,   благодарность,
своевременный.

Задание 3. Образуйте от существительных прилагательные с суффиксом -ист:

Образец: голос – голосистый

Золото, кость, ворс, пена, серебро, куст, волосы, гора, вода, ветвь, пора,

Задание 4. Объясните значение фразеологизмов:

Поймать жар-птицу, расставлять все точки над буквой «и».

Задание 5. Прочитайте текст и выполните послетекстовые задания.

Начинается новый день, такой же безоблачный и

жаркий, как и прошедший, но было еще рано, чтобы предсказывать, что он принесет. Часам к десяти утра заехал З.М. Абрамович на своем стареньком, дребезжащем «Москвиче». Он долго возил меня по городу, с любовью показывал старые и новые **кварталы**, микрорайоны, индустриальную зону, восторгался строительной **экспансией рыбвтуза** и клинической больницы им. С. М. Кирова, очаровывал **Большими исадами**, повторяя, что богаче, разнообразнее и дешевле астраханского рынка ничего нет по всей России. Наконец мы подъехали к первой областной клинической больнице, где в тени деревьев возле кафедры факультетской хирургии стояла группка людей – кто в белых халатах, кто в обычной выходной одежде. Над всеми возвышался высокий, **импозантный** человек. Это и был профессор Богатов Андрей Иванович. Тогда ему было лет шестьдесят с небольшим. Он был ширококостным, стройным, невольно притягивающим к себе мужчиной. В светло-рыжих волосах, оттененных загаром, кое-где появились серебряные нити, брови кустистые, серые глаза обрамлены светло-желтыми ресницами. Скуластое лицо с правильной челюстью, твердым подбородком и резко очерченной линией губ свидетельствовало о сильной воле и **недюжинных** способностях.

Одет безукоризненно: двубортный светло-коричневый великолепного **покроя** костюм, белая рубашка с маленьким воротником, коричневый в **разводах галстук**, заколотый золотой **булавкой**. **Манжеты** рубашки, выглядывающие на два сантиметра из рукавов, были украшены **запонками**.

С первого взгляда было видно, что Андрей Иванович – важная и не потому, что профессор, заведующий кафедрой. Его поведение, **манера** держаться, жесты,

приглушенный голос с легкой хрипотцой, проникновенный взгляд с безмолвием подчеркивали его значимость, что он знает себе цену.

После приветствий, рукопожатий мы с ним разговорились, вспоминая знакомых нам ученых. В этой статье я, разумеется, неминуемо окажусь пристрастным, забуду кое-какие имена, но этого не избежать: прошло двадцать пять лет. Ограничу себя проблемой взаимоотношения со своим **коллегой**, старшим по возрасту. Мне также хочется отметить его высокую **эрудицию** в вопросах диагностики и клиники, как хирургической патологии в отдельности, так и медицинской в целом. К большому сожалению, мне ни разу не пришлось присутствовать на его операциях. До сих пор **казню** себя за это.

Помнится встреча в ортопедической клинике. Под нашим наблюдением находилась пожилая женщина, известный ученый и крупный организатор здравоохранения. Мы долго не могли разобраться и выяснить источник ее страдания. Пригласили Андрея Ивановича на консультацию.

Чувствуя тяжесть во всем теле, боль в животе и в конечностях, она терпеливо и со всеми подробностями изложила историю своей болезни, свои сомнения.

Профессор обратил внимание, что миндалевидные глаза больной, такие ясные и полные жизни всего месяц назад, покраснели и смотрели крайне утомленно и печально. Перед ним была измученная, крайне изнуренная и истомленная женщина.

– Почему не обедаете? Что-нибудь не так? – мягко спросил Андрей Иванович.

Больная подняла на него глаза, потом опустила, взглянула на еду, стоявшую на тумбочке, к которой так и не

притронулась.

– Нет-нет. Ничего. Мне просто не хочется есть. Пропал аппетит, – ответила она со своим знаменитым горловым придыханием в голосе. Ее облик, манеры, удивительная сдержанность при таких чрезвычайных обстоятельствах, как тяжелый недуг, сохранились с прежним достоинством.

– Разрешите задать вам еще один вопрос, – улыбаясь, обратился Андрей Иванович к больной. – Хотя, может быть, он покажется вам нескромным и излишним. Вы пьете?

Она задумалась, потом успокоилась и прошептала:

– Бывает, порой так накатывает, что чуть-чуть выпьешь и немного покуришь. Глядишь, все как рукой сняло.

– Я, разумеется, мог бы и не спрашивать, сколько вы курите. Запах, к сожалению, держится до сих пор в палате.

– Немного. Десять-пятнадцать сигарет в день. Что мне теперь делать? – любопытствовала больная, не обращаясь непосредственно ни к кому.

Лечащий врач подробно доложил относительно объективных данных, в частности, данных клинического, рентгенологического и лабораторного исследований.

Без тени улыбки, серьезным и деловитым тоном А.И. Богатов произнес:

– А теперь разденьтесь, снимите все и постарайтесь расслабиться.

Он склонился перед ней, успокаивающе положил руки на живот и посоветовал, стараясь проследить за мимикой:

– Потерпите несколько минут.

– Хорошо, – ответила она и расслабилась в ритмично работавших руках профессора.

Он взглянул на нее, а потом тем же тоном, но уже с несколько иным оттенком спросил:

– Я не делаю вам больно? – продолжая спрашивать, он ощупывал низ живота, где отмечалось легкое напряжение.

– Нет, – сказала она, сиюсь улыbnуться. – Давайте опять испытывайте меня.

Затем он попросил больную повернуться, лечь на живот. Кончиками своих пухлых пальцев с рыжим пушком он пробежал по выпуклостям костистых отростков позвоночника, словно музыкант на **клавишах** инструмента, еще раз прошелся вдоль позвоночника, осмотрел таз и суставы конечностей. Руки его то поднимались, то спускались по бесконечным холмикам и западениям тела.

–Итак, – обратился он к лечащему врачу. – Еще раз уточним: у больной упорный, стойкий характер болей продолжается более двух недель. Вы говорите, что боли иррадиируют в правую конечность и в область поясницы. Я правильно вас понял?

– Да, – краснея и смущаясь, отозвался врач.

– Проводились ли ректальное и вагинальное исследования? Что получено?

– Ничего определенного.

– Какая скорость оседания эритроцитов?

– СОЭ повышенная, 28 мм в час. Лейкоцитоз.

– Имеются ли нарушения функции тазовых органов?

– Да, примерно пять дней назад появились затруднения и задержки мочеиспускания и дефекации.

– Налицо общая слабость, бледность кожных покровов, отеки и тромбофлебиты нижних конечностей. Когда это случилось?

– Буквально в первые дни после госпитализации.

И снова, обращаясь к больной, Андрей Иванович спросил:

– Хочу задать вам еще один вопрос. Какая у вас температура?

– Температура колеблется между 38°C и 38,5°C в течение восьми дней. После того, как палатная сестра даст мне какие-то таблетки, она на короткое время снижается.

Потом любопытствовал у лечащего врача:

– Вы сами определяли атрофию и функцию суставов?

– Нет, – вмешался я. – Определял я.

– Ах, вот оно что, – он расплылся в широкой понимающей улыбке, повернулся к больной, а затем снова ко мне. – Судя по всему, в клинике неплохо потрудились.

Осмотрев тщательно больную, прослушав старательно легкие, Андрей Иванович попросил показать анализы крови и мочи. Для больной **суесящиеся** врачи, заведующий отделением, профессора, доценты были до этого просто коллегами, и вдруг каждое слово обрело смысл, иное значение, а ее давняя жизнь подвергалась **скрупулезному** изучению. И она с обостренным чувством следила за каждым нашим жестом, за каждым движением, словно пыталась прочесть по губам, о чем мы говорили, и даже не говорили, а только думали.

– Кажется, все, – заметил на прощание Андрей Иванович и, замолчав, протянул больной руку, которую она пожалала, как мне показалось, с неожиданной теплотой и благодарностью.

Потом мы все – Андрей Иванович, я, врачи и другие участники **консилиума** – встали и пошли в мой кабинет. Он откинулся на спинку кресла и соединил пальцы на животе. После этого с мрачным видом застыл на месте, погруженный в свои невеселые мысли.

– Вы что-нибудь уяснили для себя? Ваше мнение? – изрек он, глядя на меня.

Я поднял глаза к потолку.

– Если бы мы знали, Андрей Иванович, то вряд ли стали беспокоить вас и отрывать от работы.

– Полагаю, что у больной злокачественная опухоль, а точнее, остеогенная саркома правой подвздошной кости. Обратите внимание на совокупность симптомов: боль, мягкоэластическое, как бы флюктуирующее образование, которое не имеет четких границ, сливающееся с костями таза и не отделимое от последних. Мне удалось ее прощупать. Далее – нарушение движений конечности, особенно справа, и туловища, атрофия мышц бедра, отсутствие аппетита, нарушение функции органов таза, повышение температуры с вытекающими последствиями. Следовательно, речь уже идет не о ранней стадии заболевания, а о **прогрессивном** развитии остеогенной саркомы таза. Если вы повторите рентгеновские снимки грудной клетки, то, возможно, найдете метастазы в легких и плевре, – закончил он.

Так оно впоследствии и оказалось.

Позже я неоднократно бывал с ним на консилиумах, и всякий раз восхищался его умением правильно ориентироваться в диагнозе, расставлять все точки над буквой «и».

«Да, – думал я с одобрением, – это тонкий и блестящий знаток хирургической патологии, хорошо знает диагностику и клиническое течение заболеваний». Однажды я не выдержал и спросил А.И. Богатова, как это ему удается удачно и правильно поставить диагноз.

– В моем характере, – отвечал Андрей Иванович, – имеются своего рода **заскоки**: не понятно почему, я делаюсь упрямее, проявляю невероятную решительность и

не отступаю ни на шаг от своей позиции. Ведь что такое диагноз? «Диагноз» – слово греческое, означает распознавание. Ты это лучше меня знаешь. Распознавание болезней, их диагностика – это одна из важных и трудоемких сторон деятельности врача, сложный процесс познания и изучения как болезни, так и конкретно – больного. Наверное, не забыл, что сказал по этому поводу выдающийся русский врач М.Я. Мудров: «Познание болезни есть уже половина лечения».

И далее он продолжил:

– Наблюдение над больным, его тщательное исследование являются процессом собирания и накопления фактов, объективных данных, которые затем, в процессе врачебного мышления, послужат основой для заключения и установления диагноза.

– Да, это, правда, все это так, – согласился я, – все врачи знают это изречение, но, к сожалению, не всем дается жар-птица. Большинство из них располагает многочисленными фактами, но не умеет их оценить, дать нужное толкование. По существу, являются **заложниками** этих фактов, превращаясь в своего рода **архивариусов** фактов. Нет, здесь, на мой взгляд, требуется исключительная наблюдательность в сочетании с чувством сообразительности, волшебство. В подобной ситуации необходимы чутье, умение анализировать факты, иначе – риск броситься очертя голову по ложному, **бесперспективному** пути.

– Нет, Николай Петрович, бывают **срывы** и у меня. Моя импульсивная реакция на то, что мне показалось пустяком, вздором, нелепостью, порою подводит меня, и я допускаю ошибку. При дифференциальной диагностике врач, определяя сходное в различном, ищет различия в сходном. Стремясь распознать болезнь, он должен уяснить

себе причины, механизм и источник, вызвавшие данное заболевание, определить срок, начало, специфические черты и характер болезни. Увязывая это, конечно, с объективными показателями. Ведь цель-то какова?! Правильно распознанная болезнь – это ключ к проведению целенаправленного, своевременного и эффективного лечения, – подытожил он.

Затем сильно потер лоб большим и указательным пальцами, повернулся и, с юношеским задором подмигнув мне, заключил на шутливой волне:

– Вот так-то!

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Определите, сколько частей в рассказе, обозначьте их. Кратко расскажите, о чем говорится в каждой части.

Задание 2. Найдите в тексте наречия, объясните их значение.

Задание 3. Ответьте на вопросы:

- 1) Почему врачи пригласили на осмотр профессора Андрея Ивановича Богатова?
- 2) Как профессор осматривал пациентку?
- 3) Какой диагноз он ей поставил?
- 4) Какое качество профессора Богатова автор считает особенно ценным?
- 5) Что, по мнению автора, является главным в деятельности врача?

Задание 4. Выпишите из текста все деепричастия, определите их вид.

Задание 5. 1) Найдите в рассказе слова и выражения, описывающие внешность Андрея Ивановича Богатова.

2) Прокомментируйте выражение русского врача М.Я. Мудрова: «Познание болезни есть уже половина лечения». Согласны ли вы с этим утверждением?

Задание 6. Прочитайте диалог. Замените предложения с прямой речью косвенными конструкциями.

– Почему не обедаете? Что-нибудь не так? – мягко спросил Андрей Иванович...

– Нет-нет. Ничего. Мне просто не хочется есть. Пропал аппетит, – ответила она со своим знаменитым горловым придыханием в голосе...

– Разрешите задать вам еще один вопрос, – улыбаясь, обратился Андрей Иванович к больной. – Хотя, может быть, он покажется вам нескромным и излишним. Вы пьете?

Она задумалась, потом успокоилась и прошептала:

– Бывает, порой так накатывает, что чуть-чуть выпьешь и немного покуришь. Глядишь, все как рукой сняло.

– Я, разумеется, мог бы и не спрашивать, сколько вы курите. Запах, к сожалению, держится до сих пор в палате.

– Немного. Десять-пятнадцать сигарет в день. Что мне теперь делать? – любопытствовала больная, не обращаясь непосредственно ни к кому...

Без тени улыбки, серьезным и деловитым тоном А.И. Богатов произнес:

– А теперь разденьтесь, снимите все и постарайтесь расслабиться.

Он склонился перед ней, успокаивающе положил руки на живот и посоветовал, стараясь проследить за мимикой:

– Потерпите несколько минут.

– Хорошо, – ответила она и расслабилась в ритмично работавших руках профессора.

Он взглянул на нее, а потом тем же тоном, но уже с несколько иным оттенком спросил:

– Я не делаю вам больно? – продолжая спрашивать, он ощупывал низ живота, где отмечалось легкое напряжение.

– Нет, – сказала она, сиюсь улыbnуться. – Давайте опять испытывайте меня.

Из книги «ЗА ДЫМКОЙ ВРЕМЕНИ»

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Акселератор – (от лат. *accelero* – ускоряю) регулятор количества горючей смеси, поступающей в цилиндры автомобильного двигателя внутреннего сгорания из карбюратора.

Барабан – ударный музыкальный инструмент в виде цилиндра.

Баржа – грузовое судно, обычно плоскодонное.

Барьер – преграда, поставленная на пути.

Бетон – строительный материал из вяжущих смесей (цемента, силиката, битума) с водой и заполнителями, твердеющий после укладки; *прил.* бетонный.

Газоконденсатный комплекс – газоперерабатывающий завод в Астраханской области.

Дробь – *здесь*: прерывистые звуки.

Зигзаг – ломаная линия.

Кошмар – *разг.* что-то скверное, отвратительное, ужасное.

Лавина – массы снега, снежных глыб, низвергающихся с гор.

Молния – мгновенный искровой разряд в воздухе скопившегося атмосферного электричества.

Настил – часть перекрытия или покрытия, укладываемая на опоры для сооружения пола, кровли, проезжей части мостов.

Небосклон – часть неба над горизонтом.

Оклематься – *прост.* То же, что выздороветь, прийти в себя (после болезни, недомогания).

Побережье – полоса земли вдоль морского берега.

Подошва – то же, что ступня; нижняя часть, основание чего-либо.

Приноровиться – приспособиться к кому-либо, чему-либо, выработать в себе навык к чему-либо.

Раскат – прерывистые и громкие звуки, прерывистый длительный гул, грохот.

Силуэт – одноцветное плоскостное изображение предмета на фоне другого цвета; *перен.* очертания чего-либо, виднеющиеся в темноте, тумане; линии, контур одежды.

Скрежет – скрежещущий звук

Супружеская пара – супруги, муж и жена.

Тормоз – механизм или устройство для уменьшения скорости или остановки машины, поезда; *перен.* помеха, препятствие в развитии чего-либо.

Щелкать – производить короткие, отрывистые звуки.

Задание 2. Прочитайте однокоренные слова,

определите их грамматические классы и значение. Составьте с новыми словами словосочетания или предложения.

- 1) Сочиться, сок, сочный.
- 2) Пульс, пульсация, пульсирующий, пульсировать.
- 3) Гипс, гипсовая.
- 4) Отслойка, слой, слоиться.
- 5) Пропитанный, пища, питание, питательный.
- 6) Воздух, воздушный.

Задание 3. Определите значение слов, исходя из значения их составных частей.

Великовозрастный, надколенник, злосчастный, бездонный.

Задание 4. Образуйте от данных существительных слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами -к-, -очк-, -ик-, -ок-, -ечк-:

Образец: раз – разок

Палец, нос, шапка, мама, сын, рука, рот, нога, дом, сердце, ветер, снег, глаза, хвост.

Задание 5. Прочитайте новеллу «Крахмалев» и выполните послетекстовые задания.

Выбивая звонкую **дробь** колесами, поезд въезжал в Астрахань на мост, перекинутый через Волгу. Параллельно ему мчались «Жигули». Молодая **супружеская пара** Крахмалевых – Ника и Роман – под вечер возвращалась домой, проведя отпуск в Аше, на берегу Черного моря. Инженер Крахмалев сидел в машине, развалившись на спинке сиденья, левую ногу сбросил со сцепления, опустив ее на

резиновый настил, а подошвой правой – упирался на педаль **акселератора**, выжимая скорость, равную скорости поезда.

Ника, врач по образованию, сидела справа от него и рассматривала речные **баржи**, плавучие краны и обширную территорию **побережья**, занятую многочисленными постройками...

А Крахмалев, в свою очередь, смотрел через лобовое стекло на приближающуюся Астрахань. Он только что выкурил одну из своих любимых гаванских сигар, к которым **приноровился** в последнее время – он питал слабость к кубинскому лидеру Фиделю Кастро, беспечно пуская кольца дыма под потолок. Бледные лучи заходящего солнца еле пробивались сквозь тяжелые облака, несущиеся над городом. Неожиданно, в какие-то доли секунд, тяжелые лиловые тучи заволокли **небосклон**, и где-то вблизи Белого Кремля, послышался **раскат** грома. Яркий **зигзаг молнии** рассек воздушное пространство, и на мост обрушилась **лавиная** дождя. Из-за плохой видимости при спуске Крахмалев не заметил **бетонное** ограждение. Когда оно внезапно возникло перед ним, он нажал на **тормоза**, но... было поздно.

Колеса скользнули на мокром асфальте, неуправляемую машину занесло влево, и, к несчастью водителя, врезалась в этот злосчастный **барьер**. Все произошло стремительно, в одно мгновение – звон стекла, скрежет металла, потрясение. Свистящий удар ожог уха, сокрушил плечо, сломал ключицу, пару ребер и свихнул надколенник кнаружи. Теряя сознание, Роман расслабляется, его руки соскальзывают с рулевого колеса, и он сползает как большеглазый полоз, наглотавшийся с десятков великовозрастных лягушек. Покореженная дверца довершает **кошмар**: бьет его по заднице – ладно, слово

уже сказано, сдирает кожу, лопаются копчик и трещит позвоночник. Несчастный грохается на влажный асфальт, кучу железа с острыми штырями и углами, и видится ему, словно в синем тумане, что летит он вниз с огромной высоты в бездонную пропасть, а при последней вспышке сознания Крахмалев понимает, что концом этого бесконечного падения будет смерть.

В сгущении сумерек Ника стояла рядом и беззвучно плакала, смешивая слезы с каплями дождя. Когда она вышла из машины целой и невредимой – скорее по счастливой случайности, чем благодаря мастерству мужа, – то решила, что лучше даст себе вырвать зуб без анестезии, чем снова сядет в автомобиль, за рулем которого будет сидеть Роман Крахмалев. Она прислонилась к машине, вернее, к тому, что от нее осталось. В ней волнами поднимался страх и острое чувство жалости к лежавшему перед ней мужу.

Сотрудники ГАИ прибыли на место дорожно-транспортного происшествия минут через десять. Обычно они приезжают намного позднее, тем более в вечерние часы. Бездыханному Крахмалеву расплетают ноги, закрученные винтом вокруг рулевой стойки, неизвестно как вырвавшейся из крепления и собираются везти в судебно-медицинский морг. Но вдруг – что такое? Он издает стон, что-то бормочет! Жив! Просто чудо, что он остался жив.

В те далекие шестидесятые и семидесятые годы ортопедическая клиника крайне редко оказывала экстренную помощь больным с повреждениями опорно-двигательного аппарата. Но с рождением Астраханского газоконденсатного комплекса положение изменилось, и ортопедическое отделение в Областной клинической больнице трансформировалось в ортопедо-

травматологическое, затем в травматолого-ортопедическое...

...Но вернемся к Крахмалеву. В клинике, куда его привезли, пока врачи-хирурги занимались подготовкой к операции, он разок **оклемался**, встрепенулся и даже приоткрыл глаза, думая, наверное, что уже в раю среди ангелов-хранителей – а там я в белом халате, белой маске и белой шапочке. Да еще речь врачам «толкаю» на профессиональном языке. Представляю его удивление. Поглядел, покрутил зрачками, оглядывая с любопытством перевязочную и всматриваясь в лица сестер и врачей. Потом, не обращая внимания на мелькавшие вокруг него белые халаты, вновь выпал в осадок, но долго в таком состоянии не продержался и снова очнулся.

– Ника-а-а!

Ника двинулась было к нему, но ее не пропустили, ибо она старалась помогать именно там, где больше всего мешала.

– Ника, попробуй дотянуться до телефона. Похоже, мне нужен врач... врач... врач... – в бессилии, невнятно и тихо бубнил он, повторяя одно и то же.

При осмотре на левом плече зияла рана с широко развернутыми краями кожи и даже с отслойкой лоскутов, повреждением мелких сосудов и мышц. Края разможенных тканей с синеватым оттенком, неровные, зазубренные, пропитанные кровью, на дне раны – грязь и кусочки одежды. На левом колене – ссадины, вывих надколенника. Перелом ключицы...

Постараюсь избавить читателя от детального описания последствий этой ужасной аварии...

И началась работа врачей. Хирургическая обработка ран давно и прочно вошла в повседневную практику хирургии мирного и военного времени. Важным

составляющим ее являются: туалет окружности раны, иссечение нежизнеспособных загрязненных и ингибированных тканей, применение методов дополнительной обработки раны (промывание пульсирующей струей жидкости, вакуумирование, ультразвуковая кавитация), дренирование, раннее закрытие раны. Основываясь на опыте прошлых лет, важно соблюсти все правила асептики и антисептики, строжайшее выполнение которых не признак хорошего хирургического тона, а правило...

Через два с половиной часа Крахмалев очнулся. Он лежал в палате, вся левая половина груди и рука были надлежащим образом загипсованы, нога тоже в гипсе. Он едва мог пошевелиться. Перед ним – матовые, неясные **силуэты** хирургов, анестезиолога и ночной медсестры.

Краснощекий Михаил Озеров, заведующий отделением, склонился над ним.

– Крахмалев! Пошевелите правой рукой.

Больной с трудом повиновался.

– Теперь покрутите головой.

Он вновь послушался.

– Можете подвигать стопой?

– Что? – беззвучно прошептал Крахмалев, насилу открывая ссохшийся рот с вздувшимися и твердыми, как **барабан**, губами...

– Я сказал: подвигайте пальцами стопы – к себе и от себя.

– Хорошо. Все в порядке.

Сейчас на все сто километров вокруг Областной клинической больницы, что на Татищева, 2, нельзя было найти человека более счастливого, чем жена Крахмалева – Ника. Вместе со здоровьем мужа в ее душе прибавлялось чувство, сходное с ликующим чувством облегчения. Ее

лицо засветилось очаровательной улыбкой. Это была женщина молодая, красивая, глаз не отвести.

А латанный-перелатанный Крахмалев постепенно выздоравливал и спустя месяц был выписан на амбулаторное лечение. На привыкание к новым условиям ему понадобилось несколько недель. К сожалению, он по-прежнему курит, хотя несколько раз и пытался бросить. Зато в последнее время приобрел манеру **шелкать** пальцами...

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Просмотрите текст рассказа. Объясните, как вы понимаете подчеркнутые выражения.

Задание 2. Ответьте на вопросы:

- 1) Что произошло с супружеской парой Крахмалевых?
- 2) Пострадала ли его супруга при дорожно-транспортном происшествии?
- 3) В каком состоянии привезли в клинику Крахмалева?
- 4) Кто осматривал Крахмалева?
- 5) Какие манипуляции проводят врачи во время хирургической обработки ран?
- 6) Как чувствовал себя Крахмалев после операции?

Задание 3. Определите, сколько частей в рассказе, озаглавьте их.

Задание 4. Кратко перескажите содержание

рассказа.

Из книги «ЗА ДЫМКОЙ ВРЕМЕНИ»

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Аффектация – неестественная, обычно показная возбужденность в поведении, в речи.

Вычурный – излишне затейливый, нарочито усложненный, замысловатый.

Галантный – изысканно-вежливый, любезный.

Гримаса – намеренное или невольное искажение лица (при выражении какого-либо чувства); *глагол*. гримасничать.

Жеманство – жеманное, кокетливое поведение.

Жемчуг – твердое, состоящее преимущ. из перламутра образование в двустворчатых раковинах некоторых моллюсков в виде зерен, обычно перламутрового цвета.

Заурядный (о человеке) – обыкновенный, ничем не выделяющийся, посредственный.

Исподтишка – скрытно, втихомолку.

Истерично – обнаруживающий крайне возбужденное состояние, свойственный истерикам.

Комплимент – любезные, приятные слова, лестный отзыв.

Мешанина – *разг. пренебр.* смесь чего-либо разнородного, путаница.

Мимика – движения лица, выражающие внутреннее душевное состояние.

Молодая порось – *здесь перен.*: молодежь.

Невзгоды – горе, несчастье.

Ниша – *здесь*: углубление.

Обескураженно – *разг.* неуверенно, растерянно.

Остроумие – изобретательность в нахождении ярких, удачных, смешных выражений; изобретательность и тонкость ума

Поводок – короткий повод, а также ремень, на котором водят собак.

По старинке – как в старину, без новшеств, консервативно.

Пошлый – низкий в нравственном отношении; безвкусно-грубый.

Прыснуть – *разг. здесь*: смеяться (не сдержавшись или в ответ на что-либо).

Суматоха – беспорядочная беготня, беспокойная торопливость в действиях.

Ухмылка – *разг.* то же, что усмешка – глупая, самодовольная улыбка.

Хихиканье – тихий смех исподтишка, со злорадством.

Целомудрие – строгая нравственность, чистота, невинность.

Чело – *устар.* лоб.

Шевелюра – пышные и густые волосы на голове.

Ястреб – хищная птица с коротким крючковатым клювом и длинными острыми когтями.

Задание 2. Прочитайте однокоренные слова, определите их грамматические классы и значение. Составьте с новыми словами словосочетания или предложения.

1) Цвет, цветник, соцветие, цветной.

2) Гримаса, гримасничать.

- 3) Танцевать, танец, танцующий, танцевальный, танцор.
- 4) Деформация, деформирующий, деформировать.
- 5) Боль, болезненный, больно́й, болевой, больница.
- 6) Клиника, клинический, клиницист, поликлиника.
- 7) Давно, давний, давнишний.
- 8) Острый, обострение, обостряться.

Задание 3. Определите значение слов, исходя из значения их составных частей.

Перекрестный, остроумие, новорожденный, заостренный, многослойный, шажок, вымученный, передвигаться, отломок, своеобразный, муженек, соцветие, просторечие, подкрасить, разрабатывать.

Задание 4. Прочитайте новеллу «Павлина Старухина» и выполните послетекстовые задания.

Я уже заканчивал обход на мужской половине клиники, когда из-за столика в **нише** коридора вспорхнула сидевшая женщина в темно-лиловом пальто и **вычурной** розовой **шляпке** и направилась ко мне с каким-то мужчиной на шелковом **поводке**.

Я заметил ее давно, она удивляла меня своим **кричащим одеянием**, неровно наложенной косметикой, морковным цветом волос и **нелепой мимикой** – такими бесконечными подмигиваниями, многозначительными ухмылками и **манерными жестами**, какими она подзывала сотрудниц в белых халатах.

– Доктор, – проговорила она, – вы не скажете, где мне найти профессора Демичева?

Прежде чем она закончила фразу, я узнал хрипловатый и протяжный голос женщины, которая звонила мне по телефону.

– Его искать не надо. Это я.

– О, Николай Петрович! – в замешательстве сказала она, легонько втянув голову в плечи и скользнув по мне взглядом. – Меня зовут Павлина Степановна, а фамилия Старухина. Это вот дорогой муженек наградил меня. Каково, а?.. – нерешительно шепчет она. – Даже фамилия старит меня, – и **прыснула**, радуясь собственному остроумию.

– Пройдемте ко мне в кабинет.

Мелкими танцующими шажками Павлина Степановна пошла в сторону моего кабинета, а вслед за ней последовал и я.

– Тима, – говорит она ласково мужу, – будь умным мальчиком, посиди здесь!

И муж остался сидеть на прежнем месте...

Войдя в кабинет, она первым делом разделась, повесив пальто на вешалку, и присела на диван. Я пристально уставился на нее. Немыслимого цвета волосы были собраны в конский хвост, доходивший до пояса. Фиолетовое пальто, розовое пятно шляпки, морковная **шевелюра** – тутти-фрутти, что на русский слух звучит, как **мешанина** всех цветов. Высокая, прямая, неумная, никогда не расставаясь с многослойными пышными юбками и неизменно сохраняя – несмотря на шестидесятилетний возраст и пережитые **невзгоды** – своеобразный облик, Павлина, казалось, несла на **челе** своем духовный крест **целомудрия**.

– Я вас, конечно, уже видела раньше, когда вы проходили мимо с врачами, – заметила она, как только мы сели. Она замолкла.

– На удивление, я узнал вас по голосу, ибо ваш голос, – нарушил я молчание, стараясь изо всех сил быть **галантным**, – забыть невозможно.

– Могу вернуть вам ваш **комплимент**: мне нравятся такие мужчины, как вы.

Это заявление было подкреплено неизбежным **хихиканьем**, смехом **исподтишка**. Я чувствовал себя **обескураженно**: у меня абсолютно не было опыта общения с такими вольными пациентками.

– С чем вы, Павлина Степановна, пожаловали ко мне? Чем могу помочь?

– Очень любезно с вашей стороны принять меня. Вы спрашиваете, с чем я пожаловала? У меня ужасные ноги. Вот посмотрите...

И я увидел О-образные, или, как мы их называем, кавалерийские ноги с выраженной варусной деформацией. Чаще всего – следствие разрушительного процесса при деформирующем артрозе коленного сустава.

– У меня каждое утро, как только я просыпаюсь, появляются ноющие и грызущие боли в обоих суставах, потом в начале рабочего дня, пока они не разработаются. Боли периодически обостряются, особенно после нагрузки, пребывания на холоде и в дождливую погоду. А в последние полтора-два года они становятся все больше и больше кривыми. С ума сойти! – с вымученной улыбкой произнесла Старухина.

В принципе, диагноз несложен: деформирующий артроз второй стадии с клинически выраженными искривлениями коленных суставов, ограничением движений, сопровождаемых грубым хрустом и атрофией мягких тканей. Вот такое мрачное соцветие красок!

– С вашим заболеванием все понятно, – кивнул я. – Мне хотелось бы только уяснить: вы когда-нибудь

обращались к врачам со своими ногами? Если не захотите отвечать – ничего страшного.

– Могу ответить категорично: нет.

– Почему?

– Думала: нет-нет да и пройдет. Смазывала колени всякими гелями: то Вольтарен-эмульгелем, то Фастум-гелем, применяла широко рекламируемые Мовалис и Найз, согревающие компрессы.

– При второй стадии заболевания, которое определяется и клинически (прогрессирующее течение, стойкий болевой синдром и контрактуры суставов в порочном положении) и рентгенологически по давнишним и сегодняшним снимкам (обширные костные разрастания), вам показана операция. Как видите, все данные свидетельствуют об этом.

Она слушала с большим интересом и при этом театрально воздевала руки и **гримасничала**, но вопреки моим опасениям она не позволила себе ни одной **пошлой** реплики. Рассказывая, я присматривался к ней. Если бы не толстый слой косметических красок, ее лицо можно было признать привлекательным: ровные белые зубы, четко очерченный подбородок, бархатные глаза; при всей ее **аффектации** и **жеманстве** в ней чувствовалась непритворно человеческая теплота; будь она иначе одета, по-другому причесана и подкрашена, это была бы милая и красивая женщина. И в девушках она, наверно, была по-своему обаятельна, хотя и **заурядна**.

Когда я закончил свое повествование, Павлина Степановна вдруг снова стала на миг этой девушкой. Посмотрела на меня так ласково, почти с умилением и нежностью, и сказала без всякого жеманства, с милым просторечием:

– Честное слово! Я очень рада, что повидалась с

вами.

И с лукавой **ухмылкой** показала белые, как **жемчуг**, зубы.

Не вдаваясь в дальнейшие подробности, я разъяснил ей, что методом выбора в настоящее время является хирургическое рассечение большеберцовой кости. Странное выражение мелькнуло на лице Старухиной.

– Ничегошеньки! – **истерично** взвизгнула она. – Сломать, значит, кость...

– Не ломать, а старательно и аккуратно с помощью пилы и долота рассечь кость, а после устранения деформации фиксировать отломки. Вот тут вам предстоит подумать. Одним из лучших методов удержания отломков в заданном положении является аппарат Илизарова. У нас в клинике в совершенстве овладели этим методом доктора медицинских наук С.В. Дианов, кандидаты медицинских наук Н.Н. Михайлов, М.В. Григанов, С.А. Войнов, Д.Б. Суринков и Э.Э. Арустамян, врачи Д.А. Селин, Е.В. Маркина, Р.Т. Кафланов, А.В. Мазуренко, а в последнее время и **молодая поросль** И.Н. Заднепровский, Р.Ф. Велиев и другие. Так что соглашайтесь!

– О, нет. Только не аппарат. – Охваченная возбуждением, она стала похожа на **ястреба**: бархатные глаза вмиг превратились в яростные, сжатые губы, хищно заостренный нос. – Знающие люди говорят, что за ним нужен уход не меньший, чем за новорожденным. Надо постоянно обрабатывать спиртом кожу вокруг спиц – иначе возможно нагноение и даже остеомиелит. Вы представляете, что это будет за жизнь? Это будет уже не жизнь, а невообразимая суматоха. В травмпункт и поликлинику не находишься. Да там нескончаемые очереди, в узких коридорах набиваются больные толпами, кругом шум и гам – все говорят разом, передавая друг

другу свои заботы. Между ними, порой, вспыхивают ссоры и на все помещение поднимается страшный ор. Ухаживать за аппаратом в домашней обстановке – тоже не лучший способ. Так что этот вариант, профессор, отпадает. Он не по мне. А что другого не существует?

– Почему же? Мы с доцентом Челяковой, **по старинке**, соединяем кость перекрестными спицами и накладываем месяца на три гипсовую повязку от кончиков пальцев до паховой складки. С трудом, но можно передвигаться по комнате с костылями. Так как?

– Вот это мне подойдет...

– Тогда готовьтесь к операции. Сейчас я согласую с ортопедом поликлиники вопрос о дате госпитализации. Будьте счастливы!

– До свидания. Огромное вам спасибо!

– Пока не за что.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Просмотрите текст рассказа. Объясните, как вы понимаете подчеркнутые выражения. Придумайте ситуации, при которых возможно употребление данных выражений.

Задание 2. Ответьте на вопросы:

- 1) С каким диагнозом поступила в клинику Павлина Старухина?
- 2) Охарактеризуйте главную героиню.
- 3) Обращалась ли Павлина Старухина к докторам раньше?
- 4) Чем она лечилась?
- 5) Какое лечение предложил ей врач?
- 6) Как отреагировала Павлина Старухина на предложение врача?

Из книги «ЗА ДЫМКОЙ ВРЕМЕНИ» «ОБХОД. РАССЕЯННАЯ ГРУСТЬ»

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Ажурный – сквозной, мелкосетчатый.

Безрассудный – неблагоприятный, не сдерживаемый доводами рассудка.

Джемпер – вязаная фуфайка без воротника, надеваемая через голову.

Застраховать – предохранять от чего-либо неприятного, нежелательного.

Изрекать – *устар. и ирон.* произнести, сказать.

Импозантный – способный импонировать; представительный.

Кинодива – актриса кино.

Криогенный – относящийся к низким температурам (ниже -153°C).

Обворожительный – приводящий в восхищение, очаровательный.

Одри Хепбёрн – британская и американская актриса, фотомодель.

Рисковать – подвергаться риску, ставить себя перед возможной неприятностью.

Романтичный – *о чел.* мечтательно-созерцательный.

Романтический – проникнутый романтизмом.

Ростова-на-Дону – крупнейший город на юге России, административный центр Ростовской области и центр Южного федерального округа.

Сигнал – *здесь: перен.* предупреждение, сообщение о

чем-то нежелательном.

Снисходительный – не строгий, не взыскательный; обидно высокомерный.

Стезя – *стар. высок.* путь, дорога.

Умиротворенный – полный покоя, удовлетворения.

Задание 2. Определите значение слов, исходя из значения их составных частей.

Разноцветный, прибранный, беспокойство, безрассудный, внутриочаговый, хладнокровие, предоперационный, проросший.

Задание 3. Замените предложения с причастным оборотом конструкциями со словом *который*.

1. Регина Тихонова Брагина – импозантная женщина пятидесяти лет – была очень стройной, бледной и с благородной прической в стиле обворожительной кинодивы Одри Хепбёрн, украшенной ажурным ободком, в нарядном платье под легким домашним халатом, подчеркивающим ее пышные формы. 2. И хотя эта опухоль, как правило, отличается медленным ростом, она вызывала деформацию в крестцово-копчиковой области и появление узла, определяемого пальпацией. 3. Она была одета в узкую юбку с разноцветными продольными полосками и плотно облегающий фигуру вязаный джемпер, подчеркивающий все изгибы ее красивого тела. 4. К сожалению, спустя семь месяцев после операции, она скончалась от рецидива хордомы, проросшей в мышцы и ползущей по спинномозговому каналу.

Задание 4. Прочитайте текст и выполните послетекстовые задания.

***

Она прибыла недавно из онкологического диспансера и находится у нас в ортопедической клинике уже в течение трех дней. Регина Тихонова Брагина – импозантная женщина пятидесяти лет – была очень стройной, бледной и с благородной прической в стиле **обворожительной кинодивы Одри Хепберн**, украшенной ажурным ободком, в нарядном платье под легким домашним халатом, подчеркивающим ее пышные формы. На бледном симпатичном лице какая-то странная **умиротворенная** улыбка, почти восторженная. Но время от времени в состоянии обостренного внимания в печальном взгляде ее карих глаз мелькает настороженность, мелькнет и нет. Но больше всего она поражала меня тем, что, будучи гордой, независимой и сильной женщиной, с царственной небрежностью **изрекала** очевидные вещи: «Вы, Николай Петрович, из **Ростова-на-Дону**?.. Ах, Ростов-на-Дону! Какой город! Один из красивейших городов на юге России!.. Я провела там двадцать лучших лет своей жизни. Город прекрасен. Новые кварталы великолепны. Быстрыми темпами строят превосходные дома в разных стилях. Множатся скверы, сады, аллеи, фонтаны. Неслыханная роскошь во всем! Трамваи, троллейбусы, такси и широкие проспекты. А какая смесь народов, одежд и лиц?! Это неизменный и постоянный праздник для глаз!»

– Да, согласен. Ростов-на-Дону – столица Северного Кавказа.

– Летом, бывало, каждый выходной мы переправлялись на левый берег Дона, или по привычке мы похвалялись – «левобердон», чтобы пожарить на природе шашлыки, искупаться, посидеть у костра.

Нередко она исправляла, как ей казалось, ошибки в речи своего мужа: «Ну, что ты говоришь, Вениамин, –

ишиас? Теперь так не изъясняются. Надо сказать «остеохондроз позвоночника», не так ли, профессор?»

Она была крайне **снисходительна** к своему племяннику Степану Доманову, бездарному врачу с подлой душонкой! Сама она была серьезно больна. Уже в онкологическом диспансере Регина вызвала беспокойство у своих близких, так как «хордома», опухоль крестца, прогрессировала. И хотя эта опухоль, как правило, отличается медленным ростом, она вызывала деформацию в крестцово-копчиковой области и появление узла, определяемого пальпацией. Больная отмечает наличие непостоянных, ноющих болей в области крестца и частые запоры.

Предстояло решить: как быть, по какой **стезе** пойти? Либо провести внутриочаговую резекцию крестца с удалением опухолевых масс и **криогенное** воздействие на стенки образовавшейся полости, либо **резекцию** пораженного отдела крестца и копчика вместе с опухолью без нарушения ее целостности. Но это в том случае, если опухоль не будет распространена выше третьего крестцового отверстия, то есть отхождения главных спинномозговых нервов.

А пока мы все находились в тревожном ожидании. Брагина терпеливо пила лекарства, не теряя надежды на выздоровление, а мы, врачи, старались сохранять хладнокровие в этой отчаянной ситуации.

Не дожидаясь приветствия академика Коржа, она первой произнесла:

– Доброе утро! – Регина сидела на прибранной постели. Под глазами ее были темные круги – она не спала этой ночью. Но, тем не менее, она была одета в узкую юбку с разноцветными продольными полосками и плотно облегающий фигуру вязаный **джерпер**, подчеркивающий

все изгибы ее красивого тела.

– Здравствуйте, больная. Я вижу, вам так и не удалось отдохнуть. У вас измученный вид.

– Ничего. Я не устала. А как вы?

– Вполне. Спасибо... – Корж сел на стул. Он внимательно осмотрел Регину Тихоновну, затем огляделся по сторонам и, увидев лечащего врача, попросил показать ему рентгенограммы.

– Мы должны знать о больном все, но вы сами понимаете, никто не застрахован от случайных накладок. Мы все озабочены и... сочувствуем вам, – признался Алексей Александрович.

– Понятно...

– Вам нужна операция. Николай Петрович поможет вам ответить на многие вопросы. Он – толковый хирург-ортопед и, конечно, найдет выход из создавшейся ситуации – если из этой ситуации вообще есть выход. А хотите, мы возьмем вас с собой в Харьков, в наш институт ортопедии и травматологии.

– Нет. Нет, не хочу.

В понедельник, после поездки на взморье я зашел к ней. Кровь стучала у меня в висках. Я смотрел на Регину. Она медленно пошевелилась, осознав мое присутствие, поглядела на меня и улыбнулась. Улыбка Регины была настоящим чудом, свежей и милой. Она была рада видеть меня.

Она понимала, что я чем-то возбужден. Возможно, решила, что это вызвано известием о предстоящей операции.

– О чем вы думаете, Николай Петрович? – вдруг обратилась ко мне Регина.

– О том, чтобы направить вас в Москву, на обследование.

– Зачем? – запротестовала она, – Я на вас полагаюсь полностью... – Она взглядом попросила соседок по палате присоединиться к ее словам, и те дружно закивали в знак согласия. – Говорят, вы хороший хирург, вам можно верить. Я надеюсь на вас! – повторила она.

В голове у меня, как **сигнал** тревоги, промелькнуло: «Не впутывайся, не позволяй себе увлечься, не **рискуй**...»

«Не впутывайся», – еще раз подумал я и тут же сказал:

– Ну, хорошо. Пусть будет по-вашему.

Не знаю сам, искренне ли я говорил это...

По ее лицу я видел, что семена посеяны. Я сказал ей только то, что она знала сама. Я не хотел, чтобы эта женщина страдала. Мне она нравилась. Но даже безумно **романтичный** мужчина вроде меня должен быть практичным, и я стал практичным в безумно **романтическом** смысле. Я стал **безрассудным** – пустился в сложный путь, не соразмерив сил с дорогой трудной.

Прощаясь, я пожал ей мягкую ладонь. Регина Тихоновна едва заметно подмигнула мне. По крайней мере, так мне показалось.

Вскоре после тщательного обследования и предоперационной подготовки с участием многих специалистов ей было произведено радикальное хирургическое вмешательство. К сожалению, спустя семь месяцев после операции, она скончалась от рецидива хордомы, проросшей в мышцы и ползущей по спинномозговому каналу.

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Просмотрите текст рассказа. Объясните, как вы понимаете подчеркнутые

выражения.

Задание 2. Найдите в тексте предложения с вводными словами и конструкциями.

Задание 3. Ответьте на вопросы:

- 1) Откуда поступила в ортопедическую клинику Регина Брагина?
- 2) Что ее беспокоило?
- 3) Перед каким выбором стояли врачи клиники?
- 4) На какой операции настаивал академик Корж?
- 5) Как на это отреагировала Регина Брагина?
- 6) Была ли сделана ей операция? Каков был исход?
- 7) Как вы думаете, можно ли было спасти пациентку?

Задание 4. Найдите в тексте предложения, описывающие внешность Регины Брагиной.

«ОБХОД. РАССЕЯННАЯ ГРУСТЬ» (продолжение)

ПРЕДТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Прочитайте Лексический комментарий:

Валик – туго набитая, продолговатая подушка для поперечных краев дивана, тахты.

Жуткий – *разг.* тягостный, вызывающий чувство ужаса; очень плохой, ужасный.

Иммобилизация – создание неподвижности (покоя) какой-либо части тела при некоторых повреждениях (ушибах, ранах, вывихах и др.) и заболеваниях.

Колыхаться – *разг.* слегка, мерно качаться, колебаться.

Копейка – мелкая монета, сотая доля рубля.

Лепетать – несвязно, неразборчиво говорить (обычно о речи ребенка).

Локон – вьющаяся или завитая прядь волос.

Махровый – мохнатый, с ворсом из петелек основных нитей.

Монография – научное исследование, книга, посвященная одному вопросу, теме.

Назначение – область, сфера применения кого-либо, чего-либо.

Наизнанку – изнанкой наружу, лицом вниз.

Непоколебимый – стойкий.

Перстень – кольцо, обычно с драгоценным камнем.

Повседневный – осуществляемый изо дня в день, всегда.

Проворно – очень быстро.

Столетие – век.

Стратегия – *здесь перен.* искусство планирования руководства, основанного на правильных и далеко идущих прогнозах.

Суета – все тщетное, пустое, не имеющее истинной ценности, торопливые и беспорядочные хлопоты, излишняя торопливость в движениях, в работе, в поведении.

Умиление – нежное чувство, возбуждаемое чем-то трогательным.

Уныние – безнадежная печаль; гнетущая скука.

Цитировать – приводить цитату.

Задание 2. Определите значение слов, исходя из значения их составных частей.

Белоснежный, разноречивый, травмпункт, сопереживание, сострадание, легкомысленный, благоприятный, переспрашивать, трудновправимый, пожилой, перепад, безграничный, внескелетный, костеобразование, физиотерапевтический, безучастный.

Задание 3. Прочитайте однокоренные слова, определите их грамматические классы и значение. Составьте с новыми словами словосочетания или предложения.

- 1) Сгиб, сгибать, гибкий, сгибание.
- 2) Массаж, массировать, массажист, массажный.
- 3) Сложный, осложнить, осложнение.
- 4) Назначить, назначение, назначенный.
- 5) Травматолог, травмировать, травматичный, травма.

Задание 4. Замените предложения с причастным оборотом конструкциями со словом *который*.

1. В этих заметках автору пришлось отойти от показа научно-технических и практических достижений, достигнутых в эти годы сотрудниками кафедры и врачами ортопедо-травматологических отделений. 2. Читателям важно было раскрыть психологический настрой больных, оказавшихся в силу различных причин в необычной обстановке, их страхи, сомнения. 3. В палатах лежат самые различные больные: молодые и пожилые, спокойные, подавленные, конфликтные, легкомысленные, испуганные, с резкими перепадами настроения, вызванными необходимостью активно участвовать во многих делах.

Задание 5. Прочитайте текст и выполните послетекстовые задания.

– А у вас что, больная? – Не дожидаясь представления ее лечащим врачом, обратился Корж к молодой женщине лет двадцати шести, с огненными **локнами** волос, **колыхавшимися** на фоне белоснежного **махрового** халата. На правой руке, согнутой под прямым углом, задняя гипсовая лонгета. Она только что вошла в палату. Все мы обратили внимание на то, как она идет к кровати, стоящей у окна – спокойно, размеренно, с достоинством...

– Простите меня за опоздание, – она улыбнулась. На ее щеках появились ямочки, в которые можно вставить **копейку**. – Зовут меня Нора Бекларовна. Я – армянка, а фамилия украинская – Савченко. Этакая горячая смесь разноречивых чувств и настроений. Лежу здесь с травматическим вывихом предплечья.

– Не можете ли вы, Нора Бекларовна, рассказать, как все это произошло?

– Да тут и рассказывать нечего. Спешила утром на работу в дом быта «Кристалл», случайно поскользнулась на ступеньке, взмахнула правой рукой. И вот тебе – вывих! Господи, как это неприятно!

– Согласен, – обронил Корж. – И как это случилось? Вы упали?

– Да, – ответила она. – Я сама не могу понять почему, сколько ни думала. Острая боль обожгла мне руку, и я вскрикнула. Услышала только, как открылась дверь, и из соседней квартиры вышел высокий молодой человек, который тоже торопился. На удивление, это был доктор, недавно поселившийся с семьей в нашем доме. Невозмутимый и спокойный, он произвел на меня весьма благоприятное впечатление своей уверенностью в себе – в два счета сообразил, что к чему. Довольно и легко усадил меня в свою новенькую «Волгу» и помчался в травмпункт

на огромной скорости. Я не верила своему счастью и в десятый раз переспрашивала его, куда он меня везет. «Не волнуйтесь, все обойдется», – говорил он дорогой. Но сама я не верила, да, вероятно, и он не верил. Ведь он психотерапевт, Вячеслав Протасов. Его все знают. Спасибо ему. Как видите, и в наше время на жизненном пути встречаются чуткие, незачерствевшие люди, способные к состраданию и сопереживанию. Он, добрая душа, доставил меня по прямому **назначению**. А уж после осмотра в травмпункте врач попытался устранить смещение костей, но, несмотря на анестезию, ему это не удалось сделать, и он направил меня сюда.

– Похвально... похвально, – отозвался Алексей Александрович о психотерапевте и попросил ее подвигать пальчиками, потом внимательно изучил рентгенограммы. – К сожалению, встречаются трудновправимые вывихи. А теперь постарайтесь успокоиться, Нора Бекларовна, я осматриваю вашу руку.

– Я понимаю, – ответила она, но в ее голосе не было **непоколебимой** решимости.

Во время этой беседы с Коржем Нора Бекларовна была в наилучшей форме: я имею в виду – интеллектуально.

Он посмотрел на руку Норы Бекларовны. Она носила два перстня.

– У вас такой чудесный **перстень**, – сказал Корж.

– Который?

– Вот этот.

Она сняла перстень и, покрутив пальцами, показала ему.

– Видите ли, этот перстень очень нравится моему мужу, – объяснила Савченко.

А потом он взял ее правую руку своей и нежными

прикосновениями пальцев добрался вверх, вплоть до жаркого пуха подмышки, покрутил, почмокал и произнес:

– Все будет хорошо.

– Приятно.

Он помолчал, внимательно посмотрел на нас, а затем сказал:

– Более пятнадцати лет назад, работая над кандидатской диссертацией, я вплотную занялся переломами и вывихами в локтевом суставе. Мне постоянно приходилось осматривать больных с этой патологией. Так что еще раз повторяю, беспокойств по поводу функции конечности не может быть.

– Как долго вы собираетесь держать руку в гипсовой лонгете? – задал вопрос Корж ассистенту Владимиру Костенко, который курировал эту палату.

– Мы делаем все от нас зависящее, Алексей Александрович, с первых дней ей назначена лечебная гимнастика в свободных от **иммобилизации** суставах, а по снятии гипсовой лонгеты – через полторы недели со дня наложения – будет назначена лечебная гимнастика для локтевого сустава, массаж мышц плеча и предплечья.

– Все правильно сделано. Я приветствую и одобряю ваш план лечения больной, – согласился он.

Его монолог возымел действие: Нору Бекларовну аж затрясло от **умиления**. Она признательно улыбнулась.

– Вы так добры Алексей Александрович, – **лепечет** она, поднимая на него повлажневшие глаза.

– Это мое слабое место, – шепчет он, – я всегда слишком добр с женщинами...

– Спасибо вам, – сказала она, постаравшись вложить в эти два слова максимум доброжелательности...

– Другое дело, коллеги, – обращается Корж к присутствующим, выходя из палаты в коридор, – надо не

забывать о внескелетном костеобразовании при травматических вывихах. Здесь мы с интересом узнаем, что данное осложнение наиболее часто встречается в области локтевого сустава. Причина преимущественного поражения оссифицирующим миозитом локтевого сустава, видится мне, в особенностях анатомического строения и частоте вывихов в этом суставе по сравнению с другими. Я не стал развивать эту тему в присутствии больной. Молодая женщина могла впасть в глубочайшее **уныние** и стать ко всему безучастной. Вот так-то, друзья. Поэтому не перегружите Нору Бекларовну излишними процедурами – физиотерапевтическими, горячими примочками, силовыми болезненными сгибами и разгибами локтя.

– Да, да.

– Это целая **стратегия**, Владимир Борисович. Все вместе. У нас врачей очень большая аудитория. Врач в наши дни – это не только мозг и руки, это личность, это легенда, наконец, пример...

Корж положил руку на плечо Костенко. Он хотел подбодрить молодого человека.

– Расслабьтесь, Владимир Борисович.

– Хорошо, Алексей Александрович, я постараюсь приложить все силы к ее выздоровлению.

– Мне кажется, что я неплохо осветил эту тему в своей монографии «Гетеротопические травматические оссификации», изданной в Москве в 1963 году. Я довольно подробно описал все сложности... – и, понизив голос, Корж добавил: – Николай Петрович знает об этом, ибо с Петром Петровичем Коваленко он дал блестящий отзыв на мой научный труд, заключив, что **монография** принесет несомненную пользу как практическим врачам в их **повседневной** работе, так и научным работникам, которые с упорством и настойчивостью трудятся над разрешением

многих вопросов этой сложной и интересной, но далеко не понятной проблемы». Я по памяти процитировал конец этого отзыва. Он опубликован в нашем журнале за 1964 год в пятом номере...

...В этих заметках автору пришлось отойти от показа научно-технических и практических достижений, достигнутых в эти годы сотрудниками кафедры и врачами ортопедо-травматологических отделений.

Читателям важно было раскрыть психологический настрой больных, оказавшихся в силу различных причин в необычной обстановке, их страхи, сомнения. Ведь, по существу, в палатах лежат самые различные больные: молодые и пожилые, спокойные, подавленные, конфликтные, легкомысленные, испуганные, с резкими перепадами настроения, вызванными необходимостью активно участвовать во многих делах или утратившие шанс оказаться в нужное время в нужном месте, дабы подняться на ступень карьерной лестницы. Все они ждут от врачей помощи, приносящей облегчение. Искусство врача – содействовать выздоровлению больных, ибо в любом случае важнейшим фактором является вера в выздоровление. Без этой веры выздоровление невозможно.

«Хороший врач проникателен в определении болезни и мудр в лечении; но этого мало: он никогда не жалеет себя, помогая своим пациентам, и относится к больному не как к неодушевленному объекту, а как к личности... Хороший доктор, будь то обычный терапевт или специалист, всегда будет изучать личность пациента не менее тщательно, чем заболевание», – сказал мудрый Хью Кэйрнс, живший в конце девятнадцатого до середины двадцатого столетия.

Да, это так. Однажды в мой кабинет постучалась знакомая Колубаева. Вначале настроение у нее было

жуткое. Ворвавшись в комнату и едва поздоровавшись, она примостилась на **валик** дивана вблизи меня и скрестила руки на груди. Должно быть, ее что-то расстроило: я заметил, что один носок ее был надет **наизнанку**.

– Вас что-то тревожит, Дания Бектурсуновна? – недоуменно спросил я.

Оказывается, она всей душой болела за сына, который поехал в Москву устраиваться на работу.

– А так, – отозвалась она, – обычная **суета**. Всяческие жалобы больных, не хочется пересказывать. Лично я большую часть времени трачу на чтение книг, – немного смутившись, продолжала она. – Как ни хорошо в больнице, но она сильно напрягает. Важно, что нас объединяет безграничная любовь и преданность тех, кто остался за оградой больничного комплекса. Тех, кто живет для нас и составляет наш мир: семья, муж, дети, внуки, близкие друзья, приятели. И это самое дорогое, что мы имеем. И хотя нам оставили лишь истерзанные, сломанные тела на больничной койке, с нами остаются наши мысли и наши чувства.

И я считаю, – закончила она свое повествование, – что достоинство человека поистине заключено в его мыслях и в его чувствах...

ПОСЛЕТЕКСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

Задание 1. Найдите в тексте глаголы движения, определите категорию времени.

Задание 2. Выпишите из текста медицинские термины, найдите в словаре их толкование.

Задание 3. Найдите в тексте предложения с

деепричастными оборотами, замените их синонимичными конструкциями.

Задание 4. Ответьте на вопросы:

- 1) Кто главные герои новеллы?
- 2) Что произошло с Норой Бекларовной?
- 3) Кто оказал ей первую помощь?
- 4) Куда привезли пациентку?
- 5) Какой диагноз был поставлен Норе Бекларовне?
- 6) Какие назначения сделал врач?
- 7) О каком осложнении предостерегал академик Корж?
- 8) Что академик Корж называет «стратегией»? Почему?
- 9) В чем автор видит главное назначение врача?
- 10) Какие категории больных выделяет автор?

Задание 5. Объясните, как вы понимаете изречение Хью Кэйрнса: «Хороший доктор, будь то обычный терапевт или специалист, всегда будет изучать личность пациента не менее тщательно, чем заболевание».

Задание 6. Напишите небольшое сочинение-рассуждение на одну из мыслей текста:

- 1) «Искусство врача – содействовать выздоровлению больных...».
- 2) «Хороший врач относится к больному не как к неодушевленному объекту, а как к личности...».
- 3) «Врач в наши дни – это не только мозг и руки, это личность, это легенда, пример...»
- 4) «Достоинство человека заключено в его мыслях и в его чувствах...».

ПОЭТИКА МЕДИЦИНЫ

Учебное пособие по чтению и развитию
речи

**Сатретдинова А.Х., Глухова Н.В., Космачева О.Ю.,
Матюшкова А.И., Утежанова Ж.Э.**

Компьютерный набор и форматирование –
авторские

Технический редактор – Космачева О.Ю.

Подписано к печати .....

Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. листов

Заказ №

Тираж 200 экз.

Издательство ГБОУ ВПО
«Астраханская государственная медицинская академия»
414000, г. Астрахань, ул. Бакинская, 121